

Елена Лебедева

В какой стране жить хорошо или Сафари на “Большую Пятерку”

Елена Лебедева

**В какой стране жить хорошо, или
Сафари на «Большую пятерку»**

«Издательские решения»

Лебедева Е.

В какой стране жить хорошо, или Сафари на «Большую пятерку» /
Е. Лебедева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931854-1

Мы часто думаем, что счастье впереди. Еще немного усилий, и там, за поворотом или, может быть, в далекой стране, наконец-то откроется главное, что-то самое важное в жизни... И мы мчимся, летим, преодолеваем все немыслимые трудности, теряем и находим, плачем и смеемся, и однажды... мы находим его, иногда совсем не там, где предполагали...

ISBN 978-5-44-931854-1

© Лебедева Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие. 1 февраля 1996 года	8
Часть 1. В поисках американской мечты. Первая попытка. США, 1996 год	12
Часть 2. В поисках французского шарма. Франция, 2002 год	42
Конец ознакомительного фрагмента.	79

В какой стране жить хорошо, или Сафари на «Большую пятерку»

Елена Лебедева

© Елена Лебедева, 2018

ISBN 978-5-4493-1854-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мужик умер и в рай попал. Там оказалось неплохо, в принципе, но как-то скучно.

И вот организовали им тур в ад. Приехали они туда, а там тусовка, казино, клубы, красивые девушки!

Мужику так понравилось, что, вернувшись, он сразу попросился в ад на постоянное место жительства. Его отпустили, но когда он приехал в ад, черти его хватя и в котел с кипящей смолой.

Мужик кричит: «Как же так? А где клубы, тусовки, девочки?», а черти ему: «Ты, мужик, не путай туризм с эмиграцией».

Это мой любимый профессиональный анекдот.

Проработав двадцать пять лет в туристическом бизнесе и объехав более сорока стран мира, я однажды поймала себя на мысли, что картинка с маленьким уютным домиком на берегу океана всё чаще встает перед глазами. И хотя я была не согласна с фразой «Родина-уродина» из песни Шевчука, ближе мне был его эпитет «некрасавица»: все недостатки жизни в России мне были видны, как говорится, невооруженным взглядом.

Конечно, денег на покупку недвижимости у меня не было. А вдруг произойдет непредвиденное, и деньги на меня, что называется, свалятся? Я ведь могу растеряться и купить что-нибудь не то или не там! Поэтому я заранее решила всё разузнать, чтобы быть, как говорится, во всеоружии.

Для этого сначала предстояло разобраться, где этот домик, собственно говоря, должен находиться. В Интернете было много информации об эмиграции: условия получения вида на жительство в разных странах, где какая зарплата, квоты, где можно открыть бизнес, а где это сделать невозможно. Описывались ужасы, с которыми пришлось столкнуться людям, уехавшим из страны.

Мне понравилось, как написал в своем блоге один австралийский иммигрант. Он очень точно выразился о смысле переезда на постоянное место жительства: «Если клуб покупает футболиста, то он должен играть во много раз лучше, чем игроки из команды, иначе какой в этом смысл?»

Поэтому было бы глупо ехать в какую-то страну только потому, что там легче получить вид на жительство. Хотелось, чтобы и климат был хороший, и чисто, и красиво, и удобно, и без этих политических метаний страны из стороны в сторону. Одним словом, хотелось стабильности, да и, чуть не забыла, свободы!!! Теперь всё.

Не зная, с чего начать, решила: начинать нужно с анекдота, анекдот – это средоточие мудрости. Были в нем какие-то противоречия.

Все, кто был за границей, видели прелести их жизни. «Я хотел бы там жить», – обычно говорили туристы, возвращаясь из поездки. Итак, предположим, ты – турист. Природа, различные достопримечательности, хорошие дороги, улыбающиеся люди – всё это создает картину райской жизни. Первая часть анекдота понятна.

А вот во второй его части некоторая странность. Ты приехал на постоянное место жительства, вокруг тебя та же природа, те же рестораны, те же достопримечательности – всё то же самое, чем наслаждаются туристы. Ничего не изменилось. Почему тогда ад? Видимо, ад начинается тогда, когда ты начинаешь тесно соприкасаться с людьми и с системой. До этого ведь ты мог только радостно хихикать в ответ на их широкие улыбки...

Надо сказать, версия, что русские люди не могут приспособиться к жизни в другой стране, вообще смешная. Если подумать, то наша жизнь прошла не в одной, а в нескольких

странах, хотя все они назывались «Россия». Каждый день новые законы, новые специальности, новые виды бизнеса.

Может, сложность в том, что нам трудно постичь западную культуру, которая намного «культурнее» нашей? Тоже маловероятно. К хорошему, как известно, быстро привыкаешь.

Может, проблема в ностальгии? «Ностальгия – это моральные страдания и боль по утраченному прошлому, пусть и несовершенному, но такому родному». Но как можно испытывать страдания, если твоя жизнь стала лучше? Не в ностальгии, видимо, дело.

Так в чем же тогда?.. Есть такой метод – доказательство от противного. Придется отсечь от глыбы мрамора всё ненужное, и останется в нашем случае «голая правда».

Хочу разочаровать тех читателей, которые думают, что эта книга – об эмиграции. Издание не предназначено и для тех, кто хочет уехать из России любыми способами куда угодно, по принципу «лишь бы отсюда, а там разберемся». Существует множество умных книг по этому вопросу, как и множество советов, как пережить все трудности «переходного» периода.

Мы воспитаны на русских сказках, в которых герои преодолевают многочисленные препятствия, чтобы дело триумфально завершилось свадьбой: «И стали они жить-поживать и добра наживать». Миновав детскую пору, мы уже на собственном опыте убеждаемся, что все сложности в этот момент только начинаются. До этого были, как говорится, цветочки.

Книга начинается как раз с этого места. Предположим, у вас уже случился этот домик. Вы прошли свой путь – длинный или короткий, трудный, а может, и легкий, – и это уже не мечта, а реальность. А стоила ли игра свеч?

Обычно название книги очень затейливое, и автор до последней страницы не раскрывает его смысл. У меня секретов нет. Книга называется: «В какой стране жить хорошо, или Сафари на «Большую пятерку». Первая часть названия понятна, а ко второй нужны пояснения.

Сафари, как известно, – охота. «Большая пятерка», она же «Большая африканская пятерка», – довольно известный термин. Это слон, носорог, лев, буйвол и леопард. Множество людей путешествуют в Африку, чтобы увидеть в живой природе этих животных и стать счастливее. При одной мысли о возможности увидеть леопарда глаза любого иностранца поднимаются к небу и заволакиваются невольными слезами.

У русского человека своя «Большая пятерка»: Австралия, США, Франция, Великобритания и Швейцария. Не буду утверждать, что это общепринятый список, – вероятно, у каждого он свой, – но среднестатистический русский человек при мысли о возможности жить в Париже или Лондоне делает такие же движения глазами, вздыхает, и окружающим становится всё понятно без слов. А уж страна Австралия – это даже не просто рай, а рай для избранных.

Эта книга об охоте на секреты счастливой жизни в самых развитых странах мира. Герои – собирательные образы реально существующих людей. Одни живут за границей, другие – в России, некоторые собираются возвращаться, другие мечтают уехать.

За годы профессиональных путешествий у меня накопилось столько историй, что хватило бы на десяти томик. Один мой друг сказал: «Это только твое мнение, твой опыт и твои выводы. Нельзя расширять частное до общего. Но, в конце концов, это твоя книга, и ты можешь писать что хочешь».

Прислушавшись к его совету, я решила собрать истории, которые произошли не только со мной. Так что все описанные события реально произошли в Нью-Йорке, Цинциннати, Вашингтоне, Лондоне, Лозанне, Цюрихе, Сиднее, Перте, Париже и Москве. И это, я надеюсь, уже позволит сделать читателю выводы, опираясь на научные статистические методы: «Тенденции, однако...»

Предисловие. 1 февраля 1996 года

Она уже проснулась, но лежала с закрытыми глазами. Она знала, что если подойдет к окну, то увидит серое утро.

Мелкий снег, метель и двадцать градусов мороза. Каждый год именно в этот день погода, непредсказуемая всё остальное время, демонстрировала постоянство.

Первое февраля было днем стабильности этого города...

Город был не большой и не маленький, не богатый и не бедный. Средний такой город, стоящий на берегу реки Волги. И вроде всё было в нем: театры, институты, рестораны, музеи, набережная, старинные здания, прогулочная улица в центре с многочисленными кафе, – но всё было какое-то обычное.

И название у города было обычное – Тарасов.

Жизнь была тоже нормальная, и если бы ее спросили: «А хорошо ты живешь?», Она ответила бы: «Неплохо...» А если бы спросили, счастлива ли Она, не задумываясь сказала бы: «Нет». Она абсолютно точно знала, что счастливая жизнь – другая. И дело было вовсе не в ее характере – Она была оптимистом. Хотя скорее оптимистом-реалистом. Кто-то думает, что стакан наполовину пуст, у других он наполовину полон. Она считала: хорошо, что есть полстакана воды. И стакан полон, когда он полон.

Она стояла у окна. Четыре стоянки для машин, окруженные нелепыми девятиэтажками. Видно, как владельцы автомобилей с трудом пытаются завести их в мороз. После чашки кофе ее ожидает та же участь. Повезет? Не повезет? Но кто-нибудь поможет обязательно. Ее машина была обычной «неинномаркой», которая занимала почетное предпоследнее место в списке автомобилей. Она всегда хотела иметь красную машину, но купила серую, чтобы потом легче было продать.

Глядя вокруг, Она понимала, что ее жизнь складывалась удачнее, чем у многих. Она училась в лучшей школе. Лучшей в прямом смысле слова: в которой учили лучше. Потом были хороший университет, нормальная работа, другая работа с неплохим доходом...

Одно время Она считала, что в жизни многое зависит от образования. Пока однажды не поняла, что люди, которые учились вместе с ней в этой же школе и в этом же университете, живут очень по-разному: одни – гораздо хуже, чем Она, другие – гораздо лучше. Между образованием и уровнем жизни, видимо, существует связь, но она какая-то непрямая.

Не находила Она и связи между жизнью человека и, например, богатыми родителями или удачным замужеством. Нет, конечно, определенные преимущества всё это давало, но преимущества какие-то кратковременные, и даже если это и приводило к отрыву в уровне доходов, но никак не к счастью в жизни.

Одни люди были довольны своей жизнью, другие – нет. Но, безусловно, было общее: у кого бы из них ни спросили, в какой стране и в каком городе жить лучше, ответ был один: «Только не в этой, только не в нашем». С этим Она была абсолютно согласна. Ужасная зима, плохие дороги, провинциальные магазины и обычные рестораны, театры с местными актерами и консерватория с местными музыкантами...

Она спустилась во двор и подошла к своей машине. Расчищая ее от снега, Она продолжала размышлять. Наступает время, когда понимаешь, что жизнь одна, когда приобретенный опыт позволяет видеть результат действия до того, как ты его пред-

примешь. Кусочки льда отлетали ей в лицо. «Почему я до сих пор должна чистить этот снег в двадцатиградусный мороз?» – спрашивала Она себя.

Она почему-то всегда понимала, что переезд в Москву не прибавляет в качестве жизни. Все вновь открывающиеся возможности – в смысле большой зарплаты, театров и музеев – будут поглощены дорогами, пробками и интенсивностью работы. На выходе будет минус.

Но, как и у всех, у нее была мечта – домик на берегу океана. В других странах нет этой ужасной зимы, там яркое солнце, безбрежный океан, отличное образование, красивые, умные люди ведут интеллектуальные беседы в роскошных ресторанах или на борту яхты... Они, эти люди, постоянно путешествуют, потому что уровень доходов позволяет им выбирать для этой одной-единственной жизни всё самое лучшее. Они могут дать детям хорошее образование и начальный капитал для открытия бизнеса. Их дети, впрочем, могут просто продолжить бизнес, начатый прадедушкой, могут устроить свадьбу в Париже.

Когда Она смотрела фильмы о жизни «там», Она всё это чувствовала. Вот, например, диалоги между героями: как бы ни о чем, но в каждом предложении – скрытый смысл. Эти люди чаще всего очень просто одеты, но это потому, что они свободны от «понтов». Да и одежда только кажется простой и небрежной; на самом деле это очень дорогая одежда известных брендов. Да и как может быть иначе?

А их отношение к воспитанию детей? Как это правильно! Герои фильмов воспитывают самостоятельность в детях, определяют их в дорогую частную школу, но не балуют деньгами, как бы ограничивая их сначала. Зато потом, когда дети получают хорошее образование и становятся хорошими людьми, уважающими своих родителей, им всё приносят на блюде с голубой каемочкой. Счастливые родители и послушные дети, высокие доходы и хорошие дороги, стабильная экономика, честные политики и вежливые полицейские.

Конечно, не всё там так радужно. Есть и наркоманы, и хулиганы, и бюрократия. Ведь в жизни всегда есть минусы. Однако там она в целом «плюсовая», с несколькими маленькими минусами, а не наоборот...

Лобовое стекло не очищалось. Сначала Она его скребла вдоль, потом – поперек. От работающей печки снизу на стекле появилась тонкая полоса подтаявшего льда. Было не просто холодно, а ужасно холодно. Было не обидно, а очень обидно...

В ее мировоззрении люди делились на три категории.

«Нас там никто не ждет», – говорили одни и оставались дома. Всю жизнь, видимо, считая, что «там хорошо, а нам здесь мучиться».

«Если долго мучиться, что-нибудь получится», – говорили другие и уезжали. Добивались ли они желаемого – история умалчивает, потому что даже «там» наличие дома и работы совсем не гарантирует счастливой жизни и душевного комфорта.

«Нас и здесь неплохо кормят», – говорили третьи и жили счастливо. Этих людей Она не понимала вообще, они были для нее загадкой. Загадкой скорее глупой: ведь если где-то существует «хорошо», как можно довольствоваться здешним «неплохо»?

Самым интересным было то, что Она не могла отнести себя ни к одной из этих категорий. Не было в ней безоговорочной веры – во что бы то ни было любить Родину только потому, что Она здесь родилась. При слове «березки» у нее не наворачивались слезы. Поступки требовали объяснений, а предположения – доказательств.

И, в общем, жизнь ее шла нормально. Были в ней моменты абсолютного счастья и просто счастья, моменты разочарования и отчаяния. Ощущение же от жизни можно было выразить двумя словами – «без бед».

Она понимала, что живет здесь потому, что именно здесь родилась. Не потому, что это лучшее место в мире, а просто потому, что так сложилось, и поэтому вот так.

Она села в машину. И все-таки: как долго нужно прогреть мотор? Несколько раз Она задавала этот вопрос мужчинам. Ответы были неопределенные: «Пока чищу машину», «Пока курю сигарету», «Как прогреется»... Она не курила, а с чистой машины сегодня справилась быстрее обычного. «Вдруг он еще не прогрелся на таком морозе? – подумала Она. – Нужно пока разобрать в бардачке».

Первое февраля было днем подведения итогов и начала новой жизни. Нет, сначала Она, как и все, пыталась начинать новую жизнь с первого января. Но как это возможно, когда в январе нужно беспрестанно ходить в гости и праздновать начало нового года? Чувствовать себя человеком, который дает себе обещания и не выполняет их, Она не любила. И вообще, Она старалась относиться к себе хорошо. Поэтому Она просто перенесла дату начала новой жизни на месяц позже и в дальнейшем была себе за это очень благодарна.

Итак, что в бардачке? Она вынула на сиденье пустую банку из-под жевательной резинки, очки без одного стекла, два смятых пластиковых стаканчика и прошлогодний договор на покупку дивана. Всё. «Ну что же, неплохо, – подумала Она. – Раньше за год скапливалось гораздо больше хлама».

Уже собираясь закрыть бардачок, Она заметила книгу – «Алхимик» Пауло Коэльо. Очень модная книга. Она выпросила ее почитать у подруги, положила в бардачок и забыла. Как говорили, это была сказочная история – что-то о стремлении к цели и ее достижении, о путешествиях и смысле жизни. Эту книгу уже прочитали все ее друзья, и мнения разделились. Одни утверждали, что это сильная книга. Другие говорили, что это медленно текущая история с непонятным концом. Третьи называли «Алхимика» философским размышлением о смысле бытия.

Она всегда была очень быстрой на мысли, поступки, выводы. Однако что касается модных книг, Она всегда читала новинки самой последней. Ей трудно было справиться с ощущением, что вся шумиха о якобы высоком смысле новой книги, которую просто обязан прочесть каждый интеллигентный человек, – не более чем маркетинговый ход для увеличения продаж какой-нибудь самой заурядной истории ни о чем. Будучи девушкой весьма занятой, Она считала необходимым «фильтровать входящую информацию». Однако книжку в конечном итоге прочитывала, хотя и самой последней. Почему? Потому что включались другие ее мотивы: Она читала эту модную книгу не для себя, а как бы для других: чтобы поддержать беседу, чтобы как-нибудь к месту высказать свое мнение. Как ни странно, именно эти «обширные поверхностные» знания неоднократно помогали ей в жизни, а также имели самое непосредственное влияние на ее доход.

Сегодня Она была настроена сделать какой-то сильный поступок, который изменит всю ее жизнь. Причем совершить этот поступок необходимо было именно сию секунду, чтобы раз – и жизнь стала счастливой...

Единственное, что Она смогла придумать, сидя в машине и имея на руках этот бесценный бестселлер, – это погадать. Итак, вопрос: «Что нужно сделать, чтобы стать счастливой?» Пусть будет сорок четвертая страница, четвертая строчка сверху.

«На этой планете существует одна великая истина: независимо от того, кем ты являешься и что делаешь, когда ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигаешь этого, ведь такое желание зародилось в душе Вселенной. И это и есть твое предназначение на Земле».

Прочитав ответ, Она совсем не удивилась. Это было так просто, как будто это была ее собственная мысль. Обычно, чтобы понять, что нужно делать, мало просто думать об этом – нужно написать и прочитать. И так, ее желание – найти такое место на Земле, где Она будет счастливой. Написанное желание – это уже не просто мысль, а начало его исполнения. Она поняла, что вся ее предыдущая жизнь (в том виде, в каком она «случилась») была подготовкой к осуществлению этой идеи...

Желание у нее есть, а возможности появятся. Если Она так решила...

А книгу Она, конечно, прочитает, хотя уже совершенно точно поняла, зачем автор ее написал. Для того чтобы в этот морозный и пасмурный день первого февраля абсолютно замерзшая девушка прочитала четвертую строчку сверху на сорок четвертой странице и решила стать счастливой.

Ее машина, как обычно, для порядка, немного побуксовала, преодолевая большой сугроб вдоль нечищенной колеи, и выехала на дорогу.

Начинался обычный рабочий день...

Часть 1. В поисках американской мечты. Первая попытка. США, 1996 год

...Елена сидела в самолете, всё еще не веря в удачу. Через десять часов он приземлится в Нью-Йорке. Сорок пять дней в Америке. Бесплатно. И не просто бесплатно, а даже со стипендией! Это была стажировка в США по программе «Бизнес для русских», финансируемая американским правительством. Каким образом и чему они хотели их научить, оставалось для Лены загадкой. Однако если продолжить рассуждать про книгу «Алхимик», то программа была очень даже логичным для неё предложением посмотреть мир.

Об этом конкурсе она узнала совершенно случайно от одного знакомого и сначала даже не рассматривала для себя возможность участия. По условиям, требовалось знание английского языка, а им, как известно, в России почему-то мало кто владеет. Елену всегда удивляло, почему даже в Турции и Египте неграмотные с виду продавцы могли говорить по-русски, хотя и кое-как. В России же, за исключением выпускников языковых школ, институтов и редких вундеркиндов, никто не мог внятно произнести ни одного предложения. Пять, в среднем, лет обучения языку в школе и пять лет в институте в результате давали законный российский стандарт, когда знания ограничиваются вопросом «Хау ду ю ду?» и ответом «О'кей!» Почему так происходит, было непонятно. В теорию вселенского заговора Лена не верила. Еще один вопрос требовал ответа.

По характеру она не была рискованной человеком, и девиз «Главное не победа, а участие» был не про нее. Обычно Лена оценивала все за и против, и даже вероятность успеха в пятьдесят процентов обычно не считала достаточным основанием для участия в какой-нибудь «афере». Но теперь она не могла просто так сказать нет, ведь это был ее шанс! Доходы пока не позволяли ей путешествовать самостоятельно, наследства не предвиделось, спонсоров не наблюдалось...

Конкурс был внушительный – пять человек на место. Но, с другой стороны, победа была вполне реальна, ведь знания других претендентов могли оказаться гораздо хуже. Собеседование должно было проходить на английском языке и длиться всего пять минут. Нужно было ответить на три вопроса, которые были, в общем-то, предсказуемые: о бизнесе, семье, хобби, о том, чего ты ожидаешь от этой стажировки. Жаль, что ответить на эти вопросы Елена, по видимому, не сможет, потому что не поймет обращенной к ней английской речи, все детали которой, к сожалению, нельзя спрогнозировать точно. Она сделала что могла, выучив наизусть рассказ о своей семье и бизнесе, но была уверена, что этого будет недостаточно, чтобы пройти в финал.

Утром в день собеседования Лена долго не могла решить, что ей надеть. Нужно что-нибудь строгое, но очень дорогое и модное. Они же из Америки. Хотелось выглядеть не менее респектабельно. Мама всегда говорила ей: «Встречают по одежке, провожают по уму». При этом она делала логическое ударение на вторую часть пословицы. Но если ты плохо одета, тебя никто даже не встретит, не говоря о том, чтобы разбираться, умная ты или нет.

Одежде Елена всегда придавала большое значение. Она считала: если ты родился красивым, то можешь одеваться, как тебе нравится, а если твоя внешность далека от совершенства, ты обязан одеваться лучше всех. Красивой девушкой Лена себя не считала, поэтому в этот важный для нее день подошла к выбору наряда с особой тщательностью.

Вопрос, где взять модную одежду, для нее никогда не стоял. К сожалению, ее не всегда можно было купить. Магазины не потрясали изобилием выбора, цены практически вечно были неподходящими. Однако для Лены это ничего не меняло. Одежду можно было сшить, связать, вышить, расшить, разрисовать и даже склеить. Очень удобно было этим заниматься ночью, и,

как правило, часам к пяти утра новый наряд был готов. Нельзя было сказать, что она не знала слова «усталость». Слово она, конечно, знала, но чувства, которое оно означает, Елена тогда не испытывала.

Ее гардероб состоял из трех пиджаков, сшитых по последним журналам «Бурда Моден». Один был черный, другой – розовый, третий – синий. Розовый отпал сразу по причине романтического цвета, черный был слишком строг. Оставался синий. К нему предполагалось сшить белую блузку-топ, но так как последние ночи были заняты зубрежкой английских текстов «Как я люблю свою семью» и «Как я люблю свою работу», времени на шитье так и не хватило.

Синий пиджак был гордостью Лены – необычный фасон, безупречное исполнение. Для такого важного случая это то, что нужно. Была, однако, одна проблема: пиджак без пуговиц, с запахом, при малейшем движении он распахивался так, что было видно нижнее белье. «Надену его на голое тело, – подумала она. – Ничего страшного, буду сидеть ровно и не двигаться».

...Комиссия состояла из пяти человек: четверо, по-видимому, американцев и одна русская женщина-переводчик. Двое мужчин лет шестидесяти-семидесяти в старомодных, даже, как показалось Елене, засаленных костюмах и две женщины «за сорок», выглядевшие явно старше своего возраста, с какими-то бесцветными лицами и неухоженными волосами, в платьях-мешках. Волнение не давало возможности сделать из этого какие-то выводы, и Лена решила, что всё это ей только показалось.

Ее пригласили в большую комнату, где стоял длинный стол для членов жюри и стул для нее посередине. Она села очень ровно и положила на колени папку с документами. Одна из женщин-американок расплылась в улыбке, как будто всю жизнь ждала этой встречи. Громко и радостно она сказала: «Hi! My name is Lucy. What is your name?»

А Лена еще сомневалась в своем везении! С надеждой, что это был первый из трех вопросов, она назвала свое имя. Жалко, что оно было не Анна-Мария-Екатерина Первая – такое имя можно было бы произносить дольше.

«Спросите про мой бизнес, спросите!» – мысленно умоляла она. Улыбка Люси стала еще шире, и она словно загипнотизированная произнесла: «What is your business?» Ура! Это второй вопрос.

С одной стороны, это еще одна удача, так как ответ на этот вопрос, этот белый стих, Лена выучила наизусть. С другой стороны, ясно было, что третий вопрос точно останется без ответа. Выпалив скороговоркой заготовленный рассказ, в ожидании «неминуемой гибели» она автоматически хотела поправить волосы, но едва подняла руки с колен, папка упала на пол, и всё ее содержимое рассыпалось.

Быстро нагнувшись, Елена начала собирать рассыпанные листки и в тот же момент услышала смех. Подняв голову, она увидела, что оба старичка смотрели под ее распахнувшийся пиджак, а женщины, заметив их взгляды, смеялись. Мужчины, смутившись, попытались что-то сказать в свое оправдание, женщины продолжали шутить по этому поводу... и время, отпущенное на собеседование, истекло! Лена всегда верила, что одежда помогает добиться поставленной цели, и снова оказалась права: она в финале.

...Через час самолет приземлится в Нью-Йорке, и она увидит эту замечательную страну. Лена знала, что Америка ушла далеко вперед и так, как живут в этой стране сейчас, мы будем жить лет эдак через тридцать, а может, и через пятьдесят.

Много раз в ее жизни случалось такое: не сделаешь что-то, а потом жалеешь и думаешь: «Вот бы знать будущее, можно было бы тогда это сделать, это купить, то продать, и сейчас уже можно было бы не работать вообще!» Так вот, эта поездка была для нее поездкой в будущее.

Она была готова к трудностям, была готова учиться, узнавать новое, стараться всё это применить потом в своей работе.

Конечно, Елена понимала, что все ее впечатления от увиденного будут только субъективными. Может быть, она не сможет увидеть самое лучшее или посмотрит на какое-нибудь событие не с той стороны и сделает неправильные выводы. Существуют ли критерии, по которым из нескольких частных случаев можно сделать общий вывод? Повезет ли ей оказаться в нужном месте в нужное время, увидеть то, что она хочет увидеть, понять то, что хочет понять? Тем более что она сама не знает, что конкретно ей нужно, кроме абстрактного «секрета счастья». Хотя теорию вероятности никто не отменял. Поэтому шансы Лены увидеть именно то, что ей надо, равнялись гарантированным пятидесяти процентам. Знать бы только, какие пятьдесят процентов нужные, а какие – нет.

Многое из того, что происходило в ее жизни, нельзя было описать с точки зрения диалектического материализма. В пределах одной религии или философского течения было трудно найти ответы на все интересующие вопросы, поэтому постепенно, шаг за шагом, Елена сформулировала внутреннюю философию, некий микс, в котором мирно уживались различные религиозные догмы, философские соображения, эзотерические эксперименты и физические законы. Критерий отбора был один: чтобы они облегчали ей жизнь, помогали переносить трудности и добиваться желаемого.

Из физики, например, она взяла второй закон термодинамики. Слово «энтропия», которое в годы обучения на физическом факультете университета казалось ей сухим, сугубо физическим термином, как оказалось, правит бал в реальной жизни. В студенческие годы физический закон «Энтропия – это процесс, при котором любая система стремится к саморазрушению» звучал для нее как чисто теоретический догмат. А теперь, будучи переведенным с физического языка на человеческий, именно он смог объяснить Елене все проблемы жизни. Звучал закон сейчас несколько иначе: «Чтобы сохранить то, что имеешь, нужно прикладывать ежедневные усилия».

Все прекрасно знают: чтобы достичь чего-либо, нужно, что называется, упираться. Вроде упирались, но чаще всего почему-то безрезультатно. А вот потому, что были готовы только на первоначальные усилия, после которых всё двигаться уже должно как-то само, а нас ждал бы домик на берегу океана. И тут возникает мисс Энтропия, которая требует вложения времени, усилий, денег и т. д. и т. п. И это только для того, чтобы поддержать всё на достигнутом уровне! Не говоря уже о том, сколько нужно усилий, если хочешь улучшить или приумножить достигнутое.

Этот закон вездесущ, от него нельзя скрыться, он проникает во все области нашей жизни: политику, бизнес, семью, любовь, творчество. Нравится вам или нет – это закон. Такой же, как закон всемирного тяготения. Никому ведь не придет в голову доказывать, что яблоко может упасть вверх. Так что игнорировать королеву мира Энтропию – дело бессмысленное.

Некоторые, конечно, пренебрежительно называли бы такую философию сборной солянкой. Со стороны, может, это так и выглядело. Но Елена в душе была дизайнером и про себя называла свою жизненную концепцию модным словом fusion. Фьюжн – это не просто эклектичное смешение стилей, в данном случае – мировоззрений, а гармоничное совмещение несовместимого. Его принцип базируется на индивидуальных предпочтениях, а не на правилах. Фьюжн соответствует основной тенденции современной жизни: будни должны обернуться праздником! Это был девиз жизни Лены. Придуманное названием «философия в стиле fusion» она очень гордилась.

Кроме того, она понимала, что мир изменчив и жизненные законы не пишутся раз и навсегда. Так что дверь в ее философию была всегда открыта. Все новые достижения автоматически попадали туда, экспериментально проверялись и в зависимости от результатов остав-

лялись или отбрасывались. Критерий был один: они должны были помочь ей в жизни. Никакого эгоизма в этом Елена не видела, потому что считала, что именно счастливый человек может принести наибольшую пользу себе, близким людям и обществу в целом.

Итак, машина времени была в ее распоряжении на целых сорок пять дней. Она верила, что обязательно найдет это что-то, какой-то секрет, который поможет ей стать богатой и счастливой...

Америка абсолютно не удивила. Страна оказалась именно такой идеальной для жизни, какой Лена ее и представляла: красивые дома, широкие дороги, большие магазины. Однако, в отличие от представлений, всё было несколько аккуратнее, как будто построено в павильоне для съемок, искусственно-синтетическое, в хорошем смысле этого слова. Она бы с удовольствием здесь жила. К сожалению, в Нью-Йорке Елена видела только аэропорт, потому что конечным пунктом назначения был город Цинциннати, но за полуторачасовой перерыв между рейсами она смогла все рассмотреть.

Аэропорт имени Джона Кеннеди – гигантский, новый, чистый и яркий. Множество кафе и ресторанов, но, что удивительно, некоторые люди сидели прямо на полу и ели что-то из бумажных коробок, запивая кофе из бумажных стаканчиков. «Наверное, это и есть свобода», – подумала Лена, потому что другого объяснения она не могла сразу найти. Зачем еще, в самом деле, сидеть на полу, если кругом сотни прекрасных кафе? Она понимала, что увидит в этой стране много необычного, и была готова позитивно воспринимать абсолютно всё!

Цинциннати оказался настоящим американским городом из фильма. Несколько футуристических небоскребов были объединены по второму этажу застекленными улицами-переходами с магазинами и ресторанами – это был так называемый даунтаун, где можно гулять целый день, не выходя на улицу.

Если бы Елене задали вопрос: «Где находится down town?», она, переведя название как «нижний город», подумала бы, что это на окраине... Нижний, то есть дальний. Ну уж никак не центр города! Нелогично как-то. Однако времени на то, чтобы развивать эту лингвистическую тему, не было. «Приму как есть, – решила она. – Центр так центр».

Одна из высоток стояла обособленно. На вопрос, почему ее не объединили с соседними, Лене ответили, что это городская тюрьма. Да, действительно, есть чему удивляться. Вместо решеток – окна с пуленепробиваемыми стеклами. А для прогулок им, наверное, Диснейленд построили.

Даунтаун был компактным, а остальной город оказался достаточно большим – около миллиона жителей. Состоял он из одно- и двухэтажных домов с зелеными лужайками и красиво подстриженными кустарниками. Здания отличались друг от друга, но вместе они составляли единый ансамбль декораций для фильма с названием «Счастливая жизнь».

Заборов не было, ступеньки вели с улицы прямо к центральному входу дома. Двери были стеклянными, шторок на окнах практически ни у кого не имелось. Вечером, когда в доме горел свет, проезжающие по улице могли бы при желании увидеть, что у семьи сегодня на ужин. «А где же эта задекларированная private life?» – подумала Елена. Такой, «аквариумный», стиль жизни ей совершенно не нравился. В любом подобном домике она бы с удовольствием жила, но нужно было сначала обнести его забором и повесить шторы.

По программе Лена должна была жить в семье американцев, три дня в неделю посещать лекции в университете и дважды – разные американские предприятия. Принимающая семья обязывалась ее кормить, поить, а в выходные дни еще и развлекать. Всё это они должны были делать за свой счет, причем, как стало известно, проходили конкурсный отбор для участия в проекте. Ничего удивительного она в этом не видела: если люди богатые и счастливые, то в ее представлении они и должны поступать именно так.

Елене было очень интересно, как живут американские семьи, что они едят, о чем разговаривают, как воспитывают детей и отмечают праздники. Ведь они так хорошо живут, потому что у них всё правильно организовано, начиная с семьи. И Лена была готова запомнить всё-всё-всё и сразу после приезда применить это к своей семье. Все остальные знания будут ожидать удобного случая: чтобы переделать бизнес, например, нужны деньги, которые еще предстоит найти, а произвести изменения к лучшему в собственной семье она могла прямо с момента возвращения!

У нее была хорошая семья. Ее родители и родители мужа души не чаяли во внучке. Существовала строгая очередность, кто берет ее на выходные дни. С ребенком играли, читали, писали, считали и учили стихи. Дочке еще не исполнилось трех лет, а Елена уже повела ее учить английский язык. На выходные дни бабушкам выдавались задания, которые они с радостью выполняли с внучкой. Уже через несколько месяцев девочка, не выговаривающая букву «г» и заменяющая ее на букву «д», говорила: «Дуд монин, идем дулять». У бабушек наворачивались слезы счастья – ради этого стоило жить! Мама же чувствовала гордость за своего ребенка... и за правильное воспитание.

Но сейчас, когда дочка училась в третьем классе, начались проблемы. Впрочем, это были так называемые проблемы поколения. Все пытались воспитывать своих детей по-новому. Нужно разрешать детям всё, не заставлять, а пытаться заинтересовать их, выявлять, к чему ребенок проявляет большую склонность, и развивать этот талант. И будто бы тогда чадо будет иметь огромное поле для самовыражения и не вырастет каким-нибудь зажатым субъектом с кучей комплексов по вине сыплющихся на него запретов.

Но то ли русские родители делали что-то не так, то ли нужно было как-то адаптировать заграничный опыт для местного детского менталитета – результат получался совершенно противоположным. Дети не читали книг и не хотели учиться. Они, конечно, учились, но на «два» и «пять», а значит – по настроению: хочу – буду, не хочу – не буду. Но ведь в жизни принцип «нравится – не нравится», «интересно – не интересно» никогда не приводил к хорошим доходам! Это была именно та проблема, решение которой Елена хотела найти в Америке.

Ее принимающая семья относилась к среднему классу. Им принадлежал милый домик в недалеком пригороде, купленный в ипотеку на тридцать лет. Дом был с тремя спальнями, но, что называется, невелик: комнатки маленькие, потолки низкие. Машин было две, но явно не новые. Обе очень большие, словно хозяева планировали использовать их для грузовых перевозок. Семья состояла из четырех человек: мужа, жены и двух очаровательных дочек четырех и семи лет.

Вилли – глава семьи – работал преподавателем бухгалтерского учета в единственном в городе университете. Он читал лекции три раза в неделю, а остальное время проводил в так называемом кабинете на цокольном этаже своего дома. Несколько раз, проходя по коридору мимо его комнаты к огромной стиральной машине, Лена видела, что он либо спал, либо играл в компьютерные игры. Однажды она спросила его жену, что делает ее муж в кабинете, и та с гордостью ответила: «Готовится к лекциям»...

Жену звали Трэйси. Это настоящая американская женщина неопределенного возраста и естественной красоты. Судя по возрасту девочек, Трэйси было около сорока. Здесь вообще было принято рожать детей поздно. Любая идущая с маленьким ребенком женщина, так сказать, средних лет всегда оказывалась его мамой, а не бабушкой.

Естественной красотой обладали, видимо, все дамы Америки, потому что все женщины, которых Елена увидела за время своего пребывания там, придерживались одного неписаного закона: ни в коем случае не выглядеть хорошо. Неплохая фигура, макияж, модная одежда и туфли на каблуках, видимо, относились к категории запретных или презираемых по только им известным причинам. Поскольку закон был неписанным, прочитать, почему нельзя следить

за внешностью, Лена не могла, а на все ее вопросы женщины не отвечали, делая вид, что не понимают, о чем она их спрашивает.

Они, конечно, что-то говорили в ответ, и даже, как ни странно, почти одно и то же. Может, где-то существовали инструкции, как отвечать, чтобы скрыть Главную Тайну американских женщин? Все они говорили что-то вроде «неудобно ходить на каблуках», «модная одежда стоит дорого», «макияж вреден для лица» и, мол, не имеет смысла. Что касается хорошей фигуры – это вообще моветон, потому что женщина должна любить себя такой, какая она есть.

Взамен предлагались удобные растоптанные кроссовки, широкие и длинные хлопчатобумажные цветастые юбки с поясом на резинке или широкие штаны – трикотажные, джинсовые – с той же самой резинкой, футболки либо толстовки и неизменные бейсболки. В летнее время эти штаны каждый обрезал на удобную для него длину, превращая их в шорты или бриджи. Удобство, удобство и еще раз удобство – жизненный девиз американских женщин, да и мужчин. Последние придерживались того же набора одежды, за исключением цветастых юбок. Всё это «удобство» было необходимо ежедневно стирать. Юбки, штаны, бейсболки и кроссовки после совместной прокрутки в стиральной машине приобретали специфический белёсо-линялый цвет, а после сушки в сушильной камере – полужатую структуру. Гладить всё это никто не утруждался.

«Так, видимо, и родился стиль casual», – подумала Лена. Это было ее первое «открытие» в Америке.

Но были в этой стране и другие женщины. Однажды вечером Елена увидела, как на дорогой машине с открытым верхом ехала прекрасная блондинка с роскошными волосами, которые развевались на ветру. Стояла абсолютная тишина, потому что звук телевизора был выключен. Прибавив громкость, Лена услышала окончание рекламного ролика лака для волос... Эти красотки жили в телевизоре, а в реальной жизни «правили бал» женщины совершенно другого типа. Две параллельные жизни, которые никогда не пересекались...

Трэйси не работала. Она воспитывала двоих детей: Мэг было четыре года, а Дэзи – почти восемь, она заканчивала первый класс. У девочек была отдельная спальня на втором этаже, как раз напротив комнаты Лены. Так как из-за разницы во времени она просыпалась гораздо раньше остальных в доме, дети утром оказывались под ее присмотром. Ее, конечно, никто об этом не просил, но она сама была матерью и поэтому добровольно взяла на себя моральную ответственность за маленьких девочек.

Родители спали до девяти часов. Когда дети просыпались – обычно в семь утра, – они спускались в чем есть на первый этаж, надевали на босые ножки маленькие растоптанные кроссовки, накидывали, не застегивая, линялые курточки прямо на ночные рубашки и выходили гулять на улицу. Был конец марта. Во дворе дома кое-где лежал снег. Температура воздуха утром – около нуля. Сначала Елена думала, что девочки делают это без разрешения. Потом решила, что родители всё знают, но, видимо, таким путем закаляют детей. Но когда она услышала, как ужасно кашляет старшая, и увидела сопли, что называется, рекой у младшей, то всё же попыталась обсудить эту тему с их матерью. Она ненавязчиво напомнила Трэйси, что дети должны быть тепло одеты и гулять под присмотром взрослых, а они гуляют в ночнушках, даже без трусов, по снегу. В ответ она услышала: «Да пусть делают что хотят, лишь бы спать не мешали»...

Вечером Трэйси купала детей, и девочки с мокрыми волосами обычно сидели на полу в зале, смотрели мультики. Дверь на веранду открыта, на улице – около нуля. Мама сидела рядом и обсуждала по телефону со своей сестрой вопрос о воспитании детей. Насморк одной девочки и кашель другой совершенно не отвлекали ее от этого увлекательного разговора.

Первое утро Елены в доме Вилли и Трэйси было полно «открытий».

Вся семья, и она как полноправный ее член, сели за стол завтракать. Детям налили в большие миски молока и насыпали хлопьев. Старшая из сестер взяла большую ложку в левую руку и, держа ее как вилку, начала есть. Младшая рукой вылавливала хлопья из молока и отправляла их в рот. По реакции родителей, а ее не было никакой, Лена поняла, что ничего необычного не происходит.

Дальше было веселее. Младшая поставила один локоть в молоко, потом вынула его и поставила на стол. От локтя на столе остался молочный отпечаток в виде звездочки, что привело Мэг в восторг, и она продолжила это занятие. Чтобы звезд стало больше, она решила это делать обоими локтями одновременно. Родители продолжали завтракать как ни в чем не бывало.

Через некоторое время Трэйси, посмотрев строго на дочку, произнесла: «Так делать нехорошо, дорогая». «Вот это воспитание», – подумала Елена, ожидая, что сразу после этих слов Мэг вынет локти из миски, возьмет ложку и начнет есть как полагается взрослой четырехлетней девочке. Но в Америке ее предположения никогда не оправдывались: эта страна уже далеко опередила Россию во всем и в уровне культуры в частности.

Мэг продолжала создавать звезды до тех пор, пока миска не перевернулась, а все молоко с остатками хлопьев не вылилось на нее. Мама таким же ровным голосом произнесла: «Выйди из-за стола и стань в угол за дверью», что, видимо, предполагало добровольное перемещение девочки в указанное место. Вместо этого Мэг начала бегать вокруг стола и кричать: «Не хочу, не хочу, не хочу!» Глава семейства взял расшалившуюся дочь за руку, перетащил ее в угол и закрыл дверь в столовую со словами: «Успокойся, извинись, тогда мы тебе разрешим вернуться за стол». Следующие десять минут завтрак продолжался под дикий рев Мэг и стук ногами в дверь. Время показалось вечностью, у Лены промелькнули мысли о собственной дочери, когда та была в таком же возрасте, вспомнились тихие домашние завтраки в ее семье.

В это время приоткрылась дверь, и оттуда тихо послышалось: «Sorry», после чего девочка вернулась. Трэйси взяла новую миску, налила молока, насыпала хлопьев и посадила Мэг на стул. Девочка улыбнулась, зачерпнула ладошкой молоко с хлопьями из миски и отправила в рот. Напряжение за столом исчезло, родители улыбались, конфликт был исчерпан.

Первой закончила завтрак старшая сестра. В школу она не пошла, потому что утром у нее обнаружилась температура. «Странно, – сказала мама-Трэйси, – с чего бы это вдруг?»

Дэзи, в отличие от сестры, была тихой, послушной и очень старательной девочкой. Она легла на диван в гостиной и, разложив перед собой тетрадки, видимо, решила делать домашнее задание. Первым заданием было написать три строчки палочек. Взяв ручку в кулак, девочка старательно выводила палку за палкой. Получалось плохо, и было видно, что Дэзи расстроена.

«Нужно подойти и показать ей, как правильно держать ручку в руке, – сначала решила Елена, но потом вдруг поняла: – Уже апрель. Через месяц кончается учебный год, а девочку до сих пор не научили правильно держать ручку. И что это за палочки в апреле? Обычно первоклассники занимаются этим первые недели сентября». ...А может, – как она не догадалась сразу? – Дэзи посещает не обычную школу, а школу для недоразвитых детей? Ну да, она же замечала, что девочка плохо выговаривает слова и предпочитает тихо сидеть и смотреть мультики... Бедняжка!

Решив посочувствовать, Лена как бы между делом спросила Трэйси:

– Наверное, школа Дэзи далеко? – имея в виду, что в обычном городе такая школа только одна.

– Нет, прямо за углом, – ответила Трэйси. – Нам так повезло, что Вилли работает в университете, который спонсирует именно эту очень престижную и дорогую школу, поэтому в нее может ходить наша дочь!

«Как же ей тяжело там учиться», – успела подумать Лена. Но Трэйси продолжила:
– Хотя в школе очень сложная программа, Дэзи прекрасно справляется, и на новогоднем празднике учительница выразила нам благодарность за хорошее воспитание дочери!!!

«Опять ничего непонятно», – уже не удивляясь ничему, Елена вернулась к Дэзи, которая перешла ко второму заданию. На картинке были изображены три зайчика, а под ними морковь, яблоко, сено и мороженое. В задаче «Накорми зайчика» нужно было стрелками соединить еду с животными. Дэзи задумалась.

– Мам, а зайчики любят мороженое?

– Конечно, дорогая, – ответила мама-Трэйси.

Соединив кривыми стрелками всех зайцев с мороженым, Дэзи закрыла тетрадь. Домашнее задание было сделано.

Через неделю Дэзи пришла из школы со слезами. На вопрос, что случилось, показала тетрадь, где рукой учительницы было написано: «Неверно».

– Почему неверно? Почему? – плакала Дэзи.

Лена уже было решила раскрыть расстроенному ребенку секрет, чем на самом деле питаются кролики, но не успела – мама-Трэйси всё объяснила своей дочери:

– Не плачь, просто учительница не любит мороженое...

Ленина мысленная книга секретов счастливой жизни, открытая на новой странице с заголовком «Воспитание детей», так и осталась чистой. Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Это единственное, что пришло ей в голову по этому поводу.

Следующим пунктом, требующим исследования, были семейные отношения. Заранее понимая, что ответ на такой сложный вопрос никто не принесет на блюдечке с голубой каемочкой, Лена тем не менее верила, что сможет разгадать секрет счастливой американской семьи.

За последние несколько дней она старалась уловить эти внутренние семейные ценности. Вообще, что позволяет двум людям прожить всю жизнь друг с другом? Она не поддерживала теорию компромиссов, на которых, по мнению многих, только и возможно построить счастливую семейную жизнь. Эту теорию все трактовали совершенно по-разному. Одни говорили, что это когда один делает половину вещей, которые ему не нравятся, но нравятся партнеру, а тот в свою очередь взамен обязан делать то, что не нравится ему, а нравится другому.

Выходило, что твоя вторая половина обязана за тобой ходить по магазинам одежды за то, что ты смотрела с ним футбол накануне. Весьма спорно, что при этом ты будешь счастлива, хотя бы и половину времени. Можно представить, какими вздохами, унылыми взглядами, поисками холодной воды и туалета будет озвучено это мероприятие от начала до конца. Удовольствие от решения увлекательной задачи – покупки розовой кофточки к розовой сумке, купленной по случаю неделю назад, – будет безнадежно испорчено. Если учесть вчерашний испорченный футболом вечер, получается, что два дня из жизни выброшены на ветер.

Или другой пример. Она хочет пойти к своей маме, а он – к своей. И если это устраивает обоих, то это не компромисс, и всё пройдет хорошо. А вот если она категорически не хочет идти к его маме, а он – к ее? Можно представить, как хорошо они проведут выходной день, посетив обоих родителей.

Другие убеждали, что если один из партнеров любит одно, а другой – другое, то нужно сделать что-то третье. Что называется, ни нашим ни вашим. Например, ты любишь классическую музыку, а супруг – джаз. И куда вам пойти в субботний вечер – на концерт балалаечников? Или, может быть, в церковь – послушать орган?

По мнению Лены, теория компромиссов в таком понимании абсолютно не подходила для семейных отношений. Гораздо правильнее позволить партнеру делать то, что ему нравится, и самой делать то, что по душе. Но для того чтобы был смысл совместного проживания, нужно

иметь что-то общее, что нравится делать вместе. И только такие семьи, у которых это общее есть, счастливы по-настоящему. Другого рецепта долгой семейной жизни она не знала.

Трэйси и Вилли не особенно часто разговаривали друг с другом. Каждый был занят своим делом: Вилли постоянно «готовился к лекциям», Трэйси возила девочек в школу и детский сад. Готовить еду в семье было не принято; питались они в основном полуфабрикатами, да пару раз в неделю ходили с детьми в соседнюю пиццерию.

Очень удивило Лену отсутствие уборки дома. На полу лежало светло-бежевое ковровое покрытие, ворс местами вытерся, но сохранил первозданные цвет и чистоту. Входя в дом, обувь не снимали, не мыли ее и не вытирали от пыли. Потому что пыли не было! Объяснить этот феномен она не могла, хотя очень хотела. Однажды на улице Елена подошла к дереву, оглянулась, чтобы убедиться, что никого вокруг нет, взяла щепотку земли и высыпала ее на ладонь. Она долго смотрела на нее и даже понюхала. Земля была обычной. Почему за полтора месяца ее туфли даже не запылились? Это была вторая вещь, после стиля casual, которая ее удивила в Америке.

Однажды в выходной день Лена проснулась от жуткого грохота. Спросонья ей показалось, что где-то что-то взорвалось, потом она услышала странные звуки, похожие на громкий плач, смех или хохот... Быстро сбегав по лестнице вниз, она увидела хозяина и хозяйку, которые валялись на полу и безудержно хохотали. При этом Вилли держал в руке молоток, а Трэйси – большой гвоздь. В центре комнаты стоял стеклянный столик – вернее, то, что от него осталось. Деревянные ножки опирались друг на друга, а куски вдребезги разбитой столешницы были повсюду.

Увидев «немой вопрос» Лены, продолжая хохотать, они наперебой начали рассказывать, что произошло: Трэйси давно просила мужа починить журнальный столик, который расшатался, и сегодня они решили сделать это вместе. Трэйси держала гвоздь, а Вилли должен был стукнуть по нему молотком, но промахнулся и ударил по столешнице, она и разбилась.

«Как это было смешно!» – закончили они, и новая порция хохота потрясла дом. Налицо было доказательство, что Елена правильно трактовала теорию компромиссов. Видимо, этих мужчину и женщину объединяло одинаковое чувство юмора. А ей-то раньше казалось, что такие истории показывают только в американском кино.

Шанс обнаружить-таки чашу Грааля в семье Вилли и Трэйси представился Лене еще раз. Какая удача – завтра день рождения Трэйси! Как она поняла, приедут ее мама, брат и сестра мужа с семьей. Надо одеться наряднее, подумала Елена, все-таки такое событие – юбилей. Трэйси исполнилось сорок лет.

С утра в субботу Трэйси попросила ее помочь подготовиться к празднику. Конечно же, она поможет, ведь нужно приготовить кучу салатов, два-три горячих блюда, различные закуски и бутербродики, а еще испечь торт! Торт, конечно, можно было купить, но ведь всегда больше ценилось, если хозяйка имела фирменный рецепт и пекла сама. Лене в этом году предстояло отпраздновать тридцатилетний юбилей, уже пора было готовиться к этому событию: подумать, кого пригласить, что приготовить, а купить нарядное платье можно было уже сейчас, например.

Тем временем Трэйси взяла маленькую розовую бумажку с липучкой на обратной стороне и, быстро записав три слова, была готова ехать за покупками.

«А что если мне приготовить что-нибудь из русской кухни для праздничного стола? Вот гости удивятся», – вдруг решила Елена. Что же это может быть? Пельмени – долго, пироги – могут не получиться, торт обычно должен пропитаться кремом за ночь, а гости придут уже к обеду. Ну почему ей не пришла эта мысль вчера... Хорошо, что хотя бы успела купить цветы, и ей удалось пронести их в свою комнату так, что никто не видел. Букет стоил тридцать долла-

ров и был простоват для юбилея, но она решила, что цветов будет предостаточно и в общей куче ее скромный букет затеряется. Подарок для Трэйси у нее тоже был – Лена привезла из России несколько сувениров, как говорится, на всякий пожарный. И вот пригодилось. Это был набор из шести мельхиоровых чайных ложечек с финифтью, в подарочной коробке. Как ей казалось, подарок был именно таким, как надо: и нужным, и памятным, и «с русским духом».

Наверное, нужно приготовить салат оливье. И быстро, и всегда вкусно получается. Ни один праздник в России не обходился без этого салата. Решено: это будет оливье, нужно только купить всё, что для него нужно. Но Елена была уверена, что раз они направляются в супермаркет, проблем с покупкой обычного горошка, колбасы, майонеза, моркови, лука и соленых огурцов не будет, а яйца она видела дома в холодильнике.

Трэйси действительно остановила машину на парковке возле большого супермаркета, но они направились не в него, а в маленький магазинчик рядом. Продавец очень обрадовался, когда увидел их, словно они были его единственными за год покупателями или ближайшими родственниками.

«Да-да-да, – суетился он, – всё готово, всё, что вы просили». Он вынул из холодильника тарелку с нарезанной колбасой, другую тарелку с запеченным в духовке мясом. На третьей тарелке стоял невысокий простенький пирог, который, как Лена потом узнала, и был знаменитый чизкейк.

Заплатив за эти блюда, Трэйси предложила отнести их в машину и потом зайти в супермаркет. Услышав о желании приготовить салат, она сначала несколько удивилась, но потом удивление сменилось обычной широкой улыбкой, и они вошли в супермаркет. Трэйси предложила:

– Давай сначала я куплю то, что мне нужно по списку, а потом помогу тебе найти всё, что нужно для салата.

Найдя в сумке розовую бумажку с несколькими словами, Трэйси поставила в корзинку сначала одну бутылку красного вина, потом упаковку мороженой морковки и большой батон.

– Вот и всё, – радостно вздохнула именинница.

Объяснив себе, что Трэйси, видимо, заранее приобрела все продукты, а сегодня только докупила забытые в спешке, Лена было решила, что ей тоже не понадобится много времени на покупку составляющих салата. Да, не забыть бы крупную соль, подумала она, потому что соль в доме Трэйси была только мелкая йодированная, которая, казалось, придавала блюду посторонний привкус. Кроме того, мелкой солью посолить правильно было сложнее.

Но всё опять оказалось не так, как Лена себе представляла. Относительно легко она смогла найти только лук. Со всем остальным было не просто сложно, а очень сложно. Привычная русская крупная соль (из озера Баскунчак) почему-то отсутствовала, так что пришлось покупать морскую. Морковь предлагалась особая – для глазирования. Картофель на полках делился на три категории: для жарки, запекания и пюре. Колбаса продавалась почему-то только нарезанная на ломтики миллиметровой толщины. Десять видов маринованных огурцов, содержащие все виды специй и добавок, как ей казалось, не подходили по вкусу. Обычный майонез тоже отсутствовал, а какой вкус у перепелиного, лимонного, томатного, анчоусного и остальных ста видов, она не знала. Но самая большая проблема возникла с консервированным горошком. Лена пыталась объяснить Трэйси, что ей нужен болгарский горошек в консервных банках, но та упорно утверждала, что горошек бывает только свежемороженым.

Отступить от задуманного плана она не могла, поэтому были куплены тонкие ломтики колбасы, лимонный майонез, картофель для пюре, свежемороженный горошек, огурцы, маринованные с патиссонами, морковь для глазирования и лук обыкновенный.

Вернувшись домой, Лена поставила варить морковь, яйца и картошку, потом решила сварить горошек тоже, хотя Трэйси предлагала добавить его в салат сырым: «Так будет полезнее», – советовала она.

Сложив в миску длинные тонкие полоски колбасы, огурцы, пахнущие индийскими специями, рассыпающиеся кубики вареной картошки, твердый ярко-зеленый горошек, пригорно-сладкую морковь и – слава Богу – обычный с виду лук, она заправила всё это лимонным майонезом и посыпала крупными кристаллами морской соли. Затем Лена попыталась предугадать вкус такого знакомого и родного салата. Спасительная мысль пришла сразу: они же никогда не пробовали настоящий оливье! Да и на столе будет столько еды, что, может быть, до ее салата дело вообще не дойдет.

Закончив приготовление своего кулинарного шедевра, она обернулась и увидела, что, оказывается, вся семья, включая приехавшую бабушку, сестру мужа, троих ее детей и брата именинницы, стояли на кухне и с каким-то удивленным восхищением наблюдали за ней. Во время готовки Елена слышала шепот за спиной: «О, повар, повар, смотрите – она варит, она режет!» Но, будучи очень расстроенной и неуверенной в удачном результате, она даже не подумала, что это относилось к ней.

Тем временем стол был накрыт, все ждали только ее. Извинившись, Лена быстро побежала наверх, переделась в красивое черное платье, на котором были нашиты розовые атласные лепестки, дополнила наряд розовыми босоножками с черными бантами, распустила волосы. Макияж она сделала уже с утра, оставалось только взять цветы и подарок. Окинув свое отражение в зеркале оценивающим взглядом, Елена осталась очень довольна: скромно и со вкусом.

Спустившись в столовую, она застала всех уже сидящими вокруг стола. Шестеро взрослых и пятеро детей ожидали начала праздника. Скатерти на столе не было. Кроме тарелок с приборами и стаканов у каждого гостя, стояли только тарелка с колбасой с одной стороны и чизкейк с другой. А посередине, рядом с единственной бутылкой красного вина, красовалось ее произведение в большом блюде – Russian salad. К такому повороту событий Лена была абсолютно не готова, мелькнула мысль подбежать, схватить этот злополучный салат и выкинуть в мусорное ведро. В этом случае позор будет меньшим, чем если она позволит всем его есть. Другая мысль была еще спасительнее: просто взять да испариться бы в эту же секунду. Всё это было, к сожалению, невозможно.

Она стояла посреди комнаты с букетом цветов и подарком, завернутым в яркую бумагу, словно забыв, зачем сюда пришла. «Да ладно, всё равно мне скоро уезжать», – подумала она и с улыбкой подошла к имениннице, чтобы вручить ей цветы и подарок.

– Спасибо большое, – смутилась Трэйси, – не нужно было так тратиться! Ведь это же не свадьба.

Оглянувшись, Елена поняла, что ее цветы были единственными в доме. Тем временем, разорвав упаковку и увидев ложечки, Трэйси даже как-то испугалась.

– Поздравляю с днем рождения! – продолжила Лена, но по взгляду Трэйси поняла, что опять сделала что-то не так: видимо, подарок был слишком ценным для сорокалетия. И продолжила: – Я дарю эти ложечки вашей семье в знак благодарности за гостеприимство и на память о России.

Вот теперь все захлопали в ладоши, и она поняла, что удачно вышла из щекотливой ситуации.

Веселье продолжилось. Гости разлили на семь человек бутылку вина, и слово взял Вилли. – Дорогая Трэйси! – начал он. – В этот праздничный день я хочу пожелать тебе счастья и сказать, как сильно я тебя люблю.

Все встали и начали громко петь:

– Happy birthday to you, Happy birthday to you, Happy birthday, dear Tracy, Happy birthday to you!!!

В конце под громкие аплодисменты Вилли вручил Трэйси поздравительную открытку и поцеловал. Всё это вызвало бурю эмоций у присутствующих. Смущенная Трэйси кинулась на кухню и вынула разогретый в микроволновке запеченный еще в магазине кусок мяса. Положив вокруг него отваренные в несоленой воде свежемороженые морковь и капусту брокколи, она принесла и поставила на стол главное блюдо. Все шумно начали накладывать себе в тарелки еду. Каждый поблагодарил Трэйси и Елену. Она была последней, кто попробовал салат. Салат, который, надо сказать, абсолютно не имел ничего общего с оливье, действительно был неплох.

Больше переживать было не о чем, и Лена расслабилась, разглядывая сидящих за столом. Все выглядели очень обычно, даже именинница не сочла нужным сменить бриджи и футболку на платье. Причем платьев у нее было очень много! Проходя как-то раз мимо хозяйской спальни, Лена заглянула в гардеробную комнату, которая была размерами с ее спальню в России. Гардеробная была битком набита вещами, причем часть из них – абсолютно новые, висели в пакетах с этикетками. Почему она никогда не видела на Трэйси эту одежду, Лена не понимала. Как, впрочем, и многое другое...

Через некоторое время Вилли спросил у гостей:

– А может, нам еще выпить? – и, подмигнув, заговорщицким голосом продолжил: – Я могу найти еще бутылочку вина.

Но все в один голос ответили:

– Нет-нет-нет, достаточно.

Гости доели торт, запили его пепси-колой, дети пошли играть на веранду, и за столом стало тихо.

Елена решила их развлечь.

– А хотите, я научу вас пить водку?

Вопрос был неожиданным и застал семью врасплох. Самым смелым оказался брат именинницы Джон.

– Было бы интересно попробовать.

Судя по взгляду, Вилли поддерживал эту идею. Муж его сестры тоже был за, но боялся сказать, поскольку жена сидела рядом. Женщины отказались и ушли в гостиную обсуждать будущую свадьбу троюродной племянницы. Они не заметили никакого подвоха.

Бутылка водки – это последний сувенир из «всяких пожарных». Но для такого случая было не жалко. Сама Лена водку не пила, но как настоящий русский человек знала всю церемонию и результат правильного ее употребления.

В холодильнике еще оставались консервированные огурцы и патиссоны, и она решила, что это закуска что надо. Налив четыре рюмки водки, Лена произнесла тост: «На здоровье» – и показала, как надо чокаться, объяснив, что пить надо залпом и потом закусывать огурцом. Три ее «собутельника», видимо, невнимательно слушали, а может быть, ее английский язык был недостаточно хорош, но они стали нюхать водку, как бы ища аромат, потом начали пить маленькими глотками, пытаясь ощутить вкус.

– Повторяю еще раз, – строго сказала она. – Водку пьют залпом.

– А в чем же удовольствие? – тихо спросил педантичный брат Трэйси, который, видимо, привык делать всё правильно.

– Удовольствие будет позже, – раскрыла секрет Лена. – Потом будет релакс, и не забудьте поговорить по душам.

Было девять вечера. К разнице во времени она никак не могла привыкнуть, поэтому в прямом смысле валилась с ног. Сославшись на усталость, Елена поднялась наверх и легла спать, оставив их втроем с начатой бутылкой водки и огурцами на тарелке. Уже засыпая, она

старалась сделать какие-то выводы о сегодняшнем вечере, но абсолютно не могла сконцентрироваться... «Подумаю об этом завтра», – решила она, как Скарлетт О'Хара.

Утром Лена, как обычно, спустилась вниз и сразу поняла: что-то случилось. Дом как будто вымер, только из хозяйской спальни доносились приглушенные голоса. Открыв дверь, она увидела троих мужчин, лежащих рядом на супружеской кровати, с полотенцами на головах. В комнате сидели Трэйси и Сара – сестра Вилли. Бабушки не было, детей тоже. Видимо, старых и малых каким-то образом изолировали на время, чтобы не ослабить авторитет главы семейства. Увидев Лену, женщины сообщили, что с мужчинами произошло что-то неладное, потому что им было плохо всю ночь и сейчас они чувствуют себя ужасно. Женщины решали, вызывать врача или нет.

Причина была известна только ей. Она пошла на кухню, открыла холодильник. На полке стояла пустая банка из-под консервированных огурцов. Патиссонов тоже не было. В мусорном ведре валялась пустая бутылка из-под водки. Да, слабыми оказались американцы, улыбнулась Лена про себя. Вернувшись в спальню, она успокоила женщин: к обеду всё пройдет.

Они удивились ее познаниям в области медицины и спросили, как называется эта болезнь. «Я не доктор, но знаю, – ответила Елена. – Болезнь называется „похмелье“». Перевести это слово с русского она не могла. А они потом не смогли его повторить в разговоре с доктором. Насчет быстрого выздоровления ей сначала никто не поверил. Однако вызванный врач, как выяснилось, мог прийти только послезавтра, оставалось только ждать. Как и следовало ожидать, к обеду мужчины почувствовали себя лучше, а вечером Вилли подошел к ней и попросил не говорить жене настоящую причину их болезни. И потом добавил, что вчерашний вечер был самым душевным в его жизни...

Разница во времени с Россией составляла десять часов. И это для Елены оказалось самым большим испытанием. Она просыпалась в два часа ночи, а в три часа дня сознание просто выключалось. Она продолжала ходить и говорить, но это была не она. Учитывая ее скромные познания в английском, такое постоянное состояние зомби могло сорвать весь план раскрытия секретов, ради которого она сюда приехала.

...Первой в плане посещений фирм стояла швейная фабрика. Настоящая американская фабрика, основанная прадедушкой сегодняшнего владельца. На этой фабрике шили формы для девочек частных школ. Из года в год ни фасон, ни расцветка не менялись. Юбки в складку и жилетки для девочек из ткани «шотландская клетка». Только на этой фабрике гарантировали качество: полоски по боковому шву юбки и плечу жилетки всегда совпадали!

Такова была первая информация, которую с гордостью преподнес ей нынешний потомственный владелец фабрики Джон Дик. В его внешности не было ничего особенного: невысокий рост, одет в обычные синие джинсы, какую-то зеленую линялую толстовку и ярко-красную бейсболку, которая завершала образ богатого наследника. «Не буду судить по одежде. Вдруг у этого человека ума палата», – решила Лена.

Перед посещением фабрики предполагался ланч, и Джон пригласил ее, как он сказал, в ресторан «с видом на великую реку». Они сели в его машину и через полчаса остановились на набережной маленькой речушки с водой желто-коричневого цвета. Он спустился по деревянным ступенькам к воде, зачерпнул ее рукой и, преклонив колена, с пафосом произнес:

– Это моя река Огайо, я люблю ее и горжусь, что живу на ее берегу!

Решив ничему не удивляться, Лена постаралась приглядеться, но зрение ее не обманывало: это была обычная речушка с грязной водой, шириной метров двести. Она оглянулась, как бы ища в окружающем пространстве что-то, что придает значимость этому месту. Рядом было только небольшое здание ресторана.

...Елена жила на берегу Волги. Стихи «О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» она знала с детства. В школе она учила, что Волга – самая длинная и самая широкая река в Европе, но это были чистые знания, которые существовали отдельно и не влияли на ее жизнь. В ее городе в самом узком месте ширина реки составляла три километра. Лена не знала, любила ли она и испытывала ли чувство гордости за «свою» реку. Волга всегда была в ее жизни. А когда что-то существует всегда, этого не замечаешь. Если она приезжала в город, где не было реки, то мысленно жалела людей, которые там живут. О том, как им не повезло, она никогда им не говорила; они же не виноваты.

Лето в ее городе было настоящим и достаточно длинным – с мая по сентябрь. Было жарко, но комфортно жарко, как и должно быть летом. Обычно одна неделя выдавалась особенно жаркой, и все говорили: «Ну что это за лето такое? Жаркое ужасно, вот бы дождь прошел!» Дожди были – теплые, летние, иногда даже проливные, но это случалось один или два раза за лето. Тогда говорили: «Ну что это за лето? Дождь целый день, хоть бы солнышко выглянуло!»

Такой климат позволял поспевать не только яблокам и грушам, но и клубнике, малине, винограду, абрикосам, дыням и арбузам. Обычно в понедельник все обменивались друг с другом сведениями о том, как провели выходные. Все отдыхали по-разному: на даче, на пляже, на рыбалке, на турбазе, на катере, на яхте, в кафе на набережной. Но неизменно получалось, что все были на Волге.

Выходные Елены проходили на даче подруги. Дача построена на высоком берегу Волги, что называется, на первой линии. Пляж был внизу, но вид с высоты холма – семь километров воды с островами – великолепен. Волга каждый день была разного цвета. В зависимости от настроения солнце изменяло оттенок воды от ярко-синего до серо-стального. Ветер и облака вносили в картину движение, птицы отвечали за звук, а деревья и цветы добавляли к запаху реки пряные ноты. И хотя Лена не считала себя романтиком, этот фильм формата 3D можно было смотреть часами. Летом вода в Волге прогревалась до двадцати пяти градусов. Но даже во время цветения в июле она не была такого грязно-желтого цвета, как великая река Огайо. Только сейчас к Лене вдруг пришло чувство гордости и какого-то превосходства. Она подумала снисходительно: «Джон же не виноват, что здесь родился...»

За обедом не произошло ничего примечательного. Еда была без затей, даже, можно сказать, никакая. Необычным был размер порций – в два раза больше обычного. «Много невкусной еды – это гораздо хуже, чем мало невкусной еды», – пришла к неожиданному выводу Елена. Потом, правда, решила: так как ресторан не может быть плохим, то проблема в ней – просто она не понимает вкус еды из-за разницы во времени. Сейчас по ее биологическим часам было два часа ночи.

На фабрике работали сто пятьдесят человек. При ближайшем рассмотрении все они оказались китайцами. «Да, – подумала Лена, – а на этикетках, наверное, пишут „Made in USA“». А мы еще с гордостью спрашиваем друг у друга: «Твоя кофта китайского производства? Мммм, а моя – из США!»

Как только они зашли в кабинет, раздался телефонный звонок. Джон взял трубку и, быстро что-то ответив, радостно улыбаясь, посмотрел на нее.

– Произошло ЧП. Тебе повезло: ты сможешь увидеть, как мы действуем в критических ситуациях, – он взял с полки толстую книгу, и они вышли из кабинета.

Для кроя ткань обычно складывают в пятьдесят слоев. Получается общая толщина около десяти сантиметров. Поверх накладывают выкройку, и закройщица электрическим ножом вручную вырезает пятьдесят деталей одновременно. Для того чтобы клеточки на ткани при шитье совпадали, каждый слой вначале фиксируют на специальных гвоздиках. Сегодня по какой-то причине деталь кроя сместилась, и одно плечо выкроилось длиннее на один санти-

метр. И произошло страшное: когда детали раздали швеям на конвейер, одна из них увидела, что клеточки на левом плече не сходятся!

Они с Джоном подошли в тот момент, когда несколько человек стояли вокруг стола, и каждый говорил, что это его вина. «Это моя вина, – говорил менеджер, – я не проверил». «Нет, это я виновата, – говорила закройщица, – это я сдвинула выкройку». «Нет, это моя вина, – тянул на себя одеяло другой менеджер, – я раздавал детали швеям». Увидев их, все смолкли.

Джон молча открыл книгу и нашел в оглавлении нужную страницу. Она называлась: «Брак №158 – несовпадение клеток на левом плече жилета». Технология гласила, что каждую выкроенную деталь нужно наколоть на гвоздики, совмещая клетки. На это отводилось три часа. Потом предполагалось за одну секунду электрическим ножом срезать лишний сантиметр на плече жилета. «Приступайте!» – скомандовал управляющий. Две китайки стали накалывать детали на гвоздики, а третья ждала, когда она сможет срезать слой материала ножом. Джон был очень доволен: всё работает как часы.

– Но это же очень долго делать, – попробовала высказать свою точку зрения Лена.

– Что Вы имеете в виду? – удивился Джон. – Моя фабрика работает по стандартам, разработанным прадедушкой, все возможные проблемы и способы их решения прописаны в нашей книге проблем и их решений.

– Но ведь можно было каждой работнице дать обычные ножницы, и они втроем за десять минут срезали бы этот лишний сантиметр. Это и легче, и быстрее...

– Это невозможно. У меня трудятся две накольщицы и одна закройщица, которая может работать только электрическим ножом. На нашей фабрике нет специалистов, которые режут обычными ножницами, – с улыбкой объяснил Джон.

– Это не технологично, поняла? – закончил он и рассмеялся.

В качестве подарка Джон собирался преподнести Елене белую толстовку с логотипом его фабрики, причем сделать это он решил собственноручно. Логотип должен был быть нанесен методом шелкографии. Она знала, что это такое, потому что заказывала визитки для своей фирмы и видела, как это делается.

На мелкоячеистую сетку в рамке специальным образом наносится рисунок, и всё, что должно быть белым цветом, заливается клеем. Потом эта рамка с сеткой накладывается на ткань, и жестким валиком накатывается краска. Она просачивается через мелкую сетку, и эти места на ткани равномерно закрашиваются, а части сетки, на которых был клей, не пропускают краску, и ткань под ней остается белой. Потом рамка с сеткой убирается, а на ткани остается картинка. После этого рамку моют в растворителе, чтобы смыть остатки краски и использовать вторично.

Джон решил проделать всё самостоятельно. С обычной широкой улыбкой он начал «производить впечатление». Но когда он, проделав всё, что нужно, снял сетку, в центре логотипа, который должен быть красного цвета, обнаружилась белая клякса. Толстовка была испорчена. Его неизменная широкая улыбка как бы перевернулась, и на лице теперь читалось глубокое разочарование.

Он воспроизвел всю операцию с другой толстовкой – всё повторилось. Рабочий день подходил к концу, и перспектива сидеть и ждать, когда же наконец его устроит результат, не радовала... Нужно и здесь во всём разбираться самой, вздохнула Елена. Подойдя к столу, она сразу поняла, в чем причина брака. Видимо, последний раз после использования сетки ее промыли недостаточно тщательно, и засохшая краска забила ячейки. Поэтому новая краска не может протечь на ткань, в результате чего получается белое пустое место.

Она объяснила Джону причину брака и высказала сожаление, что не станет обладательницей этой чудесной толстовки с логотипом фабрики, но тем не менее обещает навсегда сохранить воспоминание о нем. Казалось, можно ехать домой. Но Джон был неумолим. Как фокус-

ник, у которого не получился эффектный трюк, он был настроен повторять его до полной победы. Может быть, он думал, что этой толстовке предстояло стать главным и единственным предметом ее гардероба?

Джон быстро сбегал за книгой проблем и решений, порылся в ней и провозгласил, что решение этой проблемы существует.

– Всего через два часа технолог изготовит новую сетку-шаблон, третья попытка будет гарантированно удачной!

«Ну уж нет», – подумала Лена. Оглянувшись, она взяла со стола иголку, подошла к сетке-трафарету, которая еще лежала на специальном столе на второй толстовке, и в нескольких местах проткнула засохшую краску на сетке. Потом обмакнула тонкую кисточку в краску и провела по проблемному месту. Краска затекла на ткань через образовавшиеся отверстия и равномерно растеклась. Белое пятно в середине логотипа исчезло. Впервые за день на ее лице появилась радостная улыбка: «Слава богу, всё закончилось».

Джон расценил эту улыбку как проявление чувства глубокой признательности и бодро произнес, что не стоит благодарности, он, мол, всегда готов поделиться опытом с народами развивающихся стран.

Лена на минуту задумалась: помещать ли ей опыт этого дня в отдел «Очень важно» своей мысленной книги секретов? Несмотря на решение не подходить ко всему со своими мерками неразвитого русского бизнеса и не вешать сразу ярлык «глупость» на всё непонятное, а присматриваться более внимательно, она сочла, что сегодняшний день – это очевидный бред, который надо постараться скорее забыть... «Может, завтра мне повезет больше», – подумала она.

Лекции в университете были ей, в общем-то, не нужны. Курс маркетинга, который Лена должна была посещать, уже давно усвоен. Еще с тех пор, как организовала свой бизнес, она проштудировала всех классиков маркетинга во главе с Котлером, книги по стратегии и тактике ведения бизнеса и всё, что могла найти, что хоть в какой-то степени касалось предпринимательства.

Естественно, Елена пыталась применить всё на практике, но, если быть честной, у нее ничего не получалось. Ей даже в голову не могло прийти, что их выводы неправильны. Она искренне считала, что это она делает что-то не так. Может быть, эта наука должна быть как-то адаптирована для России, хотя если это настоящая наука, опирающаяся на настоящие законы, как физика, например, она должна действовать везде, невзирая на страны и национальности.

Самое простое, что могло прийти в голову, – это то, что Россия настолько отсталая страна, что люди не понимают, как они должны реагировать на все ее мероприятия по увеличению лояльности потребителя, организованные в полном соответствии с зарубежной литературой. Но ничего, думала Лена, придет время, и вы будете как миленькие на всё правильно реагировать! Сколько надо этого ждать, она не знала, а так как в силу характера особой терпеливостью не отличалась, повторяла разные рекламные кампании снова и снова. Реакции никакой по-прежнему не наблюдалось.

А вот законы Мерфи в разных интерпретациях оказались интернациональны, они работали и в России. «Если должно случиться что-нибудь плохое, оно случится обязательно». Было здесь какое-то противоречие, и лекции в Цинциннатском университете были для Елены возможностью понять, что не так она делала с этим маркетингом, что жители ее города никак не хотели увеличивать прибыль ее фирмы.

Английский Лены не был настолько хорош, чтобы понять всё, что говорит лектор, но, к счастью, она увидела, что напечатанные лекции раздавались перед «парой». Сначала она думала, что это делается только для нее, но потом, осмотревшись по сторонам, увидела, что на столе каждого студента лежит такая же копия. «Здорово как, не нужно ничего записывать», – подумала она.

Лекции по маркетингу читал пожилой дядечка – по-нашему, доктор экономических наук. Он зачитывал всё, что написано в листках, и потом приводил примеры, которые подтверждали рассмотренный тезис. Лекции проходили очень весело, потому что примеры были взяты из его жизни и рассказывались очень живо и выразительно. Иногда ей очень сложно было сдерживать смех, но, оглядываясь на других студентов, она с удивлением замечала, что им это не кажется смешным. Зато когда смеялся весь класс, ей казалось, что это не смешно.

Одна лекция особенно ей запомнилась – на тему принципов выкладки товара и важности поддержания ассортимента групп, так называемых неходовых товаров.

«Несмотря на то, что покупатели очень редко приобретают какой-то товар, он всё равно должен присутствовать в ассортименте постоянно, что приведет к увеличению его продаж». Для доказательства этой мысли профессор, как обычно, начал рассказывать историю из своей жизни.

Это случилось летом, когда было очень жарко. Температура воздуха на улице была около сорока градусов. В его кабинете не было кондиционера, и он был вынужден готовиться к докладу на конференции в ужасной жаре. Конференция начиналась на следующий день, и доклад необходимо было закончить. Он очень устал и уже собирался поехать домой, но тут раздался телефонный звонок. Звонила его жена Сара, которая спросила, что он делает, и почувствовала тому, что у него в кабинете очень жарко и он очень устал. И, видимо, чтобы его как-то порадовать, спросила, не хочет ли он, чтобы она приготовила ему салат с анчоусами, который ему так нравится. Он, конечно, с радостью согласился, и тогда выяснилось, что в таком случае он должен купить анчоусы в супермаркете. Дело в том, что анчоусы продавались только в одном супермаркете, который по обыкновению был далеко за городом.

В этом месте Лене уже стало смешно, потому что она знала расстояние от университета до того пригорода, где жил профессор. Супермаркет находился абсолютно в другой стороне. От университета до супермаркета – минут тридцать по скоростному шоссе. И до дома еще минут сорок.

«Конечно, дорогая, только я думаю, что в супермаркете может не быть анчоусов, ведь мы так редко их покупаем, да и другие люди тоже. – Но моя милейшая супруга настаивала, что в конце третьего ряда на второй полке снизу я обязательно увижу эти анчоусы. Иначе и быть не может. И я поехал в тот супермаркет.

К сожалению, там, где нужно было сворачивать с обычного шоссе на скоростное, ремонтировали дорогу, и мне пришлось ехать в объезд. А кондиционер в моей машине сломался еще месяц назад. Но когда я, окончательно вымотанный, зашел в супермаркет и прошел в конец третьего ряда, то на второй полке снизу увидел нужную баночку анчоусов. Через два часа я был уже дома. – Дорогая, ты была права. – Вот что значит правильный маркетинг», – закончил профессор и рассмеялся. Вся группа смеялась вместе с ним...

Ее мысли были о другом. Возникли смутные пока подозрения, что это законы именно их маркетинга, которые действуют только для них. Потому что в России никакой муж не поехал бы в жару в супермаркет за восемьдесят километров, чтобы через два часа съесть салат. И, что самое главное, никакой жене и в голову не пришло бы посылать мужа за ингредиентами для этого салата. А если бы пришло, можно представить ответ! Как говорил Маяковский: «Я такого не хочу даже вставить в книжку!»

Решив, что она на правильном пути и необходимо будет «додумать» эту мысль, Лена тоже начала смеяться, чтобы не выделяться из группы профессора «Смешного маркетинга».

Прошло две недели с момента ее приезда в Америку. Сегодня ей предстоял переезд в новую семью. И учитывая, что время проживания в семье Вилли и Трэйси прошло, как говорится,

даром, Елена очень ждала, что следующие «приемные родители» окажутся более полезными для понимания причин счастливой жизни в Америке.

Ее следующей хозяйкой стала бизнесвумен Лилиан, которая никогда не была замужем и жила одна в доме, расположенном в престижном пригороде. Это была большая удача, потому что уж от этой женщины, в отличие от домохозяйки Трэйси, точно можно будет узнать много интересного.

Дом хотя и находился в престижном районе, снаружи и внутри оказался практически таким же, как и предыдущий: невысокие потолки, небольшие комнаты с кипенно-белым ковровым покрытием, обставленные разнокалиберной старой мебелью. В данном случае, учитывая статус хозяйки, мебель скорее была старинной. Предназначенная Лене гостевая комната оказалась такой же милой, как и предыдущая: с многочисленными рюшечками, оборочками и милыми картинками на стенах.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, она заметила фотографии, запечатлевшие Лилиан, когда ей было лет двадцать пять. В основном это были групповые фото, видимо, с ее работы. На центральной фотографии Лилиан сидела рядом с мужчиной средних лет, лицо которого показалось Лене знакомым. «С чего бы это?» – подумала она. Наверное, это фото хозяйки со своим отцом. Разглядывая фотографию, она сняла ее со стены и перевернула. На обратной стороне была надпись: «Дорогой Лилиан от Рональда Рейгана». Вот это да! Удивлению Елены не было предела. Позже она узнала, что в течение двух лет Лилиан была личным помощником президента США. К сожалению, на вопрос «Только помощником?» Лилиан ответила несколько уклончиво, что не позволяло сделать однозначный вывод.

У Лилиан был семейный бизнес – что-то связанное с производством одноразовой посуды. Это было, кстати, именно то, что особенно поразило Елену в Америке. В России все стирали целлофановые мешочки, одноразовые стаканчики использовались несколько раз, салфетки перед приходом гостей делились на несколько слоев.

А здесь всюду стояли салфетки: влажные и сухие, разнообразных расцветок, в коробках и без. Одноразовые носовые ароматные и гипоаллергенные платочки попадались ей во всех мыслимых и немыслимых местах: в гостиной, туалете, машине, даже в гараже. В ванной комнате стояли ватные палочки, ватные тампоны и одноразовые стаканчики для полоскания рта после чистки зубов. И, конечно же, нельзя не упомянуть про туалетную бумагу с разноцветными рисунками и ароматами. На каждом этаже она была разная.

Если бы Лене нужно было возвращаться домой уже завтра, то на вопрос друзей о том, что ее поразило в Америке больше всего, она ответила бы: клубничная туалетная бумага.

Опять вернувшись к наболевшей теме, она решила за оставшееся время стать более наблюдательной, точнее, более бдительной, чтобы вернуться из поездки, как говорится, не с пустыми руками.

Семья Лилиан была большой. У нее были три сестры и два брата. Она – самая старшая и поэтому руководила семейным бизнесом. Все члены семьи занимали какие-нибудь должности на фабрике, но, как ни странно, не руководящие. Один брат был отливщиком, другой – штамповщиком. Одна из сестер работала продавцом в небольшом магазинчике при фабрике, ее муж – шофером, а их дочь вместо поступления в институт разносила рекламу по почтовым ящикам.

В России, пожалуй, принцип был тот же. В своей фирме Елена, что называется, и швец, и жнец, и на дуде игрец, но она искренне верила, что это только вначале придется быть и директором, и уборщицей, а потом, когда фирма вырастет, она будет только руководящей и направляющей силой. А свою дочь она отправит учиться в лучший университет – в Москву, например, или даже в Европу, а сама будет всем руководить из того самого домика на берегу океана.

– А почему Вы не пошлете племянницу в университет? – спросила она Лилиан.

– Ну, во-первых, это дорого, – удивилась вопросу Лилиан. – А во-вторых, девочка не хочет учиться. И потом фирме уже двадцать лет, и все родственники работают на фабрике, такая вот традиция.

– Но в престижном университете девочка смогла бы познакомиться с хорошим молодым человеком и выйти за него замуж, – не сдавалась Лена.

– Да с этим всё в порядке, – с гордостью пояснила мама девочки. – У нее есть бойфренд – мексиканский парень, который работает разносчиком пиццы, и, возможно, они пожениятся на следующий год.

Елена мысленно увидела свою дочь рядом с мексиканским разносчиком пиццы. Он представился ей почему-то с длинными, до плеч, волосами и татуировкой I love Ануа на плече. И она поняла, что сказала бы в этом случае: «Только через мой труп».

В выходные ее ожидало очень интересное мероприятие. Настоящее развлечение миллионеров – открытие сезона на самом крупном ипподроме США в Луисвилле. Это были так называемые дерби – состязания чистокровных лошадей в возрасте трех лет. Местом проведения этих скачек является ипподром «Черчилл-Даунс» в Луисвилле, штат Кентукки. Это главные американские скачки с впечатляющим призовым фондом. Аналогично дерби в английском Эпсоме – родоначальнику скачек лошадей в мире, дерби в Кентукки входит в «Тройную корону» Америки.

Лилиан объявила Лене, что ее семья ежегодно посещает это мероприятие. Столик в ресторане бронируется за полгода. До Луисвилла – более двухсот километров, и они должны будут выехать часов в семь утра, так как открытие состоится ровно в десять. То, что это мероприятие очень престижное, Елена сразу поняла по тому, что хозяйка открыла шкаф и начала примерять различные шляпки. С мыслью, что и ей нужно обязательно купить шляпку, чтобы не выглядеть белой вороной среди аристократической публики, Лена оставила Лилиан выбирать соответствующий наряд.

В субботу утром она уже было собралась надеть нарядное синее платье в белый горох, к которому она накануне купила ярко-синюю шляпку, но в последний момент, предчувствуя подвох, решила спуститься вниз и посмотреть, во что одета хозяйка. Быть самой нарядной дамой на дерби Лена не хотела, потому что поняла: здесь в подобной ситуации нельзя рассчитывать на восхищение окружающих.

Предыдущие несколько раз ее внешний вид вызывал скорее непонимание с элементами осуждения, что, в общем-то, никак не вязалось с понятием «свобода». Она оказалась права, но лишь наполовину: Лилиан была одета в любимые свободные серые штаны и рыжую толстовку – в то же самое, в чем она вчера пересаживала из горшков на газон купленные в супермаркете цветущие тюльпаны. Но сегодня ради торжественного события она увенчала себя огромной розовой шляпой с многочисленными красными цветами из перьев и пайеток.

Елена порадовалась, но не наряду Лилиан, а тому, что она уже может правильно ориентироваться в этой стране и не совершать глупых, с американской точки зрения, поступков. Она натянула джинсы, подаренную ей толстовку с логотипом фабрики школьной одежды и ярко-синюю шляпку с синей лентой в горох, чем привела в восторг Лилиан, и они отправились в Луисвилл.

Перед ипподромом была огромная стоянка для машин. Создавалось впечатление, что жители всей Америки приехали на скачки. С одной стороны огороженного бегового поля стояло четырехэтажное здание, все приехавшие направлялись к нему. Каждый этаж был отведен под ресторан. Как поняла Лена, чем выше этаж, тем престижнее ресторан, потому что все наблюдали за скачками именно из этого здания. Чем выше располагался ресторан, тем лучше было видно. На первом этаже был «Макдоналдс». Их этаж был третьим.

В большом зале стояли круглые большие столы человек на десять или двенадцать каждый. Они напомнили ей игру «Что? Где? Когда?», потому что над каждым столом висел телевизор, по которому, собственно, и транслировались скачки. Они пришли последними. Вся семья была уже в сборе: сестра хозяйки с мужем и дочерью, оба брата с женами, – ждали только их. Десятый стул оставался свободным недолго. К столу подошел молодой официант, с виду мексиканец, с волосами по плечи и татуировкой в виде черепа на предплечье. Обойдя стол, он каждому раздал журнал с описанием скачек, объяснив, что ставки можно делать в небольшом помещении при входе, и вдруг сел с ними за стол рядом с племянницей хозяйки. Сначала Лена подумала, что это такая форма обслуживания официантами на ипподромах, но вопросов задавать не стала, боясь сказать что-нибудь бестактное. И только через некоторое время она поняла, что это был не официант, а тот самый жених-мексиканец племянницы Лилиан. Он выглядел именно так, как она себе его представила, не угадала только татуировку...

Скачки начались. Одновременно настоящие официанты стали разносить еду. Это было фиксированное меню. Порции, как и в предыдущий раз, были огромными, вкус – неопределенным. Но в данном случае это было неважно, ведь главное – скачки. Посреди зала была дверь, которая вела на большую открытую террасу, что давало возможность наблюдать скачки вживую. Терраса была пуста, все предпочитали сидеть за столами, есть и смотреть в телевизоры.

Все женщины открыли журналы, и за столом возникла бурная тема: на кого ставить? Насколько поняла Лена, всем нравилась лошадь под номером восемь, потому что жокей был в ярко-розовой шапочке. Думая, что она что-то не так перевела, Лена взяла журнал и постаралась разобраться, как делать ставки, кто может победить, как выигрыш зависит от ставки и какова его вероятность. Много вопросов, на которые она должна найти ответы, потому что у нее имелось сто долларов, которые ей было, в общем-то, жаль потерять. Не играть она не могла, потому что это выглядело бы, по ее мнению, неприлично.

Риск не был ее коньком, но сто долларов Лена могла позволить себе проиграть. «Была не была», – подумала она и стала внимательно читать статьи в журнале. Тем временем ее «семья» уже сделала ставки на того классного парня в розовой жокейке.

Журнал оказался очень интересным. Информация была краткой, но емкой и полезной, и уже к третьему заезду, проанализировав предыдущие скачки, лошадей и опыт наездников, Елена наметила для себя удачного кандидата на победу. В силу ее совершенно нерискового характера, она решила делать ставку не на победителя, а на одного из двух, что снижало сумму выигрыша, зато возможный проигрыш был тоже меньше. Поставив двадцать долларов и выиграв тридцать, убедившись в правильности своей теории, Лена продолжала читать биографии участников гонок. Проиграв всего дважды, она все остальные разы обязательно угадывала одного из двух победителей. К концу скачек ее выигрыш составил пятьдесят долларов.

Надо сказать, что во время всего мероприятия Елена не особенно участвовала в общих беседах, краем уха слыша только отдельные фразы. По разговорам можно было догадаться, что методика ставок за этим столом не изменилась и делались они, исходя из приверженности к цвету: я люблю коричневый, поэтому ставлю на коричневую лошадь. Или: у этой лошади большие глаза. Или: пять – мое счастливое число.

Совершенно не ставя под сомнение ни один из перечисленных методов, Лена поинтересовалась результатами ставок соседей по столу, назвав сумму своего выигрыша. Не зная, радоваться ей или огорчаться, она спросила у Лилиан, хороший ли у нее результат. Все за столом затихли. Как выяснилось, каждый из присутствующих проиграл от трехсот до пятисот долларов. «И вправду новичкам везет!» – в абсолютной тишине выразил общее мнение мексиканский жених племянницы.

Один из дней их стажировки был посвящен посещению штаб-квартиры всемирно известной фирмы Procter & Gamble. «Тайд», «Мистер Пропер», «Памперс» и еще двести наимено-

ваний марок продукции этой компании известны всем. По завершении экскурсии у их группы должна была состояться деловая бизнес-игра. После посещения фирм, разговоров с американцами и лекций в университете Елена не сомневалась, что их результат будет уж если не первым, то точно вторым.

Компания была основана в 1837 году свечником Уильямом Проктером и мыловаром Джеймсом Гэмблом. А теперь она находится на двадцать втором месте в списке самых крупных фирм в мире. С появлением телевидения компания стала спонсором большинства выпускавшихся в то время телесериалов. Именно благодаря участию Procter & Gamble сериалы получили название «мыльные оперы».

Здание компании оказалось огромной высоткой с двумя башнями и состояло только из офисов, а внизу в холле были расположены стенды, отражающие весь путь развития фирмы. Экскурсовод рассказывала о разных товарах и многочисленных патентах, которыми обладает компания, но из всего разнообразия сведений Елену поразило только то, что, оказывается, памперсы появились в 1961 году. Первооткрывателем современного одноразового варианта подгузников считается Виктор Миллс, инженер компании Procter & Gamble, и называли их Pampers от английского глагола to pamper – «баловать» или «лелеять», «изнеживать». Ее дочь родилась в 1987 году, но в России даже тогда еще ничего не слышали про памперсы.

После короткой экскурсии их группу разместили в небольшом учебном кабинете и быстро объяснили правила игры. Они не очень-то поняли, что именно нужно делать, и попросили повторить, но им вежливо отказали, объяснив, что в жизни никто не будет ничего повторять несколько раз. Целью этой игры, как они приблизительно поняли, было создание фирмы по производству какого-нибудь товара и реализация этого товара по рыночным ценам.

Сначала Лена даже разозлилась на организаторов, но потом поняла, что есть в этом свой резон. В ее жизни ей никто ничего не объяснял и не ждал, пока она поймет и придумает что-то. Кто не успел, тот опоздал – основной закон бизнеса. Она признала правоту организаторов и успокоилась.

Их было десять человек, которых разделили на четыре группы: отдел закупок, отдел производства, отдел продажи готовой продукции и отдел финансового учета. Елена попала в финансовую группу. В каждом отделе был назначен руководитель – директор, другие были помощниками. Определялся также президент фирмы, который должен был визировать всю входящую и исходящую документацию.

По правилам игры разговаривать запрещалось. Нужно было писать бумажки с запросами из отдела в отдел. Чтобы закупить комплектующие, нужно написать заявку в финансовый отдел; чтобы произвести товар, нужно запросить комплектующие в отделе закупок. Игра ограничена четырьмя циклами производства товара. Ведущий бросает кубик, и именно это вносит в игру рыночный аспект. Сколько выпало на кубике, столько и можно закупить комплектующих, сколько потом выпало – столько можно продать на рынке. То есть может сложиться ситуация, когда у тебя много товара, но выпадает только одно очко, и это означает, что ты не можешь продать больше. Что ж, рынок есть рынок. После четырех циклов игра останавливается. Потраченное время сравнивается со временем предыдущих групп, которые играли в эту игру за последний год.

В общем, правила игры стали более понятны, когда они начали играть. И тут Лена заметила интересную особенность. Хотя все знали, что они – одна фирма и должны стараться как можно скорее закупать, продавать, составлять финансовый отчет, – каждого начальника заботила работа только его отдела. А так как разговаривать запрещалось, то добиться быстрого ответа на твой запрос было невозможно. Начальники неторопливо заполняли отчеты, которые не спеша передавались в финансовый отдел, и Лена в конце должна была выйти к доске и написать результат прибыли от продажи товара каждого цикла. После чего было можно продолжать

игру дальше. В общем, ситуация получилась как в басне «Лебедь, Щука и Рак». Президент фирмы, казалось, был занят только тем, насколько красива его роспись на тех документах, которыми они обменивались.

Когда ведущий объявил их результаты, Елена была потрясена: результаты хуже них показали только студенты из Зимбабве три года назад. Ведущий объявил, что после ланча будет еще один раунд, правила в котором они могут назначать сами. Разрешено всё: разговаривать, смеяться, писать или не писать бумажки. «В общем, главное – победа», – закончил речь ведущий игры и удалился из кабинета.

Ланч им принесли прямо в комнату. В одноразовых контейнерах был салат и второе. Все с удовольствием стали поглощать незатейливую еду. Казалось, провальный результат никого не огорчал.

– Ну и сыграли мы! Хуже всех, – возмутилась Лена.

– Да ладно, ерунда, это же только игра. Подумаешь, проиграли! – высказал свою точку зрения один из них.

– Нет. Что значит игра? Да вы посмотрите, что вы делали – красоту наводили каждый в своем отделе! Фирма же одна, а вы ее на королевства поделили. Неужели непонятно, что нужно всем вместе на один результат работать, писать скорее, думать? А вы старались только, чтобы к вашему отделу в случае чего претензий не было, – не могла успокоиться Лена. – Я допроситься результатов не могла, чтобы написать на доске, поэтому и проиграли!

Как ни странно, ее слова произвели определенный эффект, все оживились:

– Ну правда, что это мы – глупее всех, что ли?!

В следующем раунде они не писали бумажек, без лишних разговоров быстро решали, сколько и по какой цене надо купить комплектующих, а потом продать готовых изделий. Елена непосредственно задавала вопросы начальнику каждого отдела, быстро складывала и умножала в уме и записывала на доску результат, после чего ведущий разрешал переходить к следующему циклу.

Результат на этот раз оказался отличным – третье место за все время проведения этих игр. Вся группа была довольна, ведущий – сильно удивлен. Впервые команда, показавшая худший результат в первом раунде, практически обошла всех во втором. Тем более что эта группа вообще отказалась от документации.

После окончания игры Лену попросили остаться. Она удивилась, почему именно с ней захотели поговорить, и не представляла, о чем может пойти речь. Один из руководителей компании пожал ей руку и поздравил с победой.

– Но почему меня? У нас же был президент фирмы, это его заслуга. Я была только помощником руководителя финансового отдела, – удивилась она.

– Вы были лидером группы во втором раунде, и это Ваша победа. Почему Вы сразу не выразили желание быть президентом фирмы? – спросил руководитель.

– Так в нашей же группе восемь мужчин! Мужчины любят руководить, вот и пусть руководят. Женщины в этой жизни для другого, – уверенно сказала Лена.

– Очень интересно, и для чего же? – воскликнул один из организаторов игры.

– Для красоты, например. Но уж точно не для того, чтобы мужиками руководить. Меня замуж никто не возьмет, если я буду президентом фирмы, – рассмеялась она.

Пока Елена отвечала, руководитель просматривал какие-то бумаги, а когда она закончила, протянул ей визитку:

– Вот, возьмите.

– Зачем? Вы меня на работу приглашаете?

– Да нет, с работой, я смотрю, у Вас всё в порядке. У Вас же своя туристическая фирма.

– А для чего же Вы мне визитку даете? – еще больше удивилась она.

– Ну, когда решите, что Вам замуж нужно выходить, позвоните мне – меня умные женщины не пугают, – веселым голосом закончил он. – Всего Вам хорошего, верьте в себя и в свои силы и тогда сможете получить всё, что захочется.

Эту историю она помнит до сих пор. К сожалению, Лена в тот же день потеряла визитку и даже приблизительно не могла вспомнить ни имени, ни фамилии ее владельца. В тот момент она даже не могла представить, что когда-нибудь наступит такое время, когда она об этом будет сожалеть.

В следующие выходные им предстояло отправиться в Вашингтон.

Американская столица поразила Елену обыкновенностью. Это был небольшой город с шестьюстами тысячами жителей, с невысокими домами, аккуратными газонами и аллеями. Он гораздо больше походил на провинциальный город, чем на столицу. Она считала, что все города Америки состоят из небоскребов. А оказалось, что в Вашингтоне, в отличие от других городов этой страны, строительство очень высоких многоэтажек запрещено. Самое высокое здание американской столицы – знаменитый Капитолий высотой 137 метров, и ни одно здание в Вашингтоне не должно превышать его.

Уже с вечера всей группой они обсуждали, кто куда пойдет с утра, и ее идея начать с Белого дома сначала вызвала всеобщее одобрение. К концу обсуждения, однако, их осталось только трое, остальные решили пойти в магазин электроники.

Уже издалека они увидели длинную очередь, тянущуюся к Белому дому. Два ее «товарища» пошли занимать очередь, а Лена решила найти кассу и купить билеты. Оглянувшись, она постаралась найти что-нибудь похожее на место продажи билетов. Единственный отдельно стоящий павильон, напоминающий кассу, был закрыт. «Хорошо бы еще узнать, сколько стоят билеты», – подумала она.

Подойдя к людям, стоящим в очереди, и увидев в их руках билеты, Елена поинтересовалась, где они их купили и по какой цене. Ответ, как это чаще всего бывало, оказался неожиданным: билеты бесплатно раздаются в том павильоне по средам. Было субботнее утро. Уезжали они из Вашингтона завтра, и внутренний голос ей подсказывал, что сегодня единственный шанс в жизни увидеть Белый дом. Нет, конечно, снаружи она может его увидеть и завтра, но это будет совсем не то.

Как же так: быть в Америке и не попасть в Белый дом? Ситуация напоминала мультфильм ее детства – «Паровозик из Ромашково», где звучало: «Если мы не увидим первых ландышей, мы опоздаем на всю весну...» Словно от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь, Елена направилась в начало очереди с намерением найти кого-нибудь, кто сможет им помочь. На входе стояли два охранника. Один проверял билеты, другой стоял для симметрии, подпирая чугунный столб. Именно ему Лена отвела великую роль – решить ее проблему.

– Видите ли, – начала она, – мы приехали из России всего на два дня и очень хотим посмотреть Белый дом. Как нам это сделать?

Охранник очень обрадовался, и уже привычная ей дружелюбная улыбка возникла на его лице.

– Как это хорошо, – сказал он. – Вы должны прийти в среду вон к тому павильону и взять бесплатный билет!

– Да, но мы уезжаем завтра навсегда, – возразила она. – Как же мы будем жить в России и всю жизнь жалеть, что не смогли увидеть Белый дом?

– Посмотрите, – охранник благоговейно обвел рукой очередь, – это американские граждане, которые тоже хотят увидеть место, где на наше благо работает президент США. У них есть билеты, а у вас нет, поэтому вы не сможете туда пройти.

На ее глаза уже были готовы навернуться слезы, но она решила попробовать еще раз.

– Скажите, пожалуйста, скажите мне, может быть, есть какой-нибудь способ купить три билета?

– Нет, – спокойно повторил охранник. – Билеты не продаются. Они бесплатные, и вы можете их получить вон в том павильоне каждую среду.

Теперь Лена уже точно заплакала бы, причем она даже не понимала, отчего. Но тут один из американцев, стоящих в очереди, предложил ей два билета, сказав, что у него не смогли прийти два друга. Воспрянув духом, Елена разыскала в очереди своих друзей, быстро рассказала им всю историю с благополучным финалом, и они направились к входу. Показав билеты и приготовившись пройти, они вынуждены были остановиться, потому что охранник преградил им дорогу.

– Мадам, – сказал он, – это невозможно, потому что билетов два, а вас трое. Кто из вас не пойдет?

Пришла его очередь удивляться. В один голос они ответили, что в таком случае никто из них не пойдет.

– Но почему? – спросил он. – Вы же так хотели!

Лена спросила, как его зовут.

– Дик Смит, – ответил он.

Она тоже назвала свое имя и продолжила:

– Дик, понимаешь, есть такая пословица – один за всех, и все за одного.

Судя по выражению лица охранника, этот ответ ему ничего не объяснил, но она почувствовала, что победила. Он взял какую-то толстую книгу, спросил ее фамилию и название города, в котором она живет. Потом поинтересовался, холодно ли в России и продается ли там кока-кола. Получив ответы, Дик записал ее фамилию в книгу и отступил в сторону, как бы открывая им дорогу.

– Теперь вы можете пройти втроем, – произнес он.

– Как же это возможно? Билета же только два? – стараясь не подать виду, что очень удивлена, все-таки попыталась съязвить Лена.

– Мужчины проходят по билетам, а Вы проходите как мой гость, – невозмутимо ответил он.

– А раньше нельзя было сделать меня своим гостем?

– Раньше – нет, потому что я не знал Вас. Но когда мы познакомились и поговорили, я уже могу записать Вас в книгу посещений как своего гостя.

Они быстро прошли через все комнаты Белого дома, которые абсолютно не запомнились ей. Размышляя потом, зачем же она так туда рвалась, словно должна была увидеть там что-то очень важное, Елена пришла к странному выводу: видимо, в Америке теория вероятности не работает, потому что всё, что она видит вокруг, говорит об одном и том же. И что она пришла в Белый дом не для того, чтобы «увидеть президента», а что ей, видимо, нужен был разговор с этим охранником-философом. Чтобы уже начать понимать смысл жизни в Америке.

Вечером им завидовали все участники группы. Можно сказать, они стали героями. Ее идея посмотреть завтра Пентагон вызвала всеобщее одобрение. Она, конечно, предполагала, что в Пентагон их не пустят. Но, может быть, им повезет, и они сфотографируются у входа или у центральной лестницы. Круто было бы иметь такую фотку.

Утром Лена увидела всю группу в холле отеля. Значит, никто не передумал. Самым быстрым и дешевым способом добраться до Пентагона, как ни странно, оказалось метро. Они удивились, когда на карте увидели станцию с таким названием. Решили доехать до этой станции, а там уже спросить, как добираться дальше.

Спустившись в метро, они поняли, что система пропуска абсолютно другая. В отличие от привычных московских жетонов, люди здесь засовывали в турникет какую-то карточку, она

на секунду исчезала, в этот момент дверки распахивались, открывая путь, а карточка появлялась с другой стороны турникета. Сколько стоит проезд и где купить эти карточки, было непонятно.

При входе стояли автоматы, к каждому вела длинная очередь. Понаблюдав за людьми, они вообще не смогли ничего понять. Все засовывали в автомат бумажные купюры различного достоинства – по пять, десять, пятьдесят и даже сто долларов. Купюра медленно вползала в автомат, потом что-то щелкало, и в специальное отделение падала карточка. Карточки на вид были одинаковые, но никакой сдачи никто не получал. Спросить они постеснялись и решили просто сделать то же, что делают остальные, а потом уже сориентироваться на месте.

Один из друзей-бизнесменов решил не стоять в очереди и потихоньку просочился вперед. Когда следующий в очереди замешкался, он быстро засунул десять долларов в автомат. Купюра медленно вползла в устройство, но под смех всей группы выползла обратно. Сконфуженный, он быстро отошел в сторону, но решил попробовать купить карточку в другом автомате, и опять без очереди. Всё повторилось. Аппарат, безропотно выдававший карточки всем американцам, возвращал деньги русскому бизнесмену. После неудачной проверки третьего автомата он подошел к группе, стоявшей в хвосте очереди.

– Это потому, что ты без очереди, – со смехом высказал предположение один из них.

– Здесь все законопослушные! И автоматы тоже, – захохотал другой.

Но желание первым завладеть карточкой парня не оставляло: когда подошла их очередь, он первый засунул десять долларов в автомат. Устройство в очередной раз вернуло ему деньги вместо карты. Тогда он поднял глаза к небу и прошептал: «Я же стоял в очереди». И уже под общий громкий хохот попытался купить карточку еще раз. И – о чудо! – купюра скрылась в недрах умного аппарата, а на его ладонь выпала заветная карточка. Как оказалось, купюру нужно было вставлять только определенным образом, на что, конечно же, никто из них не обратил внимания. Им такое не могло даже в голову прийти.

Самоуверенно полагая, что справились с главной проблемой дня, они подошли к турникетам. Но тут тоже не всё получилось гладко. Дело в том, что не все купили карточки. Некоторые особо расчетливые не захотели тратить деньги и решили проявить русскую смекалку: пройти вдвоем и втроем по одной карточке. Первый вставил карточку в прорезь турникета, прошел, вынул ее с другой стороны и передал следующему. Таким образом, используя одну карту, прошли несколько человек. Здорово сэкономили.

В приподнятом настроении они вошли в метро. Елена где-то читала, что московское метро – самое красивое в мире, но в глубине души не верила. Очень уж это было похоже на пропаганду. Но, осмотревшись в американской подземке и увидев низкие потолки и маленькие поезда с несколькими вагончиками, она подумала, что в той статье про московское метро написано даже слишком скромно. Здесь даже не было чисто, уже не говоря о красоте. Точнее, было бы сравнение дорогого ресторана с вокзальной забегаловкой – не в пользу Америки. Ну что же это такое? – опять расстроилась Лена. Где же эти достижения науки и культуры? Тема высокого уровня развития личности после беседы в Белом доме снялась сама собой.

Немного поплутав с непривычки, нашли нужный поезд и через пять станций вышли из вагона. Они увидели какой-то проход, в дверях которого стояли охранники. Перед ними на стене было название станции – «Пентагон». Они поднялись по эскалатору. Люди, приехавшие с ними, подходили на выходе к турникетам и зачем-то опять засовывали карточку в прорезь. Лена сделала то же самое, прошла через открывшиеся ворота и забрала с другой стороны свою карту. Перевернув ее, она увидела, что на обратной стороне напечатано: «Вход – зона 3, выход – зона 5. Списано с карточки 3 доллара. Начальная сумма – 10 долларов. Остаток – 7 долларов». Теперь она поняла принцип: можно положить любую сумму на карточку, а стои-

мость поездки, в отличие от московского метро, зависит от расстояния и фиксируется зоной входа и выхода пассажира.

Но что же будут делать ее друзья? Первый смог выйти по карте беспрепятственно, но когда он передал ее следующему и тот вставил ее в турникет, сложенная система американского метро как будто взорвалась: все турникеты заблокировались, замигали лампочки, на звук сирены прибежали охранники. Впрочем, это могли быть переодетые агенты ЦРУ, ведь рядом был Пентагон.

«Это надолго», – решила Лена, и в сильно уменьшенном составе они вышли на улицу. Местность была безлюдной и какой-то безжизненной. Здания Пентагона не было видно, только высокий забор. Решив, что просто вышли не в ту сторону, они вернулись в метро и, пройдя по переходу, направились в другую сторону. Вид местности не изменился – те же забор и безлюдье.

«Ну не повезло так не повезло», – решили они и, спустившись назад в метро, столкнулись с товарищами, которые, как ни странно, были «на свободе». Невзирая на то, что все раскаялись, выложили правду об использовании одной карты на пять человек и были готовы понести суровое наказание, секьюрити долго перед ними извинялись за то, что произошел сбой работы на этой станции. А так как это случилось впервые, то у них не было на это инструкций, и они не смогли сразу устранить проблему и задержали, безусловно, очень занятых русских бизнесменов на двадцать минут. Сотрудники метро еще раз принесли извинения от лица американского правительства и просили нас как можно скорее забыть об этом инциденте.

Воссоединенная группа решила вернуться в отель и отметить чудесное освобождение как полагается. Проходя мимо того места в метро, где она видела какой-то проход, и помня о своих способностях к доверительным беседам с секьюрити, Елена все-таки обратилась к охраннику с вопросом:

– Скажите, пожалуйста, а где вход в Пентагон?

Ничуть не удивившись вопросу, охранник ответил:

– Это и есть вход.

– Нет, – возразила она, – нам нужен центральный вход. Главная лестница, например. Мы хотели бы сфотографироваться всей группой на фоне Пентагона.

С уже знакомой ей невозмутимостью охранник ответил, что он работает здесь двадцать лет и всегда считал, что это и есть главный вход, но если им нужен какой-то другой, то он может связаться с начальством и уточнить этот вопрос. И хотя до 11 сентября 2001 года было еще далеко, и слово «терроризм» не было, как говорится, на слуху, Лена каким-то внутренним чувством самосохранения поняла, что не стоит углубляться в этот вопрос.

– Спасибо, – вежливо ответила она, – не стоит утруждаться, мы сфотографируемся в метро у вывески «Пентагон». Этого будет достаточно.

– Welcome! – ответил охранник и улыбнулся.

Так общая фотография группы на станции метро «Пентагон» на фоне вагона поезда украсила американский альбом Елены.

На одной из фирм, где Лена проходила стажировку, она подружилась с женщиной, с которой они сразу же нашли общий язык. Сложно было объяснить, как они общались, ведь ее уровень английского тогда оставлял желать лучшего. Лена понимала гораздо больше, чем могла ответить, и у нее выработался такой метод: когда ей что-то рассказывали, она делала очень заинтересованное лицо и просто кивала головой. Общую тему она могла понять, а когда чувствовала, что разговор приближается к точке, когда нужно будет выразить свое мнение по данному вопросу, она задумчиво смотрела на собеседника и отвечала что-то вроде: конечно, она тоже так думает, но жизнь иногда бывает так неожиданна, поэтому вроде бы всё ясно, а потом раз – и ничего не ясно.

Эта фраза у Лены родилась не сразу, она явилась результатом напряженной работы мысли и постоянного страха: сейчас она ответит невпопад, и все поймут, что она ничего не понимает. И ее отправят обратно, как отправили в первый же день одиннадцатого члена их группы из-за плохого знания английского языка.

Но эта фраза ни разу ее не подвела. Собеседникам очень нравился философский подтекст, они рано или поздно меняли тему разговора, и она опять получала возможность пользоваться тем, что со стороны очень умно выглядит, когда молча кивает головой.

Ее новая подружка работала секретарем в государственном фонде помощи женщинам, решившим открыть бизнес. За три дня, которые Елена пробыла в этой организации, сложно было понять, насколько действенной была их помощь, но все работники были заняты постоянно. Они организовывали встречи начинающих женщин-бизнесменов с теми женщинами, которые уже имели большой опыт управления собственной фирмой. Они также помогали найти сотрудников и проверяли правильность подачи документов на различные гранты – деньги, которые выделяет правительство для поддержки социально значимых проектов.

Так вот, ее новая подружка, веселушка и хохотушка Дороси, с первого дня их знакомства выразила желание показать ей хорошие магазины. Для Лены это была определенная проблема, так как в моллы нужно ехать на машине, а ей неудобно просить об этом свою хозяйку, которая к тряпкам абсолютно равнодушна. Поэтому предложение Дороси Елена приняла с радостью. В одном только она была не очень уверена – в том, что подруга привезет ее в те магазины, где продают модную молодежную одежду, ведь Дороси неделю назад исполнилось семьдесят лет.

С другой стороны, ее сомнения были безосновательны, потому что Дороси одевалась безукоризненно. Модная юбка с ремешком, яркая блузка, серьги под цвет сумки – всё говорило о том, что волноваться не нужно. После окончания рабочего дня они сели в огромную машину, Дороси включила громкую музыку, и они отправились. Сначала поехали в кафе – поужинать с бокалом белого вина, потому что дорожные правила позволяют выпить даже два бокала за вечер, потом – в кофейню с красивым видом на даунтаун – пить кофе с пирожными, и в заключение они направились в огромный молл.

По дороге подруга сказала, что им нужно заехать в один маленький магазинчик, где она всегда покупает обувь, потому что босоножки, которые она купила последний раз, очень сильно трут, как раз на мозоль, в них невозможно ходить. Дороси махнула рукой в сторону коробки на заднем сиденье.

Лена из любопытства открыла коробку и увидела симпатичные босоножки, которые носили не одну неделю.

– И что Вы собираетесь с ними делать? – удивилась она.

– Я хочу их вернуть. Может, подберу другие, если что-нибудь понравится.

– Но как же Вам вернут деньги, если Вы носили их целый месяц?

– Да, носила. Я думала, будет легче, но боль становилась всё сильнее и сильнее. И я решила, что легче вернуть, чем мучиться, – объяснила Дороси, как будто это было само собой разумеющимся.

– Да уж, легче вернуть, – рассмеялась Лена. В России с тобой даже никто разговаривать не стал бы, вздумай ты возвращать ношенные туфли. Да никому и в голову не пришло бы это делать.

– Ну вот мы и приехали, – показала Дороси на магазин впереди.

Елене было очень интересно, что же произойдет дальше.

Они зашли в магазин, обе продавщицы одновременно обернулись и заулыбались Дороси как давней знакомой. Увидев коробку в ее руках, они сразу же спросили, в чем дело. И Дороси рассказала им ту же душещипательную историю о мозоли, а чтобы быть более убедительной, надела босоножки на ноги и показала им больное место.

Продавщицы присели и стали разглядывать палец Дороси, охая и кивая головами в знак согласия. Общий вердикт был таков: деньги за босоножки они ей, конечно же, вернут. Они сто раз извинились, что принесли ей столько неудобств, быстро вернули деньги, вышли на крыльцо магазина, чтобы проводить, и еще долго махали вслед рукой.

– Раз так легко получить деньги за ношеную обувь, то можно каждый раз в конце сезона возвращать сапоги, ссылаясь на большую мозоль, брать деньги назад и покупать туфли, а в конце лета менять туфли на сапоги. Так можно никогда не тратить деньги на обувь вообще, – абсолютно ошарашенная, предположила Лена.

Дороси посмотрела на нее с удивлением:

– А зачем мне это делать?

– Просто чтобы деньги не тратить, – пояснила она свою идею.

– Да нет, – абсолютно серьезно ответила Дороси, – я не буду так делать, ведь не вся обувь давит мне на мозоль, а если мне нужны будут сапоги, я их могу просто купить...

Тем временем они подъехали к огромному моллу, в котором затем провели несколько часов. Разница в возрасте абсолютно не чувствовалась: они покупали одинаковые платья, Лена приобрела розовую кожаную сумку, а Дороси – голубую шляпку на лето, постоянно спрашивая, не старит ли ее этот фасон.

А Елена уже решила осуществить заветную мечту – купить что-нибудь с надписью «Сделано в США», а то ей никто не поверит, что она была в Штатах, а не в Китае. Она методично обходила стеллажи и выворачивала ярлыки наизнанку. Результат был один: все вещи были сшиты в Китае. Дороси не понимала, зачем Лена это делает, и спросила, что она ищет. Не зная, как ответить, она сказала, что хочет купить модный пиджак. Подруга на какое-то время оставила ее и вдруг появилась, неся на вешалке льняной пиджак темно-синего цвета. Он выглядел бы очень модно, если бы не непроглаженный вид.

– Вот посмотри, очень модная ткань в этом сезоне – мятый лен, – Дороси показала на большой плакат на стене, на котором была фотография известной модели в платье из похожей ткани.

Лена надела пиджак, он сразу же сел как влитой. Ткань уже казалась не мятой, а стильной. «Я его беру», – с радостью решила она. Пиджак упаковали в сто пакетиков, положили модный каталог и несколько карточек скидок на следующие покупки. Возвращались они веселые и счастливые с охапкой разноцветных пакетов и в отличном настроении. И только когда Лена вернулась в Россию, она решила посмотреть, где сшили пиджак. Да, жизнь – непредсказуемая штука: на этикетке было написано «Made in Russia»!

Полтора месяца пролетели, послезавтра нужно было возвращаться домой. В последний день их ожидал завтрак у мэра. Это было очень престижное мероприятие, которое проходило в самом большом конференц-зале Цинциннати один раз в месяц. Приглашались только выдающиеся люди города. Они же были приглашены туда в качестве гостей из России. В программке, которую получила Лена, было подчеркнуто: «Дресс-код: торжественная деловая одежда». Наконец-то у нее будет возможность надеть костюм, который за всё время пребывания ни разу не пригодился! И если дома, когда его шила, она сильно переживала, что может выглядеть в Америке как бедная родственница, теперь она была уверена, что будет лучше всех.

Предчувствия ее не обманули. Все были одеты торжественно и с достоинством. Женщины – в модных дорогих костюмах и туфлях. Мужчины – в хороших костюмах и ботинках. Елена поймала себя на мысли, что первый раз она чувствует себя в своей тарелке. Всё было так, как она привыкла. Только это было, на минуточку, мероприятие у мэра большого американского города, а не обычная вечеринка в ее провинциальном городе.

Гости расселись за круглые столы по десять человек за каждым и стали знакомиться друг с другом. Всех членов ее группы рассадили по разным столам, чтобы как можно больше чело-

век смогли пообщаться с русскими. Мероприятие подразумевало такое неформальное общение бизнесменов между собой. Это была первая интересная идея за всю поездку.

К каждому столу начали подносить корзинку, объясняя, что туда нужно положить визитки. В конце вечера владелец одной из них получит огромную корзину с цветами от мэра. Официанты стали разносить различные блюда, звучала живая музыка, гости оживленно разговаривали.

Ее соседом был молодой журналист Майкл Род из главной газеты этого города, в вольном переводе – «Цинциннатская правда». Его очень интересовал вопрос алкогольных напитков в России. Елена подумала: опять придется рассказывать, что проблема пьянства в России, конечно, существует, но она сильно преувеличена. Она, например, любит только красное сухое вино.

Но, как оказалось, вопрос был «наоборот». Он говорил, что в Америке никто не разбирается в винах, а он как раз любит пить вино и даже пробовал его делать сам. Как ему кажется, получилось весьма неплохо. Друзья не поддержали его приглашение, а когда он предложил родителям продегустировать новый продукт, отец, который никогда не пил, сказал, что стыдится сына-алкоголика. Мама была на стороне отца. Правда, потом, когда отец ушел на работу, мама попробовала его вино, капнув пипеткой в ложку несколько капель, и сказала, что он молодец.

– А вот если бы Вы, например, сделали вино, смогли бы Вы пригласить кого-нибудь его попробовать? – спросил ее Майкл.

– Вот уж какой-какой, а этой проблемы в России не было, нет и не будет! – рассмеялась Лена. – Все бы пришли с превеликим удовольствием и еще с собой принесли бы.

– Какая хорошая страна, – мечтательно произнес Майкл.

«Чем дальше в лес, тем больше дров, – подумала Лена. – Хорошо, что я завтра уезжаю и больше не увижу и не услышу всех этих потрясающих историй из американской жизни».

Увлеченно беседуя, она не заметила, что к ней подошла женщина с той же корзинкой. Дама что-то говорила ей, но музыка играла достаточно громко, и она не понимала, что от нее требуется. Елена решила, что эта женщина, наверное, думает, что в корзинке нет ее визитки.

– Она там есть, я ее туда уже положила, – попробовала она прояснить ситуацию, но женщина ее не поняла.

Другой визитки у нее не было. Что делать, Лена не знала. Вдруг музыка стихла, и она увидела, что все присутствующие смотрят на нее. «Ладно, – подумала она, – сейчас найду свою визитку и покажу ей, быстрее получится». Елена покопалась в корзинке и практически сразу нашла карточку.

– Вот, – она дала визитку женщине.

Та сильно удивилась, но произнесла в микрофон ее имя и фамилию. Все захлопали. Лена просто прослушала, что ей была оказана честь вытащить визитку одного из присутствующих для получения букета. Вместо этого она разыскала свою визитку. И потом мэр вручил ей огромную корзину с цветами со словами: «Эта очаровательная женщина приехала в США, чтобы учиться бизнесу, но я вижу, что есть такие вещи, которым мы можем поучиться у нее». Видимо, он имел в виду ее «везение»...

Она сидела в самолете. Было ощущение, что она пробыла здесь лет пять или десять. И хотя тоски по родным березкам Лена не чувствовала, она была рада, что возвращается. Если бы ее спросили, понравилась ли ей поездка, она не задумываясь ответила бы «да». А вот на вопрос, что именно ей понравилось, как ни странно, трудно было ответить. Причем перед отъездом она абсолютно точно знала ответ на этот вопрос: там всё лучше. Вроде бы так и было, но теперь казалось как-то несущественно.

Все-таки анализ результатов поездки проводить было рано. Иногда кажется, что ничего особенного не произошло, ты вроде бы не увидел ничего интересного и не узнал ничего нового, но спустя время всё вдруг складывается в голове. Вдруг осознаешь, что все те предыдущие события были не зря.

Елена возвращалась домой. Но ощущения были странными. Многие из ее предыдущей жизни позабылось, и все оставленные проблемы казались маленькими и несущественными. Словно расстояние уменьшило значимость когда-то очень печальных для нее событий, а всё хорошее, наоборот, стало ярким и близким.

А может, это такой физический закон: «С увеличением расстояния от проблемы до источника ее возникновения действие проблемы снижается». А может быть, даже математический: «Масса проблемы обратно пропорциональна расстоянию до источника проблемы». Источником проблемы нужно считать собственно человека. Не зря говорят, что человек – хозяин своей судьбы. И это только кажется, что проблемы берутся из ниоткуда, на самом деле их генерирует сам человек, являясь безусловным их владельцем. А нет человека – нет проблемы.

Но люди, наоборот, всегда говорят: не могу пока никуда уехать – проблем много. А нужно наоборот – уехать. Одни проблемы покажутся издалека мелкими, другие рассеются сами собой. Лучше бы даже на государственном уровне обязать каждого гражданина путешествовать. Всем будет хорошо: и у людей проблем останется меньше, и работать по возвращении все будут лучше, создавая валовой национальный продукт.

«По-моему, доказательство весьма убедительное. Неплохо для начала. Какой-то результат от этой поездки есть. Нобелевскую премию вручают, кажется, в Швеции. Нужно будет заодно посмотреть, как там люди живут», – наметила Лена план действий.

Часть 2. В поисках французского шарма. Франция, 2002 год

Прошло шесть лет. Звонков с приглашением получить Нобелевскую премию за научное открытие «Расстояние как основной способ решения проблем» Елене Владимировне не поступало. Может быть, человечество еще не достигло такого уровня развития, чтобы осознать всю важность этого закона. Она задумалась, какое следующее направление выбрать. Найти страну ей помогла игра в ассоциации. Если поэт, то непременно Пушкин, если фрукт, то яблоко, если мечта, то Париж.

Десять из десяти ее клиентов на вопрос «Куда вы мечтаете поехать?» отвечали: «В Париж!» И сама Лена тоже об этом мечтала. Конечно, она могла для науки пожертвовать собой и поехать в любую другую страну. Но лучше начать с самого приятного, а неприятное вообще стараться не делать...

Очень часто достаточно было точно сформулировать желание (иными словами, точно знать, что она хочет получить в результате) и как бы отойти в сторону – жизнь сама начинала искать кратчайшие пути к цели. Кратчайшие не в смысле быстроты, а в смысле возможности исполнения этого желания.

С точки зрения человека, это иногда очень долгий путь, кажется, что дорога идет в противоположную сторону, но по достижении результата понимаешь, что только таким путем ты и мог получить желаемое. Все эти, казалось, ненужные события на самом деле не отвлекали от цели, а были искусно вплетены в общую схему процесса.

Этим методом «исполнения желаний» Елена Владимировна пользовалась очень часто с тех пор, как случайно о нем узнала. Она не могла вспомнить, откуда... Может, кто-то рассказал ей, а может, она прочитала в книге или увидела какую-то программу по телевизору. Иногда ей казалось, что она узнаёт что-то просто потому, что пришло время узнать.

В этот раз все тоже начало складываться само собой. Сын ее московской подруги уже два года жил в Париже и играл в рок-группе. Богатые родители снимали ему там квартиру и были очень счастливы: таким образом они спасли его (и себя) от женитьбы на тридцатилетней провинциальной женщине, живущей в съемной комнате московской коммуналки вдвоем с подругой.

Двадцатилетний Петя, конечно же, был полон решимости встать на ноги и забрать невесту к себе в Париж, но прошел год, потом второй... Его любовь не стала меньше, просто она трансформировалась в вечную любовь, при которой мужчина счастлив уже от понимания, что эта женщина существует. Необязательно при этом, чтобы она была рядом. В планы Антонины стать вечной невестой не входило, и она покорила сердце другого двадцатилетнего оболтуса, родители которого были богаты, но не настолько, чтобы изолировать сына в европейской стране.

В общем, все шло по заранее намеченному сценарию. Рок-группа, как ни странно, раскручивалась, набирала обороты и, победив на каком-то конкурсе, получила контракт на двухмесячное выступление в США. Квартира была свободна – главный вопрос решен. Все остальные проблемы отступили перед важностью момента.

К выбору гардероба Елена подошла очень серьезно. Потому что Париж – это не Америка. Это, можно сказать, центр моды, стиля и вкуса. Она не могла вспомнить, в каком именно фильме она это видела, но образ утонченной французской женщины стоял перед глазами. Может, это были Миледи и госпожа Бонасье из «Трех мушкетеров», естественно, в исполнении Тереховой и Алферовой... Ее познания французского ограничивались двумя фразами:

«шерше ля фам» и «се ля ви». Но ничего, думала Лена, красота не требует перевода. Она сможет все понять и так.

Так же удачно удалось организовать и культурную программу. Созвонившись с Мари, работавшей во французской туристической фирме, и попросив ее организовать встречу в аэропорту, Лена узнала, что ее приезду очень рады, и она будет VIP-гостьей. И еще они хотят в качестве комплимента предложить ей несколько экскурсий в сопровождении их сотрудника, истинного знатока культуры Франции. «Кстати, он неженатый», – уточнила Мари.

Считается, что когда есть где жить и есть билет на самолет, осталось дело за малым. Елене нужна была виза.

В ее агентство звонят десятки раз за день и спрашивают: «А визы вы открываете?» Мол, мне и нужен-то пустячок, только визу открыть. Очень часто клиенты просят мультивизу на год или уж сразу лет на пять – так удобнее. Чтобы каждый раз не мучиться с бумажками, объясняют они, просто времени лишнего нет всякой ерундой заниматься!

Создается впечатление, что все представляют себе такой как бы магазин. Заходишь, платишь деньги, и тебе продают, как буханку хлеба, заветную бумажку, которую ты вклеиваешь в свой паспорт, – и вот она, долгожданная свобода передвижения по Европе, Америке или Англии! Но таких магазинов не существует. Процедура получения визы скорее напоминает устройство на работу. Ты пишешь резюме, прикладываешь рекомендации, а работодатель смотрит и решает, понравился ты ему или нет. Он может позвонить на твое предыдущее место работы и проверить, действительно ли ты там работал. После всего этого принимается окончательное решение.

Особенно часто необходимость в шенгенской визе возникает у тех, у кого есть родственники в какой-либо стране, например, Германии. Почему-то считается, что поездка к этому родственнику здорово экономит деньги. Хотя после возвращения все приходят к одному и тому же выводу: поездка обошлась в три раза дороже, чем если бы они купили автобусный тур по всей Европе.

Но это они понимают только после приезда, а пока им нужна информация: как бы между делом, не напрягаясь, получить эту визу. Конечно, родственники могут прислать приглашение, но они обычно не хотят морочиться по этому поводу, и чаще всего не потому, что не знают, как это делать, а потому, что, высылая приглашение, они берут на себя полную ответственность за своего близкого или знакомого.

А брать им эту ответственность очень не хочется! Да еще и за приглашение нужно заплатить. Даже если это стоит один евро, всё равно жалко. Поэтому родственники чаще всего приводят много причин, по которым высылать приглашение не представляется возможным. Но даже если они посылают приглашение, то это лишь означает, что приглашенный должен лично своим делом заниматься. Зайти на сайт консульства, заполнить и распечатать анкету на языке той страны, куда он собирается ехать. Иногда документы нужно заполнять онлайн. Сделать это нужно правильно, иначе документы не примут. А потом надо собрать несметное количество справок и сделать ксерокопии многочисленных документов.

Консульства разных стран требуют неодинаковые документы. Если нет приглашения, то бронь отеля обязательна на весь срок пребывания, а иногда надо подтвердить, что номер отеля не только забронирован, но и полностью оплачен. Нужна также медицинская страховка, справка о зарплате с места работы, справка из банка об остатке денежных средств на счете. Могут запросить свидетельства о праве собственности на землю, недвижимость и автомобиль. Все эти документы нужны консульству для того, чтобы убедиться, что вы после окончания поездки вернетесь домой, а не останетесь нелегально собирать апельсины, мыть посуду или, что еще более страшно, займетесь воровством, проституцией, наркоторговлей.

Задача доказать намерение вернуться лежит на человеке, который запрашивает визу. То есть изначально на каждом лежит презумпция виновности: консульство считает, что все люди, которые хотят посетить ту или иную страну, намереваются покинуть Россию навсегда. Только те из них, кто предоставил хорошие, по их мнению, документы, переводятся из категории злонамеренных в категорию невиновных и награждаются визой. Да, консульство именно *grant the visa* – награждает визой.

Так, жить она будет в квартире Лелиного сына, теперь нужно купить билет и останется только визу открыть. Начинать нужно было с разрешения на въезд. Елена готова вылететь хоть сегодня, но открытие визы требовало времени. Причем все зависело и от загруженности консульства. Летом и на время новогодних праздников оно требовало сдавать документы раньше обычного. Туристическая виза открывается только под бронь отеля на конкретные даты. Леля, конечно же, не могла предоставить ей нужных документов. Оставался один путь – обратиться в фирму, которая их открывает.

Елена знала, что работа таких фирм, по правде говоря, нелегальна: они бронируют отель, потом от него отказываются и берут деньги за эти «левые» приглашения. К тому же кто знает, какая репутация у таких фирм и насколько им можно доверять? Надо сказать, на эти услуги был большой спрос, но в своем агентстве она никогда их не оказывала: Лена не делала того, в чем не была стопроцентно уверена. И никогда не ставила эксперименты на клиентах – таким способом заработанные деньги ее никогда не интересовали.

Тут, однако, предстояло поэкспериментировать на себе – другого пути не было, проверенных контактов тоже. Страшно не было. «Если не получится, – думала она, – я же свои деньги потеряю».

Елена обзвонила с десятков фирм: стоимость везде была приблизительно одинаковая – 200—250 €. Но все говорили, что на ближайшие даты уже нет записи и нужно ехать в визовый центр и самостоятельно сдавать документы. Это ее никак не устраивало, потому что траты на билеты на поезд из Тарасова в Москву и обратно, да еще день жизни в столице, составили бы минимум 200 \$. Она упорно обзванивала фирмы, и в одной компании ей сказали, что они могут открыть визу без ее присутствия. «Вот здорово!» – подумала Лена. Ее даже не удивило, почему все твердили, что это невозможно, и только в одной фирме ей согласились помочь.

Вот если бы она выступала в роли директора турфирмы, она наверняка насторожилась бы: на все, что касается бизнеса, у нее была отлично развита интуиция, много раз спасавшая от проблем. Но в данный момент Елена Владимировна выступала в категории «турист обыкновенный» и расценила нахождение этой фирмы как редкое везение.

Она купила дешевый билет в Париж на следующий понедельник и после оплаты решила прочитать условия аннуляции. И поняла, что билет куплен по несдаваемому тарифу, то есть штраф составил бы его полную стоимость. Значит, уже ничего изменить нельзя. Лена собрала документы по списку и отправила поездом в Москву с проводником.

С документами клиентов она никогда так не поступала, но на себе решила сэкономить. Всю ночь ей снилось, что документы выпали из поезда и лежат между рельсами, а она идет пешком в Москву и ищет их. Проснувшись Елена в холодном поту: «Как это люди отправляют документы с проводниками и спят спокойно?»

Позвонила Леля и успокоила ее, сказав, что получила документы. Надо было теперь отнести их в фирму, находящуюся недалеко от Павелецкого вокзала. Эта компания, по мнению подруги, абсолютно не внушает ей доверия: располагается в подвале, вывески нет никакой. Кроме того, они не дают расписок, что приняли документы, и не называют точных сроков выхода виз из консульства.

– Разве у меня есть выбор? – спросила Лена. – Другие фирмы вообще отказали. Оставляй документы, риск – дело благородное.

– Да, риск, конечно, дело благородное, но в данном случае это не риск, а очевидная глупость, – не унималась подруга.

– Оставляй, – скомандовала Лена, – у меня билеты невозвратные. Поздно другие варианты искать.

– Как скажешь, – покорно ответила Леля, – но под твою ответственность.

Через три дня позвонили из этой самой фирмы. Извинившись, они сказали, что сначала думали, что у них получится открыть визу без ее присутствия, но не получилось. Поэтому они предлагают срочно прилететь в Москву, успеть самой сдать документы по их приглашению и получить визу к дате купленных в Париж билетов.

– Как вы это себе представляете?! Я на работе. Билетов на самолет в Москву сегодня точно нет, да и стоят они 400 \$ туда и обратно. Хорошая стоимость визы получится!

– Это Ваше дело, – невозмутимо ответила девушка-менеджер.

В Москве всегда так. Никто там перед клиентами особо не кланяется. Время на обслуживание составляет 10 минут, и если клиент ни на чем не остановился, то менеджер займется следующим по очереди. Никто не будет работать бесплатно. Сегодня Елена ощутила это на себе. «Зачем я с ними только связалась?» – подумала она, но винить было некого, кроме себя...

На следующий день утром она прилетела в Москву и перед входом во французский визовый центр встретила с курьером, передавшим ей так называемую «легенду», по которой она будет запрашивать визу. Лена зашла внутрь и заняла очередь. Ждала она всего часа четыре... Ее документы приняли, и она поинтересовалась, когда виза будет готова.

– Обычно через три дня, но сейчас очень много документов, и виза бывает готова на пятый день. Иногда это может занять до двадцати дней.

– Как это – до двадцати дней?! У меня билет уже куплен. А нельзя ли узнать точнее? – испуганно спросила она у менеджера, принимающего документы. Лена посмотрела на календарь. С учетом того времени, на которое фирма затянула с ее документами, она должна была вылетать как раз на пятый день после обеда. «Ну и хорошо, – оптимистично подумала она. – С утра получу паспорт и поеду в аэропорт».

– Все вопросы Вы можете задать, позвонив в консульство. Мы, визовый центр, только принимаем документы и берем оплату. Срок изготовления виз нам не известен. Но Вы не успеете на самолет в любом случае, потому что в понедельник консульство не работает: во Франции государственный праздник – Троица, – и менеджер показал на листок, прикрепленный к стеклу, – календарь выходных и праздничных дат.

– Так что Вам придется сдать билет или поменять его на другую дату, – закончил он. – Следующий!

Елена отошла от окошка ошарашенная. Как же так? Стоимость билета – 18 000 рублей – она уже точно потеряет, но на следующие даты может не быть билетов вообще! По крайней мере, дешевых точно не будет. Да еще эта поездка в Москву – дополнительный расход. А если визу вообще не дадут? Она забыла об этом спросить у менеджера.

– Извините, пожалуйста, позвольте задать менеджеру только один вопрос, – обратилась она к мужчине, который стоял за ней.

– Слушаю Вас, – менеджер был очень любезен.

– А по какому телефону я смогу Вам позвонить и узнать, дали мне визу или нет? Я не в Москве живу, а в Тарасове, может, мне и ехать не нужно будет, если в визе откажут.

– К сожалению, эту информацию Вы ни у кого узнать не сможете, – серьезным заученным голосом произнес он, наверное, уже сотый раз за день. – Документы из консульства к нам приходят в заклеенных конвертах, и мы не имеем права их вскрывать. Это конфиденциальная информация.

– Что же Вы мне предлагаете – приехать из Тарасова сюда прямо с чемоданом перед вылетом самолета, вскрыть конверт, увидеть, что мне отказано в визе, и вернуться в Тарасов?

– Ну если Вам откажут в визе, то да. А если Вы вскрыете пакет и увидите, что вам визу дали, то поедете в аэропорт и полетите в Париж, – менеджер опустил голову, давая понять, что разговор окончен.

Елена вернулась в Тарасов, позвонила в фирму, через которую брала билет, и выяснила, что перенести его на другую дату можно со штрафом всего в половину стоимости. Но так как дешевых билетов на желаемую дату нет, то ей придется доплатить 15 000 рублей за получение такого же билета на два дня позже первоначального.

На пятый день она прямо с поезда с чемоданом приехала в визовый центр и получила выделенный пакет. Вынула из него паспорт – о боже, как ей повезло! – там стояла виза. Времени до вылета самолета оставалось очень мало, так что, сильно нервничая, Лена поехала в аэропорт на такси.

В итоге с учетом всех накладных расходов и штрафов, билетов на поезда и такси виза обошлась ей в 900 €. Ничего этого не представляют себе клиенты, которые звонят в ее агентство и говорят: «Да у меня уже всё есть: и отель, и билет. Мне бы только визу открыть»...

С детства она знала, как должны выглядеть французские мужчины – настоящие мушкетеры. И уже представив, как ее в аэропорту будет ждать Михаил Боярский, она была рада, что придумала эту поездку. Вот повезло так повезло.

Чувство счастья появилось уже в аэропорту Шереметьево, когда была объявлена посадка на рейс Москва – Париж. Лена сразу ощутила себя важной особой, и так хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых ее сейчас увидел и спросил: «А куда ты едешь?», а она бы ответила так, как если бы ничего особенного не происходило: «Да так, в Париж надо слетать по делу».

Желающих задать ей этот вопрос не было, и Елена решила сделать что-то такое, что соответствовало бы моменту. Она заказала свежесжатый грейпфрутовый сок (апельсиновый был бы банальным в данном случае) и взяла бесплатную газету на английском языке, чтобы со стороны казалось, что она ее читает. Довольная собой, в предвкушении Парижа она поймала себя на мысли, что это и есть счастье.

И вот она уже выходит из аэропорта и начинает, озираясь по сторонам, искать знакомое лицо Михаила Боярского. Тут кто-то сзади тронул ее за плечо.

– Бонжур, мадам, – услышала она.

Оглянувшись, она увидела невысокого, невзрачного седого человечка в мятом рыжем пиджаке, надетом на белую футболку. Больше, правда, подходило слово «пиджачишко». Черная сумка «Пума» через плечо с ободренным белым кантом и башмаки из синего кожзаменителя удивительным образом дополняли его наряд, делая образ гармонично законченным. Если бы известный художник решил нарисовать картину под названием «французишка какой-то», то лучшей модели ему было не найти.

– Филиппе, – представился он.

«Ну хоть имя французское, и то ладно», – Лене так не хотелось потерять ощущение счастья, что она решила не обращать внимания на такие мелочи. «У них другая культура, – подумала она и про себя рассмеялась: – Основа французской культуры – выглядеть как бомж. Хорошее начало!»

Во время поездки в такси Филиппе сказал ей, что он свободен после обеда, и предложил прогуляться. «Я покажу тебе свой Париж», – с пафосом произнес он. Отказываться было неудобно, и Елена согласилась. Договорились, что он заедет за ней около двух часов дня.

Она вышла из такси и, поблагодарив Филиппе, направилась к дому, в котором располагалась ее квартира.

Дом был обычной пятиэтажкой с кодовым замком на входе и очень напоминал старый дом в спальном районе столицы. В подъезде пахло чем-то резким. Она каким-то шестым чув-

ством сразу поняла, что это запах дуста, которым морят тараканов. Запах будил воспоминания детства, когда еще ее бабушка жила в комнате на общей кухне. Сколько лет прошло с тех пор! Последнего таракана она видела, когда ей было лет пятнадцать. Не может быть, чтобы в Париже были тараканы! Может, это запах краски или еще чего-нибудь?

Квартира оказалась такой крохотной, что выглядела «бедной родственницей» по сравнению с российской госпожой хрущевкой. «Видимо, это малосемейка какая-нибудь», – подумала она.

Одна комнатка метров двенадцати была и спальней, и гостиной, и столовой. Посредине стояла двуспальная кровать. Впереди над узкой полкой висел телевизор, сбоку были три двери. За первой скрывался маленький шкаф, за второй – унитаз, угловая раковина и душ за шторкой. За третьей дверью – комната размером со шкаф. Это была кухня-кабинет, потому что в ней уместился небольшой холодильник, на котором стояла печь СВЧ, а рядом приткнулся столик с ноутбуком, закрывавшим дырку от отсутствующей двухконфорочной электрической панели. «Оригинально, – подумала Лена, – естественная вентиляция».

Одну стену целиком занимало окно. Она открыла шторы. Вид был потрясающий – на глухую стену рядом стоящего дома с облупленной штукатуркой. «Да, подруга не очень щедра с сыном: в московском коттедже в распоряжении Пети был целый этаж с видом на березовую рощу и частный пруд, в котором его дедушка разводил рыбу. Ну и правильно, пусть сам как-то стремится на роскошь зарабатывать».

В этот момент позвонила Леля:

– Ну как тебе Петькино жилище?

– Классно, уютненько так, – ответила Лена, боясь показаться неблагодарной.

– Да, – согласилась подруга, – ты не представляешь, чего нам стоило найти что-нибудь приличное в этой дыре.

Под дырой, видимо, подразумевался Париж. Она было подумала, что ее подруга говорит о другой квартире, но адрес, код и ключ говорили о том, что она находится именно в ней.

– Нам так повезло, – продолжала подруга, – остальные варианты были такие клоповники!

– В каком смысле клоповники?

– В прямом, дорогая, – рассмеялась подруга. – Но не бойся, в Петькиной квартире клопов нет. Так что живи и радуйся. Кстати, как там твой француз – на Боярского похож? Ну пока, целую!

Было уже полтретьего. Елена стояла на улице – белая женщина в белом платье в белых балетках с белой сумкой. Почему ей пришла в голову эта мысль? Да потому, что по улице мимо нее шли одни негры. Ой, нет, черные. Нет, как там нужно говорить? Афроамериканцы. С другой стороны, а при чем тут Америка вообще? Наверное, чтобы не обидеть, их надо называть афрофранцузами. Делать было нечего, оставалось только размышлять.

«Почему, если мне скажут: „Вон белая идет“, я не испытаю моральных страданий, а они черные – и сразу куча проблем. Дискриминация какая-то. Нет, эту тему лучше не развивать. Район всё равно ужасный; сильно подруга сэкономила на ребенке: крохотная квартирка в центре черного квартала, вид на стену... А мне здесь жить теперь. Ну где же он? Какая у него машина? С какой стороны он подъедет?»

Вдруг Елена услышала сильный гул, и на тротуар, чуть не сбив ее с ног, вкатился мотоцикл. Это был Филиппе. Такого она точно не ожидала. Мотоцикл был старый и покоцанный, но зато Филиппе переоделся в молодежную одежду: белые обтягивающие джинсы, белая футболка с ярким принтом, на ногах – черные остроносые ботинки.

«Ну уж нет, только не мотоцикл!» – решила она. Поняв, что на мотоцикле она ехать не собирается, Филиппе несколько нахмурился и сказал, что люди, у которых машины, – глу-

пые, потому что не берегут окружающую природу, отравляя ее парами бензина. Это предполагало, видимо, что его мотоцикл движется Святым Духом.

Думая, что платить за такси ему будет дорого, Елена предложила поехать на метро. Эта идея ему не понравилась. В принципе она могла его понять. Ее подруга, например, никогда не пользовалась метро, объясняя это тем, что задыхается там. Поэтому муж, чтобы спасти ее от смерти, купил ей маленькую машинку – «Мини Купер». Может быть, Филиппе тоже просто не любит ездить в метро.

Он поинтересовался, куда она хочет поехать. Эти слова Лена знала, как ей казалось, всегда: Лувр, Елисейские Поля, Латинский квартал, Монмартр, Нотр-Дам де Пари. Но Лувр и Елисейские Поля она посетит самостоятельно. В Латинском квартале, судя по названию, мексиканцы одни, поэтому она не хотела туда идти – было достаточно впечатлений от афрофранцузского квартала.

– Нотр-Дам де Пари... – мечтательно произнесла она. Филиппе на минуту задумался, а потом предложил:

– А давай прогуляемся здесь? Здесь тоже много интересного.

«Почему бы и нет? – решила она. – Нельзя жить штампами. Где, как не в Париже, можно себе позволить быть открытой для всего нового и неизведанного».

Они шли уже минут двадцать по улице, временами переходя через перекрестки. Филиппе говорил, не замолкая, про свое детство. У него были младший брат и младшая сестра. Его мама гуляла с ними в Люксембургском саду...

Улицы были похожи одна на другую. Такие же могли быть в ее родном Тарасове, Рязани или, скажем, Астрахани. На Париж это совсем не похоже. Но Елене было неудобно спросить, когда, собственно говоря, начнется Париж. Устав, она предложила зайти в кафе и выпить кофе. Филиппе согласился, но сказал, что у него только кредитная карточка, а в кафе можно заплатить сумму меньше десяти евро только наличными. Чашка кофе стоила пять евро, пирожное – семь-восемь евро. Так что на двоих выходило больше двадцати евро. Она была уже во многих странах и никогда не слышала об ограничениях по сумме оплаты по карточке. Но Филиппе сказал, что это не проблема – он сейчас снимет наличные в банкомате, и они пойдут в кафе.

Деньги у нее были, но ей и в голову не пришло бы предложить заплатить за него и за себя, да даже за одну себя. Человек вызвался показать город, его этим можно обидеть. Из-за каких-то двадцати евро можно расстроить человека! «Потерплю, ничего страшного», – уговаривала она сама себя.

Они плутали уже час, но банкоматов не было. Вдруг Елена увидела в переулке вывеску банка и показала Филиппе.

– Но сегодня воскресенье, банки не работают, – ответил он и с явным нежеланием пойти и посмотреть продолжил: – Там нет банкомата.

Банкомат там был. Филиппе достал карточку, а она, чтобы он не подумал, что она может увидеть код, отвернулась в сторону. Напротив оказалась зеркальная витрина, и ей было очень хорошо видно, как Филиппе сразу спрятал карту в карман брюк и стал нажимать на разные кнопки, делая вид, что случилось что-то непредвиденное.

– Как же так! – воскликнул он. – Банкомат не вернул карточку и не выдал деньги!

Если бы Лена не видела собственными глазами, что он ее туда не вставлял, она бы поверила – настолько искренне он убивался по утраченной карте.

– Завтра утром ты сможешь получить ее назад, – успокоила она его. На что он ответил: завтра он только напишет им письмо, в среду-четверг получит ответ, так что возврат карты затянется неизвестно насколько. Понятно, на чашку кофе можно не рассчитывать даже на следующей неделе, усмехнулась Лена. Спрашивать об остальных картах она не стала (ведь обычно

каждый человек имеет минимум две-три карты), потому что не сомневалась, что его ответ будет таким же «веселым и находчивым».

Слушая вполуха рассказы о его детстве и юности, она вдруг узнала дом, к которому они подошли, – это был ее дом. Значит, все два часа они ходили в этом двадцатом округе и теперь просто вернулись назад. Увидев растерянность на лице Елены, Филиппе, решив ее приободрить, спросил, пробовала ли она когда-нибудь настоящий французский круассан. Он завел ее в ближайшую булочную и, сказав что-то по-французски продавщице, заплатил один евро за два круассана.

Торжественно, словно государственную награду, он вручил один Лене. Его, видимо, стоило бы засушить и привезти в Россию как память о Париже, если бы не так сильно хотелось есть. Откусив кусочек и стараясь его прожевать, она ничуть не удивилась, что он был клеклым и холодным. Елена вспомнила французское кафе на станции метро Маяковская, где они обычно встречались с подругой, аромат кофе и свежей выпечки, их разговоры о том, как было бы классно увидеть Париж... Они были готовы умереть от одной мысли об этом.

У каждого человека свой Париж. Кто-то считает, что это прежде всего Эйфелева башня, потом – Лувр, Елисейские Поля, Нотр-Дам де Пари, Монмартр и всё остальное. Другие называют последовательность с точностью до наоборот. Одним нужны экскурсии с утра до вечера, и чем больше информации, тем лучше, другим достаточно просто ходить по магазинам, а экскурсию можно взять одну для порядка.

У Лены был свой метод путешествий. Она считала, что в каждой стране и каждом городе есть своя атмосфера, свой дух. Чтобы почувствовать его, недостаточно посещать только достопримечательности. Нужно увидеть всё: и памятники, и кафе, и рестораны, и магазины. Тогда впечатление от поездки будет максимальным.

Групповые туры она не любила. Ее метод был прост: она покупала путеводитель, намечала основные достопримечательности, которые необходимо увидеть каждому человеку «прежде, чем умереть», выбирала уютное кафе с видом на это место. И, в зависимости от времени и настроения, за чашкой кофе, чая или с фужером вина читала описание. Потом оставалось только зайти внутрь или обойти вокруг. Свежевыпеченное вкусное впечатление уже можно было положить на полку прекрасных воспоминаний и подпитываться им всю жизнь.

Конечно, усвоенная информация будет, что называется, «лайт», потому что все даты, имена королей и причины войн абсолютно не запомнятся. Но ощущение красоты и важности момента останется, а это было для нее важнее точных знаний. Тем более она сомневалась, что такие люди, которые прослушают гида и запомнят информацию на всю жизнь, вообще существуют.

Начать Елена решила, может быть, и с неглавной достопримечательности, но для нее именно это место почему-то много значило – это была Бастилия. Она уже не помнит, когда это началось, но День взятия Бастилии был для нее праздником. Может, потому, что он празднуется четырнадцатого июля и погода в ее городе в это время всегда хорошая. Так же гарантированно хорошая, как первого февраля гарантированно ужасная. Именно поэтому четырнадцатого июля праздновался день ее фирмы.

День начала Великой французской революции никогда не был для нее связан с политикой, он был символом победы старого над новым, движения к свободе и счастью. Французский народ вышел на улицы, штурмом взял тюрьму Бастилию, освободил узников под веселую «Марсельезу». А Делакруа увековечил всё это в известной картине «Свобода на баррикадах». И погода была отличная, и жизнь во Франции поэтому такая замечательная сейчас.

А вот, например, День Великой Октябрьской социалистической революции (седьмое ноября) привел абсолютно не туда, потому что в ноябре всегда промозглая погода.

Именно сейчас Елене предстояло насладиться историческим местом. Она выбрала очаровательную кондитерскую на площади Бастилии и, заказав капучино и круассан, начала читать. Круассан таял во рту, та же судьба постигла еще несколько потрясающих вкусовностей. Так и должно было быть: вчерашний круассан, видимо, был просто секунд-хенд.

Многие вещи она знала в общих чертах и не любила вдаваться в подробности. Ее ничуть не расстроило, что Бастилию разобрали сразу же после штурма, и всё, что она может увидеть, это, собственно говоря, пустое место, а именно – эта площадь. Но остальная информация ее шокировала.

Оказывается, крепость Бастилия, построенная в 1382 году, изначально выполняла оборонительные функции на подступах к столице. Потом ее назначение изменилось – она стала тюрьмой для политических заключенных. Когда в городе появились слухи, что король решил распустить Учредительное собрание, жители Парижа направились к Бастилии. Никто не планировал символического события, которое будет отмечаться как национальный праздник. Толпа восставших просто хотела завладеть оружием и запасами пороха, хранившимися в тюрьме.

В день взятия Бастилии, 14 июля 1789 года, в крепости находились всего семь узников: четверо фальшивомонетчиков, двое психически больных и один убийца. Гарнизон Бастилии состоял из 82 ветеранов-инвалидов и 32 швейцарцев, в распоряжении которых было тринадцать пушек. Штурм Бастилии не было: почти единогласно военным советом было постановлено сдать.

Хотя ничего страшного не произошло, Лена чувствовала себя обманутой. Крушение идеалов и надежд... Но потом она вспомнила, как весело проходили корпоративные вечеринки в ее фирме, и решила, что ничто ей не мешает продолжать праздновать день фирмы в этот день и дальше. Главное – она считала этот день праздничным! Она не виновата, что история революций, независимо от страны, при ближайшем рассмотрении вовсе не так грандиозна, как ее представляют.

Обед предполагался в каком-нибудь ресторанчике с видом на Эйфелеву башню. Такой было очень легко найти, так как она была видна отовсюду. До башни предстояло добраться на метро.

Елена даже не сразу поняла, что это-то и есть вход в метро: очень было похоже на обычный подземный переход. Она вошла в этот узкий ведущий вниз ход-лабиринт и подумала: «Никакой московской красоты и московского размаха, все как-то сильно скукожено». Вагоны метро тоже были маленькими и какими-то закругленными. Со стороны казалось, что в них высокие люди могут не уместиться.

Как потом выяснилось, никакого московского удобства и в помине нет.

Села Лена в кресло, оказавшееся жестким и неудобным, напротив толстой афропарижанки. Прямо коленки в коленки.

Она много раз читала про парижское метро, что в нем на станциях нет указателей с перечислением всех остановок этой линии, как в Москве, а написано только название конечной станции. Парижане сами не знают, какая ветка у них под каким номером, им надо так же ежеминутно сверяться со схемой, как и приедем. Очень путаное метро: чтобы проехать каких-нибудь два сантиметра, нужно «пуд соли съесть» – по ступенькам вверх-вниз, вверх-вниз, потом по каким-то узким лабиринтам, по эскалатору, опять ступеньки. Просто катакомбы какие-то!

Еще принципиальное различие с московским метро и связанные с этим неудобства заключаются вот в чем: у нас нужно спуститься по эскалатору, посередине будет вестибюль, а по краям – поезда в одну и в другую стороны. А в Париже всё наоборот: посередине – рельсы для поездов, а по краям – платформы. Получается, если случайно проехать свою станцию или

просто захотеть перейти на другую сторону, придется опять ходить по бесконечным лестницам и лабиринтам, хотя, казалось бы, вот она, соседняя платформа, рядом.

В общем, было очень неудобно, и Елена решила без особой надобности метро не пользоваться. Лучше ходить пешком; это и для здоровья полезно.

В Париже сильно похолодало, и ей пришлось вернуться домой, чтобы надеть всю привезенную одежду. Лена даже не могла представить, что в мае может быть настолько холодно. Так как теплой одежды она не взяла вообще, то на красную водолазку без рукавов пришлось надеть синий болоньевый длинный пиджак с рукавом в три четверти, а сверху – белую короткую джинсовую куртку с длинными рукавами.

Эту последовательность она выбрала вовсе не потому, что это было лучшее сочетание цвета и стиля, а потому, что эти вещи могли надеться одна на другую и застегнуться при этом. Получившийся триколорный ансамбль «из-под пятницы суббота» ее не смутил: «Меня здесь всё равно никто не знает. Но нужно будет купить приличную теплую одежду».

Ресторанчик «случился», конечно же, французский. Нужно было полностью погрузиться в культуру. Так сказать, задействовать все органы чувств. Из «Википедии» Елена уже знала, что «французская кухня условно делится на региональную народную и изысканную аристократическую». Она решила начать с народной, и уже потом, после оплаты первого ресторанного счета, станет понятно, сможет ли она завтра попробовать изысканную аристократическую кухню или всё оставшееся время будет клиентом только дешевых забегаловок.

Она заказала страсбургский паштет из гусиной печени, луковый суп, мясной антрекот с салатом из свежих овощей и сыр на десерт. «Да, и еще: принесите мне фужер красного сухого вина бордо», – закончила Елена диктовать заказ официанту.

Ожидая, она начала изучать, что интересного предстоит узнать об Эйфелевой башне. В это время раздался телефонный звонок – это был Филиппе. Он сообщил, что уже освободился и хочет ее кое о чем попросить. Портить еще один день в компании этого «эстета» Лене совсем не хотелось, но отказать в просьбе она не могла. Она ответила, что собралась обедать в ресторанчике недалеко от его офиса, и пригласила к ней присоединиться. В ту же секунду Филиппе стал очень занят и сказал, что постарается освободиться через час, как раз тогда, когда она закончит обед. Они договорились встретиться у метро.

Елена вздохнула свободно. И хотя она была рада, что Филиппе отказался от ее приглашения, все-таки не верилось, что всё дело в банальной жадности. Нет, нельзя делать скоропалительные выводы, причина должна быть в другом, и она ее обязательно узнает.

С Эйфелевой башней было тоже не все в порядке – обнаружили ранее неизвестные исторические факты. К Всемирной выставке, посвященной столетию Великой французской революции, был объявлен конкурс на постройку в Париже сооружения, которое должно стать «эмблемой технических достижений XIX века». Победил проект известного французского инженера Александра Гюстава Эйфеля, и хотя в башне сочетались необычность, размах и технологичность, его конструкция сильно отличалась от всего, что было построено в Париже на тот момент.

Творческая интеллигенция в возмущенном письме в муниципалитет потребовала не финансировать «чудовищную постройку». Дословно письмо гласило: «...пора отдать себе отчет в том, к чему мы стремимся, и представить себе чудовищно смешную башню, возвышающуюся над Парижем в виде гигантской черной заводской трубы, которая своим массивом будет угнетать другие здания. Этот безобразный столб из клепаного железа бросит отвратительную тень на город, проникнутый духом столетий...»

Ги Де Мопассан ужасно не любил Эйфелеву башню и поэтому обедал исключительно в ресторане, находящемся внутри нее. Он мотивировал такое поведение тем, что это единственный ресторан, из окна которого не видно ненавистной башни...

Обед был хорош. Особенно Елену удивил луковый суп. Такого изысканного вкуса от такого ингредиента, как лук, она абсолютно не ожидала. У французов существует легенда, что луковый суп был впервые приготовлен королем Франции Людовиком XV. Однажды поздно ночью король захотел есть и не обнаружил в своем охотничьем домике ничего, кроме лука, небольшого количества масла и шампанского. Он смешал найденные продукты и сготовил их – так получился первый французский луковый суп.

А может, особый вкус блюдам придает вид из ресторана? Вид на башню действительно был прекрасен.

Лена установила лимит на расходы – пятьдесят евро в день. Счет за обед был на тридцать один евро. Учитывая траты на кофе и круассаны в кафе (одиннадцать евро) и две поездки на метро (три евро), на ужин у нее оставалось всего пять евро. «Интересно, где же я найду ужин за эти деньги?» – подумала она.

Подниматься на лифте на верх Эйфелевой башни она не хотела, потому что боялась высоты. Филиппе еще не освободился, и Лена решила пока сходить в какой-нибудь магазин и купить теплый свитер. Обойдя несколько магазинов одежды, она с ужасом поняла, что везде продается уже летняя коллекция и найти свитер не представляется возможным.

Она не спеша подошла к станции метро «Тюильри» и еще издали заметила Филиппе. Сегодня его одежда не вызвала у нее особого удивления. Он был одет в обычный старомодный костюм, наверное, любимый. Точно такой был у ее папы, он носил его уже лет двадцать, и убедить его купить новый было невозможно. Костюм был любимый, а любовь нельзя предать.

Филиппе, словно боясь, что она его снова пригласит куда-нибудь, сразу приступил к делу. Он достал из пакета серый шерстяной свитер и развернул его: во всю грудь был вывязан ярко-желтый круг с глазами и улыбкой. Свитер был как будто даже новым, но со стороны сердца зияла дыра размером с пятикопеечную монету. Причем дыра была насквозь, словно кто-то хотел убить Филиппе и убил. Пуля прошла навывлет, но хозяин свитера чудом остался жить.

Оказалось, что свитер подарила ему сестра, и он лежал сложенный в шкафу, ожидая подходящего мероприятия. Лежал он, видимо, долго, и его насквозь проела моль. Тут Филиппе озвучил свою просьбу: не сможет ли Елена придумать что-нибудь, чтобы дырок не было видно? Ему приходила идея пришить заплатки, но, как ему кажется, они не подойдут по дизайну.

Сказать, что она удивилась такой просьбе, – это ничего не сказать. Стараясь быть вежливой, Лена попыталась дать Филиппе несколько советов, которые оригинальностью не отличались: выкинуть свитер в мусорный бак или сделать из него стильную тряпку для мытья пола. Еще была идея приколоть на грудь значок. Однако в таком случае пришлось бы приколоть второй значок – на спине, а это выглядело бы слишком авангардно даже для Филиппе. По ее взгляду он понял, что реанимировать свитер невозможно. Извиняясь, что не смогла ничем помочь, она решила сменить тему.

Холодно так стало, а она не привезла из дома теплой одежды, в магазинах – только летние вещи, пожаловалась Лена. Филиппе посмотрел на нее, посмотрел на свитер и сказал, что хотя он очень дорогой, потому что качественный, и дорог ему как подарок сестры, но он очень хочет помочь. Поэтому дарит ей свой любимый свитер, который надел только один раз до того, как моль проела в нем дыру. Елена настолько замерзла, что решила не отказываться. «Спасибо огромное, – поблагодарила она Филиппе за щедрый подарок. – Мерси».

Напротив метро начинался парк Тюильри. Налево пойдешь – в Лувр придешь. Направо пойдешь – Елисейские Поля найдешь. Она вошла в парк и пошла прямо. В саду было несколько

прудов, вокруг которых все было словно в сиреновой дымке. Подойдя ближе, Лена увидела цветущие ирисы. Они смотрелись так красиво, что она поняла состояние Моне, когда тот рисовал свои полотна. Казалось, фиолетовым был даже воздух.

Ирисы она любила, в ее коллекции на даче было около двадцати разных редких видов. Ей стало очень интересно, какие ирисы цветут в самом центре Парижа, в самом известном парке около Лувра. Она спустилась к воде. Это был ирис бородатый – самый банальный и распространённый сорт. В России такие росли вдоль заборов у всех соседей на дачных участках. Но почему же здесь они кажутся какими-то волшебными, а дома это просто обычные цветы вдоль дороги? Ирисы были точно такие же, а впечатления – разные. «Есть какая-то проблема, и она во мне», – пришла Лена к неожиданному выводу.

Через парк Тюильри она прошла до Египетской колонны, далее начинались Елисейские Поля. Пришедшую в голову мысль было невозможно просто так подавить: Елисейские Поля показались ей обычной широкой центральной улицей с такими же магазинами и бутиками, как в Москве.

Правда, почему так? Встречаешь, например, подругу на улице, и она тебя спрашивает: «Ты где была?» А ты отвечаешь: «Да вот, из Москвы вернулась. Знаешь, прошла по Тверской – такое наслаждение, потом – по Александровскому саду до Пушкинского музея, посто-яла у моих любимых „Ирисов“ Моне. Они, кстати, в Москве, а не в Париже. Потом решила кофе попить в кафе с видом на Москву-реку и кофточку в ГУМе купила».

В лучшем случае подруга пропустит всё мимо ушей, а в худшем – скажет, что в Москве вообще делать нечего. Но если сказать: «Да вот, из Парижа вернулась. Так, знаешь, по Елисейским Полям прогулялась, зашла в Лувр, на Монмартре выпила чашку кофе и купила кофточку в „Галерее Лафайет“», – лицо подруги изменится до неузнаваемости. Что она при этом скажет, конечно, зависит от степени дружбы, но в ее взгляде наверняка будет присутствовать выражение: «Везет же некоторым».

Как обычно, шопинг затянулся. Ограничения дневного бюджета по оплате питания абсолютно не противоречили денежной безлимитке на покупки. Сумма, конечно, была строго фиксированная, но ее можно потратить хоть в один день, если что-то очень понравится. Магазины были такие же, как в Москве: «Манго», «Зара», «Промод», «Адидас»... С теми же коллекциями, по тем же ценам. Елена купила дочке сарафан, который хотела приобрести в таком же магазине в Тарасове, с той разницей, что в ее городе нужный размер закончился, а здесь был в наличии. Зато дочь будет говорить подружкам: «Мама из Парижа привезла». Плохо это или хорошо? Абсолютно неважно. Потому что бороться с этим невозможно и нужно просто принять как есть. Такая уж ментальность у русского человека: китайский сарафан из Парижа обр-адуется в сто раз больше, чем тот же сарафан, купленный в магазине напротив дома.

Позвонила подруга Леля. Услышав про шопинг, она сразу же дала ценный совет: «Я тоже раньше носилась туда-сюда, а теперь сразу иду в „Галерею Лафайет“. В дни распродаж цены всегда очень низкие. К примеру, туфли „Шанель“ – 315 евро, босоножки „Гуччи“ – 150, сапоги „Гуччи“ – 575, туфли „Кензо“ мужские – вообще 85! Даже не трать зря время на хождение по другим магазинам», – назидательным голосом закончила она.

Молчание со стороны Лены подругу никогда не расстраивало, главное было – дать понять, что она всё усвоила и тут же побежит туда, куда нужно.

– Спасибо тебе, дорогая, – только и успела произнести она.

– Да ладно, пользуйся, пока я жива, – ответила подруга и положила трубку.

Пора было возвращаться домой. Елена очень устала. И хотя ее квартира располагалась не очень далеко от Елисейских Полей, нужно было сделать на метро две пересадки. Поехать на такси ей не приходило в голову, потому что Париж – очень дорогой город, и она направи-

лась к метро. У станции находился маленький ларек, в котором жарили большие блины с разнообразной начинкой. «Это будет мой сегодняшний ужин», – решила Лена. «Шесть евро», – сказала продавщица, протянув ей блин, наполовину завернутый в салфетку, и бумажный стаканчик с чаем.

Рядом был скверик с лавочками, но все они были заняты. На лавках и прямо на газоне сидело много народу, в основном французы, которые с удовольствием поглощали блины. В своей обычной жизни Лена этого не делала, но здесь села прямо на бордюр, поставила стаканчик с чаем на путеводитель по Парижу и начала есть. Это же Париж, а не Тарасов, здесь это нормально. Несмотря на нестыковки представлений и реальности, день прошел отлично, с дефицитом бюджета всего в один евро.

Наступил понедельник. Все музеи мира в этот день не работают, и только в Лувре выходной – вторник. Она рассчитывала на то, что народу в этот день не будет, ведь не все знают такие тонкости. А она знала, так что можно воспользоваться плюсами своей профессии. Итак, сегодня Елена планировала посетить Лувр.

Приехав к музею, она решила позавтракать и изучить давно интересующий вопрос: какой музей лучше – Эрмитаж или Лувр? Вопрос был сложный, поэтому его решение требовало особого места. А не пойти ли ей позавтракать в отель «Риц» на Вандомской площади? Он известен еще и тем, что в настоящее время им владеет египетский миллиардер Мохаммед аль-Файед. Его сын Доди и принцесса Диана отправились из «Рица» в свою последнюю поездку, которая закончилась авткатастрофой под мостом Альма.

Фешенебельный отель «Риц» (Hôtel Ritz) был открыт швейцарским предпринимателем Сезаром Рицем в 1898 году. Здесь в разное время останавливались такие знаменитости, как Эдуард VII, Марсель Пруст, Чарли Чаплин, Грета Гарбо, Марлен Дитрих. А Коко Шанель прожила в отеле тридцать лет и умерла здесь же. Хемингуэй писал о нем: «Когда я мечтаю о жизни на небесах после смерти, то всякий раз действие происходит в „Рице“».

Елена зашла в отель и прошла в бар. Как она и ожидала, «Риц» обставлен с музейной роскошью. Но когда ходишь по музеям, видишь всё это золото, парчу, мебель, украшения, то восхищаешься ими лишь как экспонатами. Здесь же эта роскошь принадлежит каждому гостю отеля.

Лене принесли меню. Интересного было много. Например, классический коктейль «Хемингуэй». Он был придуман во Франции в баре этого отеля. Бармены смешивают ликер Cointreau, свежавыжатый лимонный сок и эксклюзивный коньяк 180-летней выдержки Ritz Reserve. Сохранилось лишь несколько бутылок этого редкого алкоголя. Коктейль занесен в Книгу рекордов Гиннеса как самый дорогой в мире. Одна его порция стоит больше пятисот долларов. Нет, пожалуй, утро с коктейля она начинать не собирается. Что там дальше в меню? Бургер с картофелем фри – 64 евро. Слишком тяжелая пища для утра.

А вот то, что надо: Elite Green tea and wild strawberrymeringue delight with shizo. В вольном переводе на русский язык это значит «Чашка коллекционного зеленого чая и десерт из земляники с меренгами в необыкновенном соусе». 28 евро. Она сделала заказ.

Звонок оторвал Елену от созерцания окружающего пространства. Это был Филиппе. «Очень вовремя, надо пригласить его на чашечку кофе», – мысленно смеясь, подумала она. Все случилось так, как она и предполагала. Сначала он спросил ее, куда ему подъехать, чтобы договориться об одном важном деле. Услышав название отеля, Филиппе замолчал, потом она различила звук нажимающихся кнопок, словно у него вторая линия. Лена представила, как он потерял сознание, и теперь работники офиса ищут нашатырный спирт или то, чем там приводят в чувство настоящих французских мужчин.

Через некоторое время Филиппе, видимо, очнулся, и трубка заговорила. Неотложное дело, как и раньше, встало на пути Филиппе, но что делать – без него никто не может обойтись, объяснил он и приступил к рассказу.

Дело в том, что завтра День матери, а его брат, такой жмот, сначала не захотел организовывать вечеринку для их мамы. Хотя была его очередь, ведь в прошлом году это делал Филиппе, а в позапрошлом – их сестра. Но потом брат все-таки согласился, и поэтому Филиппе хочет пригласить ее как свою невесту, потому что на данный момент у него никого нет. Брат будет с девушкой, сестра – с мужем и ребенком. Брат живет на Елисейских Полях, закончил Филиппе. Эта последняя фраза решила всё: Елене очень хотелось увидеть, как живут настоящие французы. Филиппе, после нескольких дней общения с ним, она к французам не причисляла. Удовлетворенный согласием, Филиппе на ужасном английском сказал: «Увидимся завтра».

Пока Лена разговаривала и смотрела в окно, она не заметила, что перед ней как бы сама по себе очутилась абсолютно белая огромная тарелка с маленьким розовым кругом из соуса посередине. Несколько нарезанных клубничин слоями были переложены через карамельные пластинки белыми маленькими безешками. Десерт венчал купол из розовой пены.

Чай тоже был непрост. Белая чашка казалась прозрачной. Аромат был как бы отдельным, самостоятельным блюдом. Интерьер дворца, атмосфера роскоши, аромат чая и лесной клубники – всё вместе сложилось в гармоничный ансамбль. И если бы ее теперь спросили: «Как Вы представляете себе Париж?», она бы ответила: «Вот так».

Несмотря на дороговизну заведения, в баре было многолюдно. Но французок вокруг Лена не наблюдала. С соседнего столика слышалась английская речь, мимо нее прошла пара, как ей показалось, молодоженов. В их речи ей послышалось слово «аморе» – итальянцы, наверное. У окна сидел мужчина и пил шампанское. Она почему-то решила, что он русский – слишком хорошо выглядит для иностранца. Допив шампанское, мужчина прошел мимо Елены и, заметив путеводитель на русском языке, пожелал ей приятного аппетита. По-русски. Она оказалась права.

Теперь можно было почитать про Лувр и Эрмитаж.

Существует масса исследований, сравнивающих эти музеи и их художественную ценность. Так, известно, что в Эрмитаже – лучшее за пределами Голландии собрание картин Рембрандта в двадцать шесть полотен. Кроме того, там хранятся сорок две картины великого Рубенса, две картины Леонардо да Винчи (из имеющихся в мире четырнадцати), произведения великих мастеров Франции разных эпох – Н. Пуссена, Э. Делакруа, К. Моне, О. Ренуара, П. Сезанна. Имеются скульптуры Ж.-А. Гудона, О. Родена. Хорошо представлено также французское искусство конца XIX – начала XX века: от импрессионистов до А. Матисса (тридцать семь картин) и П. Пикассо (тридцать одна).

В Лувре находится семь картин великого Рафаэля, полотна Тициана, Тинторетто, Веронезе. Самая ценная часть коллекции итальянской живописи здесь – пять картин Леонардо да Винчи, это самое большое в мире собрание живописных произведений великого художника.

По количеству шедевров и владению раритетами эти музеи считаются равнозначными, но Елене всё равно хотелось сравнить детально.

Начала она с Эрмитажа. Общая площадь помещений (зданий) составляет 183 820 квадратных метров. Экспозиционно-выставочная площадь – 62 324 «квадрата». В настоящее время выставляется 150 тысяч экспонатов, это из трех миллионов имеющихся. Если, к примеру, вы предполагаете просматривать по одному экспонату в минуту и расходовать на это двенадцать часов в день (не выходя в туалет и на перекуры), то пересмотрите всю экспозицию за двести девять (!) дней. Это, конечно, нереально. Однако если сократить осмотр до шести часов в день,

чтобы иметь возможность завтрака, обеда и ужина, то через год вы «выйдете на свободу», полностью осмотрев музей.

В Лувре, одном из крупнейших художественных музеев мира, 160 106 квадратных метров. На 58 470 «квадратах» экспозиционной площади демонстрируется 300 000 экземпляров. Это значит, что при режиме осмотра как в Эрмитаже, потребуется больше двух лет для полного ознакомления со всеми экспонатами.

Да, такого Лена не ожидала... Как после таких цифр вообще можно говорить, какой музей больше понравился? За те два-три часа, которые самый интеллигентный человек выделяет на осмотр Лувра и Эрмитажа, он увидит одну десятитысячную часть экспонатов! Он тем не менее уже готов высказать мнение на тему «Какой музей лучше».

Практически все ее клиенты ставили Лувр на первое место, иногда очень занятно описывая критерии сравнения, которые позволили им сделать такой вывод. «Лувр гораздо лучше Эрмитажа! Несколько входов и много касс, в том числе автоматических, меньше очередь. Большой вестибюль. Несколько кафе на разных этажах. Туалеты в Лувре на каждом этаже и в каждом крыле». В Лувре можно свободно фотографировать, правда, без вспышки. Теперь ей предстояло составить собственное мнение о знаменитых музеях.

Единственное, что, по мнению Лены, могло бы поставить Лувр на первое место, – портрет Джоконды. Это общепризнанный факт.

«Джоконда» – самая загадочная и самая известная картина Леонардо да Винчи. По сей день неизвестно, кто изображен на полотне. Существует немало догадок по этому поводу, но все они – лишь равнозначные версии. Правды не знает никто. Не сохранилось ни одной записи художника об этой картине. И если о том, кто явился образом, можно только догадываться, известность этого произведения, как оказалось, объясняется очень легко... До 1911 года «Мона Лиза» была просто одной из картин Леонардо да Винчи, абсолютно не имеющей известности. Однажды один из экскурсоводов, проводя очередную группу туристов по залам Лувра, увидел на месте «Джоконды» пустое место. Директор музея, утверждавший, что украсть какую бы то ни было картину из Лувра невозможно, был отправлен в отставку. Исчезновение полотна произвело столько шума, на его поиски была поднята вся полиция Франции.

Выдвигались самые невероятные гипотезы исчезновения. Картину искали в Италии, Великобритании, Японии и даже в России. В прессе неоднократно печатались интервью с «похитителями», но за два года полотно так и не нашли. Руководство Лувра решило повесить черно-белую репродукцию картины вместо утраченного шедевра. Кража «Моны Лизы» произвела такое сильное впечатление на весь мир, что около репродукции всё время можно было обнаружить свежие цветы.

Спустя три года нашли настоящего похитителя «Джоконды». Он оказался итальянцем, работавшим простым маляром в Лувре. Будучи большим патриотом своей страны, он считал несправедливым, что самая большая коллекция картин Леонардо да Винчи хранится не на его родине, а в Париже. На суде итальянец Перуджа рассказал, что решил вернуть хоть одну из картин его земляка на родину и выбрал «Джоконду» только за ее небольшой размер (77 x 53 см, дерево, масло).

Два года новость о похищении занимала первые строки печатных изданий во всём мире, поэтому неудивительно, что картина стала буквально мировой сенсацией.

4 января 1914 года состоялось триумфальное возвращение «Джоконды» в Лувр. За первые дни на нее пришли посмотреть более ста тысяч человек.

На сегодняшний день «Джоконда» – единственная в Лувре картина, которая не застрахована, потому что «она бесценна, и руководство музея не может определить сумму страховой премии». На самом деле в 1962 году оценочная стоимость шедевра составляла около 100 мил-

лионов долларов (в сегодняшних ценах – более 720 миллионов долларов), поэтому в отказе от страхования преобладает простой экономический расчет: «Мону Лизу» дешевле хорошо охранять, чем страховать.

Получается, что, если бы эту картину не украли и не разыскивали в течение двух лет, она не была бы сейчас так знаменита. И загадочная улыбка здесь ни при чем. Неисповедимы пути Господни – фраза как никакая другая подходит к этой ситуации.

Елена оказалась права: очереди в музей не было. Она быстро спустилась по эскалатору в холл Лувра через знаменитую стеклянную пирамиду.

Первая картина, которую она увидела в раздевалке, была, что называется, «Супружеская ссора» по поводу несовпадения взглядов на искусство. Супруг достаточно громко на чистом русском объяснял жене, что он и так для нее много сделал – пошел с ней в Лувр! Он надеялся, что вечером они пойдут в «Мулен Руж», и не ожидал, что Лувр окажется таким громадным. Мужчина уже увидел для галочки и Нику Самофракийскую, и «Мону Лизу», и... да, пожалуй, и этого достаточно.

Жена имела иное представление о счастливой семейной жизни. Сцена представляла живую иллюстрацию теории компромиссов, которая еще раз подтвердила свою несостоятельность. Муж уже оделся и, направляясь к выходу, через плечо бросил супруге, что будет ждать ее в половине седьмого около «Мулен Руж». Жена в долгу не осталась и в переводе на спокойный русский сказала: мол, хорошо, дорогой, но не забывай – билеты у меня, и я твой билет подарю первому встречному. Со словами «Ты еще пожалеешь!» мужчина покинул один из самых больших музеев мира. Супруга осталась одна.

При ближайшем рассмотрении эта женщина оказалась одноклассницей Лены – Лариской, которую она не видела двадцать лет. «Вот так встреча!» – не верили они своим глазам. И хотя им было о чем поговорить, они все-таки решили первым делом приобщиться к искусству.

Конечно же, Елена попросила подругу начать с «Джоконды», чтобы посмотреть на ее улыбку, как говорится, свежим взглядом. Лариса с радостью согласилась. «Мне интересно твое мнение», – сказала она и хихикнула.

Осталось непонятно, как можно после посещения музея рассуждать, понравилась «Мона Лиза» или не понравилась, если ее там практически невозможно разглядеть! И уж тем более ее знаменитую улыбку! Во-первых, картина, как уже говорилось, маленького размера, да еще огорожена на довольно-таки большом расстоянии, так что зрители не могут подойти ближе чем на десять метров. Во-вторых, она за стеклом: «Мону Лизу» поместили в специальный ящик из пуленепробиваемого стекла. Он заполнен гелием, и это создает идеальную атмосферу для хранения картины, которую вживую могут увидеть только реставраторы раз в году. Этот настенный резервуар был сконструирован специально для картины и стоил музею более семи миллионов долларов. Довершали ситуацию толпы народа перед ограждением, которые фотографировались на фоне знаменитой «Джоконды».

– Ну? Ну? – допытывалась ее подруга. – Что скажешь?

– Без слов... – ответила Лена.

Остальные впечатления, которые она получила от осмотра картин и скульптур, полностью совпадали с ее ожиданиями. Обзорение Лувра продолжалось до вечера, и попытка идти по всем залам и поглощать всё подряд, пока есть силы, привела подруг к полному несварению эстетического желудка.

Но вечером их ожидало кабаре «Мулен Руж» – Лариса пригласила Елену на шоу в качестве первой встречной. Она в свою очередь предложила ужин за свой счет. Бюджет, конечно, никто не отменял, но какая же это скучная жизнь – высчитывать каждый день, сколько ты

можешь потратить сегодня! Деньги были, значит, их можно было тратить. «Об экономии подумаю завтра. А сегодня гулять так гулять».

Поужинать было решено перед шоу, потому что в стоимость билета входило только полбутылки шампанского на человека. Были и более дорогие билеты с ужином, но, учитывая массовость мероприятия, не верилось, что он будет стоить этих денег. Они выбрали уютный ресторанчик недалеко от «Мулен Руж» и, решив особо не заморачиваться по поводу еды, заказали утку с салатом из свежих овощей, французский багет и по бокалу красного сухого вина. Ожидая заказ, они думали, что начнут взахлеб рассказывать друг другу о жизни, ведь они не виделись столько лет. Но, видимо, сложно было начать разговор по душам, избегая глупых вопросов. Например, «Как ты живешь?» За этим следовали стандартные: «Хорошо, а ты?» «И я тоже». Но молчание тянулось недолго.

Подруга начала первая, видимо, с больше всего волнующих ее тем.

– Слушай, я потрясаюсь. Тут тоже негры одни вокруг! Я-то в свою турфирму звонила – ругалась, что они меня в негритянский квартал поселили, а Лешка мой вообще сказал, что им не жить: когда вернется, закроет эту турфирму навсегда. Представляешь, нас в такой отель поселили. Номера для гномов, что ли? В санузел, извините за подробности, нужно заходить задом и со снятыми штанами, и таким же образом выходить, иначе не нагнешься их надеть.

Успокоив подругу, что им еще повезло, что нет клопов, Елена стала считать проходящих мимо столика людей. Действительно, из десяти приблизительно восемь были темнокожие. А она думала, что это только ей так «повезло с квартирой»...

– Да, а еще меня что потрясло, – продолжала подруга. – Вот иду я вчера по бульвару. Кругом сплошные бутики. Купила я платье брендовое, но его и надеть-то стыдно. Почему-то в том, что продают в этих магазинах, никто не ходит. Как будто это неприлично – модно выглядеть. Ну посмотри, как выглядят парижанки. Вот, например, идет обычная женщина средних лет. Брючки, пиджачок, шарфик и сумка. Всё абсолютно разного цвета и стиля. Прямо чувствуется, что все вещи куплены по случаю на распродажах. Ни про одну вещь нельзя сказать, что она модная. Брюки – просто брюки. Пиджак – просто пиджак. К сумке больше подходит слово «авоська». А шарф вообще ни к чему не подходит, словно его специально выбирали, чтобы он отличался от других предметов гардероба.

Лена была абсолютно согласна с подругой, но вдруг поняла, почему всегда считалось, что француженки очень элегантны, – это по сравнению с американками! Американские широкие штаны на резинке могли бы быть флагом США. Эта мысль заставила ее улыбнуться. Подруга приняла улыбку на свой счет и, окрыленная успехом, продолжила:

– Вот если бы они жили в каком-нибудь провинциальном русском городишке, такая одежда была бы оправданной. Но здесь же Париж. А парижане портят впечатление от города своим видом. Нужно их обязать одеваться красиво, чтобы соответствовать месту.

Да, мысль была интересной. Вот раньше все ходили в кринолинах, шикарных платьях, мужчины – во фраках. Ну, естественно, у кого были деньги. Сейчас деньги есть у всех, но почему-то стремление быть красиво одетой и ухоженной превратилось в «мальчика для битья». Что же получается, Чехов устарел с его определением «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли»?

Если человек красиво одет, то он невоспитан, потому что хочет выглядеть лучше других, и глуп, потому что, кроме одежды, его ничего не интересует. Еще и сноб, так как оценивает людей только по внешнему виду. Поэтому такой человек достоин презрения...

Это автоматически предполагает, что прочие «нормальные» люди, одетые в безвкусную дешевую одежду, не беспокоятся по поводу внешнего вида, а всё сэкономленное время и средства тратят на что-то более важное. Они, мол, и без внешнего лоска счастливы. «У них другая культура, им другое важно». Раньше она об этом не задумывалась, а было бы интересно узнать: что это за важность такая? Конкретно?

Например, французская девушка, вместо того чтобы ресницы тушью покрасить, говорит: «Нет, это для меня неважно! Я предпочитаю естественную красоту. Почитаю-ка я лучше Софокла в подлиннике». Или все-таки наша русская красotka час красится, другой час по телефону с подружкой болтает, а французская просто тратит на болтовню два часа? Хотя и друзей, в нашем понимании слова, у французов практически нет. Тогда что? На что они тратят свое время и что для них это другое? Может, это просто лень и жадность, а не высокие материи, которые русский человек готов увидеть во всем только потому, что это французское, английское и американское?! «Ой, куда меня занесло», – подумала Лена. Но в этом вопросе она должна разобраться, чего бы ей это ни стоило!

Здание кабаре оказалось гораздо меньше, чем она представляла. Количество посадочных мест – 850. Еще в школе она писала реферат про здание цирка в ее родном городе и помнила с тех пор одну-единственную цифру, а именно, что вместимость зала была 1908 человек. Видимо, она запомнила ее потому, что это был год рождения ее бабушки.

Кресла располагались ярусами над полукруглой сценой. Они зашли первыми, чтобы было время осмотреться, взяли рекламный буклет и стали его изучать.

Moulin Rouge – всемирно известное кабаре, открылось в 1889 году. Сначала это был обычный бордель, где молодые девушки-куртизанки танцами развлекали солидных французов. Анри де Тулуз-Лотрек (1864—1901) был завсегдатаем кабаре, и не случайно его «музами» стали первые танцовщицы. В своих работах талантливый живописец изображал жизнь Монмартра и главного его заведения – «Мулен Руж». Благодаря ему постепенно шоу становилось более и более известным. Несмотря на то, что вся программа потрясает воображение, изюминкой «Мулен Руж» до сих пор является натуральная кадриль, придуманная Селест Могодо в 1850 году. Несколько лет спустя англичанин Чарльз Мортон назвал ее «французский канкан», что в переводе означает «шум» или «гам».

В 1960 году заведение покупает семья Клерико и решает сделать из него самый модный мюзик-холл в Париже. Приглашенные хореографы отобрали танцоров из 17 стран мира и в 2001 году поставили шоу «Феерия», на создание которого было потрачено восемь миллионов евро. В программе участвуют 100 артистов, 15 из них – русские. На протяжении спектакля они переодеваются до десяти раз в костюмы стоимостью до 30 000 долларов. Всего используется 1000 сценических костюмов, 800 пар обуви, роскошные декорации, гигантский аквариум и огромный живой питон. 200 000 бутылок настоящего французского шампанского в год открывается для гостей, пришедших посмотреть это легендарное шоу, символом которого уже более ста лет является красная мельница.

Судя по описанию, шоу предполагалось «феерическое». Теперь нужно было наложить реальную картинку на заранее составленное представление. Артисты выступали профессионально, слаженно, но красивых девушек среди них Елена не увидела. Может, выступал не первый состав. Впрочем, некрасивыми их нельзя было назвать. Складывалось впечатление, что их отбирали по каким-то другим, нежели красота, критериям – от них, очевидно, в первую очередь требовалось умение хорошо танцевать. Что было странно, ведь внешность для такого мероприятия имела далеко не второстепенное значение!

Они сидели в середине зала, места были хорошими. Одно плохо – в зале было так же холодно, как и на улице. Правда, серый дырявый свитер Филиппе помог сделать вечер более теплым. Холодного шампанского не хотелось абсолютно, и Лариса пожалела, что фляжка с коньяком осталась в сумке мужа. Официанты разливали шампанское. Хочешь не хочешь, а пить было надо. Они подняли фужеры, и, как только Лариса отпила первый глоток, прозвенел ее сотовый. Она случайно нажала на кнопку громкой связи, и на весь зал разнесся злобный

голос мужа: «Вкууусно тебеее?» В ту же минуту, давась от смеха, к нам подошел Алексей. Оказывается, он купил еще один билет и все это время, с тех пор как подружки еще сидели в ресторане, наблюдал за ними.

Поняв, что его супруга с подружкой не собираются делать ничего «противозаконного», он решил с ней помириться. «Я тебя простил», – начал он и замолк. Продолжения не последовало. По-видимому, так обычно и происходили примирения в их семье. Лариса незамедлительно простила мужа, заключение мира решили отметить коньяком. Разливали его из фляжки под столом – это был секрет, который сделал компанию единой и сплоченной. Они пили коньяк, и Лешка, как маленький ребенок, постоянно спрашивал у жены, когда же будет канкан. Елене тоже казалось, что шоу в «Мулен Руж» должно состоять сплошь из каких-то французских танцев, а канкан – проходить красной нитью через всё представление. Но всё оказалось совсем не так.

Шоу состояло из нескольких частей, представляя собой смесь нашего цирка и варьете с танцами, фокусниками, акробатами и клоунами. Танцы народов мира, включая даже французскую интерпретацию русского танца, как, впрочем, и само шоу, были на хорошем уровне, хотя непосредственно канкану – основному, что ожидаешь увидеть в «Мулен Руж», было уделено совсем немного времени – минуты три, не больше. Коньяк сыграл решающую роль при оценке шоу. «Отлично!» – это мнение было единогласным.

Они вышли на улицу и решили немного прогуляться, а потом взять такси и сначала доехать Лену, а затем доехать до их отеля. Они шли по кварталу красных фонарей. Ночь. Темно. Навстречу идет шарф – такое ощущение, что самостоятельно. А дело в том, что это афрофранцуз одет в черный плащ, сам «смуглый», только шарф яркий. Они, не сговариваясь, переглянулись и какое-то время шли молча.

– Странно, мы были в Париже всего три года назад, а за это время здесь столько изменилось. Мне Париж запомнился другим, – прервала молчание Лариса и философски закончила: – Возможно, изменилась я, а не квартал.

Таксист был арабом. Здоровый и веселый, он долго объяснял им, что ехать предстоит очень далеко. В переводе на англо-французский – «периферик». И поэтому будет стоить дорого. До квартиры Елены – десять евро, еще пять евро – до отеля. «Ничего себе дорого!» – удивилась она, ожидая, что такси обойдется гораздо дороже. Алексей, перебивая водителя, небрежно бросил: «Не проблема, переведи ему. Поехали уже, хватит болтать зря».

Когда они проезжали один из перекрестков, их подрезала машина, да так, что водитель еле-еле успел затормозить. За рулем автомобиля была темнокожая девушка. Водитель-араб высказался о ней примерно так же, как московские автомобилисты высказываются о блондинках за рулем, но дальнейшая его тирада несколько озадачила. Оказывается, что его, коренного парижанина (по виду – темнокожего араба), уже достали эти черные приезжие африканцы! Везде эти черные лезут, даже на дорогах от них покоя нет – в общем, «понаехали тут в Париж всякие черные».

В шутку Лена предложила ему переехать в Россию.

– О, Раша! Гуд, вери гуд! – воскликнул он и продолжил: – Холодно только у вас очень. И русский язык очень сложно выучить.

От него они с удивлением узнали, что в России двенадцать месяцев в году зима, а сложность русского языка мешает многим уехать в Россию из этой клоаки под названием Париж. А Лена подумала: «Как хорошо, что у нас холодно. И отдельное спасибо Кириллу и Мефодию за русский язык!» Впервые она видела в этих обстоятельствах большой плюс. А то, что наша зима сурова только один месяц в году, – большой секрет. А то понаедут всякие-разные...

Утром она спустилась в цветочный магазин и купила букет для мамы Филиппе: все-таки День матери. Она была уверена, что во Франции ситуация будет совсем не такой, как в США. Уж в этой стране умеют ухаживать за женщинами! Букет можно было купить готовый за двадцать евро, но Елене показалось, что он будет слишком обыкновенным для утонченной французской мадам, всю жизнь прожившей в Париже и гулявшей со своими детьми в Люксембургском саду. Она обратилась к девушке-дизайнеру, и та составила букет, как говорится, скромно, но со вкусом. Круглый букет из мелких белых хризантем, похожих на ромашки, был поставлен в соломенную корзинку в форме перевернутой дамской шляпки. Эксклюзивный бант из белых кружев на ручке корзинки завершал изысканную композицию. Букет положили в нарядный пакет с ручками. Получилось то, что надо, и стоило всего двадцать пять евро.

Лена собиралась прийти в гости не с пустыми руками. С собой из России она привезла набор из шести палехских расписных деревянных тарелочек с шестью маленькими деревянными ложками. В него также входил расписной деревянный горшочек с крышкой. Горшочек она планировала использовать в качестве икорницы, банку красной икры тоже предусмотрительно привезла с собой. Она предполагала, что, может быть, в поездке ей придется посещать или устраивать вечеринку – в общем, всегда нужно иметь что-то на всякий случай. Вот и пригодилось! Вся композиция будет смотреться очень нарядно, а главное – она будет иметь русский колорит.

Подготовив все для мероприятия, Елена позвонила Филиппе, чтобы уточнить, во сколько он за ней заедет. Филиппе ответил сразу же, как будто ждал ее звонка. Он сказал, что за ней заедет мама, потому что она живет недалеко. Потом они заедут за ним и затем уже поедут к брату. Договорились, что Лена будет ждать мадам Мейер в час дня на улице. «Ты ее сразу же узнаешь, – уверенно продолжал Филиппе, почему-то не уточняя, по каким признакам это сделать. – Да, чуть не забыл: она совсем не говорит по-английски». Как же они будут общаться? Она же не знает ни слова по-французски!

Елена стояла на улице и озиралась по сторонам. С какой же стороны мадам может подъехать? Тут ее взгляд привлекла одна машина – старенький «Рено». Водитель пытался припарковаться между двух машин. Рядом стоял полицейский и без малейшего интереса наблюдал за процессом. Водитель устраивается бампер к бамперу и двигает стоящий рядом «Ауди». Не удержавшись, Лена подошла к полицейскому и поинтересовалась, как поступать хозяину «Ауди», если ему бампер поцарапали. Полицейского этот вопрос очень развеселил:

– Вы же в Париже, мадемуазель! Это нормально! Но если хозяину «Ауди» очень хочется, он может пойти в комиссариат, написать заявление, указать номер машины, которая поцарапала его авто... Но это всё равно ничего не даст, он только время потеряет.

«Да, чудеса...» – подумала она, продолжая наблюдать за машиной-хулиганкой. Тут из нее вышла старушка божий одуванчик и стала переходить дорогу. Лена уже не сомневалась, что это и была мадам Мейер.

В отличие от молодых француженок, одетых с какой-то нарочитой неряшливостью, это была настоящая мадам. И дело совсем не в одежде, хотя на ней был очень элегантный брючный костюм. Ей было за семьдесят, но в ней присутствовали все необходимые атрибуты женщины ее возраста, знающей себе цену: тщательно уложенные пепельные кудряшки, шарфик, сумочка, начищенные туфли-лодочки. Одежда была неброской, но в совокупности с королевской осанкой и шлейфом духов составляла образ настоящей леди.

Первым, что Елена услышала от нее, было «бонжур». Ничего из дальнейшей речи мадам она не поняла, хотя пыталась ей сначала по-английски, а потом и жестами объяснить, что не знает французского. Но мадам проигнорировала все эти робкие попытки, пока не сказала госте всё, что планировала. Они подошли к машине, бабулька, открыв багажник, показала маленький ящик с клубникой из супермаркета и вопросительно посмотрела на нее. Теряясь

в догадках, что именно та хочет от нее услышать, Лена улыбнулась и закивала головой. Видимо такого ответа от нее мадам и ожидала. Удовлетворенная, она закрыла багажник и села за руль.

Дорога до дома Филиппе была недолгой, но показалась вечностью. Складывалось впечатление, что правила дорожного движения были для мадам Мейер чем-то вроде интересной книги, которую она была бы не прочь почитать, если бы не было более важных дел.

Несколько раз ей сигналили, но это совершенно не влияло на ее принципы. Она решила доехать до дома Филиппе со скоростью света и не собиралась учитывать разнообразные преграды в виде светофоров и знаков дорожного движения. За рулем старушка была очень спокойна, что говорило о том, что это ее постоянная манера вождения. Описанным выше способом она припарковалась у одного из пятиэтажных одноподъездных домов и стала звонить по телефону, видимо, Филиппе. Тот не брал трубку. После нескольких безуспешных попыток дозвониться мадам жестом показала ей следовать за ней.

Они долго звонили в домофон у подъезда, но дверь им никто не открывал. Со словами «Филиппе, Филиппе» старушка открыла дверь своими ключами, и они вошли в подъезд. Дом был точно такой же, в каком жила Лена. Они поднялись на третий этаж, дверь оказалась не заперта. Войдя в крохотную прихожую, она услышала громкую «мультиязычную» музыку и звуки вроде «блям-блям-блям». Комната оказалась еще меньше, чем ее: это была какая-то комната-кровать. Причем подход к кровати был только с одной стороны, а с другой она была придвинута к стене. На кровати перед телевизором сидел Филиппе и играл в тетрис. «Интеллектуальное занятие, однако», – подумала она. Из-за громкого звука он не слышал звонка в дверь. На коленях у него стояла тарелка с картошкой, и он ложкой с большим аппетитом поглощал незатейливый обед.

И хотя они уже несколько минут стояли в комнате, Филиппе продолжал играть, никак не реагируя ни на что вокруг. Видимо, отвлекать человека от важного дела было не в правилах настоящих французов, потому что бабулька терпеливо ждала окончания игры. Наконец Филиппе оглянулся.

– Бонжур, – весело приветствовал их он. – Хорошо, что вы зашли ко мне. Посмотри, как я живу!

С гордостью он обвел рукой свою комнату площадью около пятнадцати квадратных метров, обставленную икеевской мебелью, да и той было негусто: кровать и журнальный стол, на котором стоял телевизор. На стене висела книжная полка. Особенно Елене запомнился мотоциклетный шлем, который стоял на здоровой музыкальной колонке рядом с телевизором. Шлем выполнял две функции: во-первых, являлся единственным элементом декора в этой комнате, а во-вторых, поддерживал полку, крепления которой частично вырвались из стены.

Еще раз осмотрев комнату, стараясь придать лицу выражение восторга, она подумала, что всю жизнь считала самой нелепой квартирой маленькую русскую хрущевку; эта квартира была гораздо меньше. «Миттеранка какая-то», – назвала она про себя, но хозяин был страшно горд, что в ней живет. Видимо, Лене удалось добиться выражения тихой зависти на лице – уже покидая апартаменты, Филиппе хвастливо изрек: «Вот так мы и живем в Париже».

Как только они сели в машину, она спросила у Филиппе, почему мадам показывала ей клубнику в багажнике. Задав несколько коротких вопросов и получив столько же длинных ответов от мамы, Филиппе перевел, что ящичек побольше куплен на праздник, а поменьше – это подарок лично ей.

– Эту клубнику вырастила твоя мама? – спросила Елена.

Оказалось, что ягода была куплена в обычном супермаркете. Она удивилась. Обычно магазинная клубника абсолютно невкусная. Да и в обоих ящичках ее было не больше полкило.

– Это очень дорогая французская клубника, ты никогда такой не ела, – перебил ее мысли Филиппе и спросил: – А ты вообще когда-нибудь ела клубнику?

– Приходилось, – сказала она, вспомнив длинные грядки ягоды на даче родителей. Клубника была нескольких сортов, и сказать, что она таяла во рту, – это не сказать ничего! Никому не приходило в голову посыпать ее сахаром, потому что она была такая сладкая, что хотелось только запить ее холодной водой.

А вкус этой клубники из супермаркета Елена знала даже слишком хорошо. Иногда, увидев ее в магазине, дочка просила купить, ведь выглядела ранняя ягода всегда очень привлекательно. И каждый раз, зная результат, Лена всё же покупала клубнику в надежде, что, может быть, хоть эта будет вкусная. Но нет – в очередной раз дорогая покупная ягода имела такой вкус, как будто была произведена на фабрике резинотехнических изделий.

Вообще, она уже начала жалеть, что согласилась принять предложение Филиппе. Она наивно полагала, что только Филиппе супержадный тип, а тут, видимо, вся семейка такая.

Елена решила сменить тему и, пока они стояли у светофора, стала рассматривать в окно цветочный магазин.

– Это цветочный магазин, – пояснил Филиппе. – Есть готовые букеты, которые выставлены на улице, а можно сделать индивидуальный, обратившись к девушке-флористу.

«Да неужели?» – ей так и хотелось сказать что-нибудь едкое. Вместо этого она предложила ему выйти и купить цветы для мамы.

– Что ты, цветы такие дорогие, к тому же мама цветы не любит, – сразу же нашелся он. Чем дальше – тем интереснее. Филиппе никто не смог бы превзойти в сочинении историй для оправдания собственной скупости.

– Скажи мне, а вот ваша семья – это бедная французская семья или не очень? – Лена задала вопрос, который давно ее интересовал, и тут же пожалела – пришлось выслушать всю историю членов семьи Мейер.

Пропустив мимо ушей информацию, касающуюся знатности происхождения рода, практически королевского, она поняла, что Филиппе относит всех Мейеров к так называемому среднему классу. Его мама Ирен на пенсии, живет в своей однокомнатной квартире, оставшейся ей в наследство от мужа. Он сам обладает достаточными средствами, чтобы снимать хорошую квартиру в спокойном районе, ведь у него высокооплачиваемая работа (что-то вроде «начальника транспортного цеха») в одной крупной туроператорской фирме Франции.

Старший брат Оливье, к которому они направлялись, – вообще везунчик. Он работает представителем известной французской косметической компании в странах Восточной Европы. Хорошее жалованье позволяет ему снимать шикарную квартиру на Елисейских Полях.

Младшая сестра Софи работает старшим менеджером в банке, ее муж трудится там же, и живут они в каком-то доме, принадлежащем этому банку, правда, квартиры там не очень хорошие. Елена не могла представить, что существуют квартиры хуже, чем та, в которой жил Филиппе. Но, оказывается, такие есть.

В общем, по его мнению, лучше всех устроился его старший брат, но он сноб и выскочка. Один раз взял у Филиппе утюг, а потом сказал, что вернул, а на самом деле не отдавал. И он, Филиппе, видел свой утюг в шкафчике в ванной брата. Лена кивнула в знак согласия. Бред какой-то – утюги друг у друга воруют. Может, это только одна семья во всей Франции такая? Ну и повезло же ей с ними познакомиться. А может, они все здесь такие? Размышляя о природе скупердяйства, она вдруг заметила огромную толпу черных, стоящую на какой-то площади и громко скандирующую лозунги.

На ее вопрос Филиппе ответил, что это мигранты из Африки, они требуют жилплощадь в Париже, потому что им негде жить. «Останови скорее машину, – пошутила она, – я выйду

и присоединюсь к ним, мне тоже нужна квартира в Париже». Не поняв насмешки, Филиппе серьезно ответил, что ей не дадут квартиру в Париже, потому что она белая.

– А вот я что подумал, – вдруг сказал он, – может, мне в Россию поехать? Ты ведь поможешь мне найти работу?

– Какую работу? – удивилась Лена. – А какое у тебя образование, что ты умеешь делать?

Из ответа Филиппе она поняла, что образования, в ее понимании этого слова, у него не было. Какие-то двенадцатимесячные курсы при колледже гостиничного бизнеса после окончания школы. Он же ее вопросу удивился:

– А что мне надо уметь делать? Я же француз, разве этого недостаточно?

Они повернули на площадь Согласия. Вдали уже виднелась Триумфальная арка. Наверное, они скоро приедут. Интересно, думала она, в каком доме живет Оливье? Здания на этой улице были похожи на остальные дома в Париже – такие же шестиэтажные, серого цвета, с окнами до пола, огражденные металлическими коваными решетками. Это, кстати, и были так называемые французские балконы. На Елисейских Полях дома чуть выше, чуть наряднее, чуть больше ящиков с геранью на балконах. Это именно тот случай, когда «чуть» превращало улицу из обычной в изысканную.

Дом, в котором живет брат Филиппе Оливье, Елена представляла очень отчетливо: красивое здание с шикарным парадным входом, консьержкой в холле на первом этаже. И обязательно посередине холла должен стоять круглый стол с большой вазой живых цветов. Квартира должна быть большой и просторной, с мебелью в стиле Людовика XIV или XVI – на этом ее познания заканчивались. Стол будет накрыт в столовой; длинный такой стол – человек на двадцать. Столовое серебро, бронзовые подсвечники, непременно большая ваза, например, с белыми лилиями. Сам Оливье будет одет демократично, чтобы не ставить в неловкое положение более бедных родственников, а его девушка Ванесса будет в маленьком черном платье со скромными бриллиантами в ушах. Как-то так... Интересно, что она угадала, а что – нет.

Они уже долго ехали по Елисейским Полям, но вдруг свернули в какой-то переулок.

– А разве твой брат живет не на этой улице? – спросила Елена Филиппе.

– Да, – ответил он, – все параллельные улицы в этом районе тоже называются «Елисейские Поля».

Немного попетляв, машина остановилась у обычного с виду дома в конце улицы. «Это скорее Елисейский тупик какой-то», – подумала Лена. У подъезда их уже ждали сестра Филиппе Софи с мужем и восьмилетним сыном Тео. Все тут же начали обнимать и целовать друг друга и шумно что-то обсуждать. Ее представили как девушку Филиппе, и вся компания вошла в подъезд. В суматохе она забыла посмотреть, имелась ли в подъезде консьержка, но вазы точно не было. Ее и не могло быть, потому как это оказался обычный подъезд обычного дома, точно такого, в каком жила она.

Двери лифта открылись, и все увидели хозяина. Он уже ждал их на пороге. Процедура обнимания и целования повторилась, и все наконец-то вошли в дом. Так получилось, что Лена зашла первой и, зная, что их шесть человек, постаралась сразу пройти подальше от двери. Она сделала несколько шагов и очутилась перед окном с открытой балконной дверью. Оглянувшись, она поняла, что квартира закончилась. Это была та же «миттеранка», но с несколько большей, чем у Филиппе, комнатой – метров восемнадцать, – и, помимо икеевской кровати, вмещала еще диван, перед которым стояли журнальный столик и телевизор. Кухня представляла собой узкий аппендикс шириной около метра и длиной около двух. Здесь была плита, небольшая тумба для посуды, печь СВЧ и холодильник.

Журнальный столик в зале был накрыт, что называется, «под завязку» – на нем стояли бутылка красного сухого вина и три плоски: с чипсами, помидорами черри и маслинами. Шум-

ная компания просочилась в комнату и начала занимать места. Диван был маленький, только для двоих. Это самые престижные места, и они достались Елене и мадам. Остальные демократично расположились на полу вокруг журнального столика.

Последней гостьей была Ванесса: она появилась на пороге запыхавшаяся и стала что-то объяснять – вероятно, причину опоздания. Видимо, та была уважительной: все одобрительно закивали и раздвинулись, освобождая ей место у стола. Ванесса, видимо, чувствовала, что ей не достанется цивилизованного места за столом. Хорошо, что она оставила свое маленькое черное платье дома, заменив его на широкие джинсы, провисающие в середине, и обтягивающую майку с висящими цепями.

Тем временем разлили вино. За столом стало шумно. Елена не прислушивалась к их беседе – всё равно не поняла бы ни слова. Уже около трех часов дня, очень хотелось есть, но гости пили вино с чипсами и, судя по виду, были очень счастливы.

Все как будто забыли про нее, но неожиданно у Лены появился собеседник в лице племянника Тео. Мальчик тоже не знал английского языка, хотя уже два года учил его в школе, зато у него в сотовом телефоне был переводчик, и он, шустро нажимая на клавиши, набирал разные вопросы на французском, а она ему отвечала, тоже с помощью переводчика. Вопросы были самые разные: например, растет ли в России картошка? Какие медведи ей больше нравятся – белые или бурые? Хорошо ли в России играют в футбол? На все вопросы, кроме последнего, Елена знала ответы. Чтобы не отвечать на вопрос о футболе, она решила поучаствовать в разговоре для взрослых.

– А вот мечта всех русских людей – увидеть Париж. Даже был такой фильм снят – «Увидеть Париж и умереть». А какая у вас мечта? – спросила она.

За столом воцарилось молчание, которое нарушил маленький Тео:

– А мы и так в Париже, зачем нам туда хотеть? – за всех ответил он. Ответ был смешным, но других версий не последовало, все как будто согласилось с ребенком.

Оливье добавил что-то вроде «Это у вас в России плохо, и вы мечтаете увидеть Париж, а у нас всё хорошо». Хозяин дома, подводя итог, обвел рукой комнату, словно в подтверждение своей мысли. Лена растерялась: безобидный, казалось, вопрос привел совершенно не туда, куда она ожидала. И хотя сама она тоже так считала, услышать подобный вердикт от иностранца была не готова.

Значит, он считает, что его жизнь удалась? Да ее обычная трехкомнатная квартира в центре города с хорошим дизайнерским ремонтом и красивым видом из окна выглядела дворцом по сравнению с его малосемейкой! Первый раз в жизни она ощутила в себе национальную гордость.

– Но ведь жить без мечты неинтересно, – высказала она вдруг пришедшую в голову спасительную мысль.

– Ну, может быть, я бы Нью-Йорк посмотрел, – произнес Филиппе. И они стали что-то обсуждать по-французски. Наблюдая их жестикуляцию, Лена сделала вывод, что эта тема затронула их за живое.

– А в каких странах вы были? – спросила она, обращаясь ко всем вместе. Ответ ее ошеломил. Как оказалось, мадам Ирен не покидала пределы Парижа ни разу. Она не была даже на Лазурном побережье. Оливье ездит в основном в Польшу и Германию, но только в командировки. Один раз он был в Египте, в трехзвездочном отеле. Софи недавно ездила с подругой на машине на три дня в Брюссель, жили они при этом в кемпинге. Тео еще мал, чтобы путешествовать, но похвастался, что родители возили его один раз в Диснейленд. И это при том, что туда ехать всего полчаса от центра Парижа! Филиппе сказал, что он много где был,

но по взгляду Оливье, который понимал английский, Лена поняла, что это не так. Оливье не стал говорить правду, а она сделала вид, что поверила.

«Вот интересно, – подумала она, – они не путешествуют, потому что у них нет денег, или потому, что не хотят? На что же тогда они тратят свои большие зарплаты? Съёмные квартиры, дешёвая одежда, полуфабрикатная еда... Как же тщательно они скрывают это „другое“, на что тратят время, свободное от ложных ценностей!»

Ну да ладно, пора уже было поздравить мадам с Днем матери. Елена попросила разрешения выйти из-за стола и подготовить небольшой сюрприз. Выйдя на кухню и закрыв за собой дверь, она вынула палехские тарелочки, маленькие деревянные ложечки и переложила красную икру из банки в деревянную миску с крышкой. Все это она вынесла в комнату на подносе. При ее появлении (больше, впрочем, подходило слово «явление») за столом воцарилась тишина. Изумление, которое она прочитала в их взглядах, позволило ей в тот момент почувствовать себя настоящим божеством. Поставив угощение на стол, она сказала, что все русские едят икру ложками, и показала, как это надо делать, зачерпнув полную ложку икры и отправив ее в рот.

Мадам тоже взяла ложку, зачерпнула одну икринку и долго жевала ее, будто смакуя вкус, кивая при этом. Потом все присоединились к поеданию икры. Ели они ее очень медленно, по чуть-чуть, словно это был совсем уж редкий деликатес. Лена решила, что настало время подарить букет и, вынув его из пакета, поздравила мадам с тем, что у нее такие замечательные дети и внуки, и пожелала дожидаться правнуков.

Когда мадам увидела корзинку с цветами, у нее на глаза навернулись слезы. Она что-то говорила в ответ довольно долго, но в вольном переводе Филиппе ответ был простым «спасибо». Впрочем, в помощи Филиппе в данном случае Лена не нуждалась, потому что по мадам было видно, что она очень растрогана.

Вечер продолжался в том же духе, и она была благодарна себе за идею с икрой. Не в последнюю очередь потому, что это позволило ей самой хоть что-то съесть. Оливье неплохо говорил по-английски, и они перекинулись парой фраз о французской косметике и продажах ее в России.

Мадам перебила их разговор вопросом: «А где же ланч?» Наконец-то хоть один человек вспомнил, для чего они собрались, а то Лена уже собиралась пойти пообедать в кафе на улице. Все оживились. Оливье принес из кухни миску с салатом типа греческого и блюдо с курицей гриль. Как ей показалось, курица была куплена готовой в супермаркете, и он ее просто разогрел в СВЧ.

При виде курицы все в один голос восторженно воскликнули: «Чикен, чикен!» Не зная, как на это реагировать, Елена задумалась. Что это означает? Радость по поводу курицы была не наигранной, значит, это редкая дорогая еда. Или они вообще не едят, и любая еда ими воспринимается на ура? Тем временем мадам разломала курицу на мелкие кусочки, даже крылья поделила на три части, и первой поднесла блюдо к ней, что указывало на особое расположение.

К курице гриль она относилась более чем спокойно. Она любила курицу, но только если ее приготовить каким-нибудь особым способом. Лучшее, что она когда-либо пробовала из курицы, было чахохбили в исполнении ее подруги детства Лены. А просто курицу гриль обычно покупали на пикники или когда очень хотелось есть, а готовить было лень. «Может быть, крыло?» – подумала она и положила себе среднюю часть, потому что в крайней части есть было вообще нечего. Когда она сама готовила курицу, то обрезала эту часть для кошки Муськи.

Увидев, что Лена положила себе на тарелку только один кусочек курицы, мадам показала жестом, что она может взять еще.

– Спасибо, мне достаточно, – ответила она.

Но мадам не успокоилась и, покопав вилочкой, нашла и положила ей в тарелку именно тот засохший маленький кусочек крайней части крылышка. Сделав это, она удовлетворенно улыбнулась, выбрала себе ножку и передала блюдо с курицей дальше по кругу.

Поедание ланча длилось недолго, потому что других блюд не предлагали, но все были абсолютно счастливы. Чувствовалось, что праздник удался. В конце перешли к десерту. Это, как Лена и думала, была клубника, и как она и догадывалась, производства того же завода резинотехнических изделий. Ягоду посыпали сахарной пудрой, а поверх выдавливали из баллончика взбитые сливки. Было видно, что они прямо-таки наслаждаются вкусом. Елена проделала то же самое в надежде, что вкус улучшится, и он изменился, совсем как в анекдоте. Стал «ужас», но не «ужас-ужас», как было без сахара и сливок.

Обед закончился, все вышли на террасу. Она была достаточно большой, практически такой же, как комната. Уже смеркалось, и Оливье зажег свечи, все сели вокруг низкого столика, гостям предложили ликер. Хотя терраса выходила на соседний дом, эта часть вечера понравилась Лене больше всего: это было хоть немного похоже на Париж в ее представлении.

Ее мысли были о том, как далеки от реальности наши представления о жизни в других странах. В этом, собственно, не было бы ничего плохого, если бы эти представления не мешали наслаждаться тем, что мы имеем. Ведь то, что она имеет в своей жизни, было на порядок лучше того, что имеют люди в других странах. Включая клубнику!

Тут Елена обратила внимание, что мадам пристально смотрит на нее, потом переводит взгляд на Ванессу, потом опять на нее, словно сравнивая их. Это ее рассмешило. К ней подошел Филиппе и сказал, что мама хочет у нее что-то спросить. Он перевел: мадам считает ее очень элегантной девушкой с хорошим вкусом, в отличие от Ванессы. Она интересовалась, в каком бутике Лена купила такие элегантные кожаные туфли. Ответ потряс мадам: фиолетовые туфли российской марки «Респект» она купила в магазине «Сити-обувь» на центральной прогулочной улице в Тарасове. Эти туфли Лена взяла с собой по причине удобной колодки, мягкой кожи и из-за того, что они не занимают много места в чемодане. Туфли были недорогими и удобными. Она бы никогда в жизни не поверила, что мадам удивят именно российские туфли, а не ее именное итальянское платье, фирменный английский плащ и французский шарф последней коллекции.

Елена пригласила маму Филиппе в Тарасов, пообещав посещение всех обувных бутиков. Мимходом она увидела, как мадам берет что-то со стола и кладет себе в сумку.

Распрощавшись с хозяевами, они спустились вниз и сели в машину. Обратная дорога была быстрой. Ночной Париж тих и ярок. Все дома подсвечивались ярко-желтым светом на фоне мерцающей огнями Эйфелевой башни. Улица рядом с домом Лены была свободна, и парковка мадам не прибавила никому царапин бампера. Попрощавшись с мамой Филиппе и поблагодарив ее за клубнику, она увидела, что именно та забрала со стола: сахарную пудру и сливки в баллончике. Мадам протянула их ей и подмигнула: мол, не зря же добру пропадать, лучше пусть добрым людям достанется.

Елена поняла, что ее кандидатура на роль невестки одобрена. Да это ведь было мечтой каждой девушки в России! Она будет говорить: «Я вышла замуж за француза», и ей все будут завидовать. А на деле попасть в такую семейку – значит есть курицу по праздникам и носить свитер с дыркой. Смеяться было нельзя, но очень хотелось...

С каждым днем погода становилась теплее и теплее. Уже с утра светило солнце, и по прогнозу дождя не предвиделось. Хороший день, чтобы погулять по городской набережной и дойти до знаменитого собора Нотр-Дам де Пари.

Однажды Лена была в Германии и видела Кёльнский собор. Как рассказывал экскурсовод, Кёльн ко времени его строительства был самым могущественным городом Германии,

поэтому было принято решение возводить здесь кафедральный собор по примеру Франции с ее Нотр-Дам де Пари. Только по масштабам немецкий храм должен был затмить все аналогичные сооружения в мире. Собор строился более шестисот лет, и две главные башни высотой 154 метра были достроены только к 1824 году. Это один из самых впечатляющих храмов Европы, с самым большим фасадом в мире, занимающий третье место на Земле по высоте.

Главное богатство сооружения – золотая гробница с мощами трех волхвов (Ларь трех волхвов), украшенная тысячами драгоценных камней и жемчужин. Елена помнит свои впечатления: собор ее потряс, хотя раньше она никогда про него не слышала. Если у его создателей была цель построить величественное сооружение, то они ее превзошли. Башни храма видны из любой точки Кёльна, и, что интересно, во время Второй мировой войны собор не был разрушен при бомбежке, потому что самолеты использовали его в качестве ориентира.

Она уже была близко к собору Нотр-Дам де Пари, но его все еще не было видно. Странно, подумала Лена. Но ведь Париж всегда преподносил ей сюрпризы. Собор не был исключением: подойдя к нему, она увидела, что башен нет. То есть они были, но недостроенные – не хватало самих шпилей.

– Высота собора Парижской Богоматери составляет 35 метров. Его строили с 1163 по 1345 год, причем самое продолжительное время понадобилось для возведения башен, которые так и не были достроены до конца. В соборе хранится одна из великих христианских реликвий – терновый венец Иисуса Христа, – услышала Елена речь русского экскурсовода. Обернувшись, она увидела экскурсионную группу из России. Как выяснилось позже, они путешествовали по Европе по программе «Кёльн – Брюссель – Амстердам – Люксембург – Париж». Ведь они только что из Кёльна приехали, сообразила она. Интересно, какой собор им больше понравился? И она обратилась с вопросом к двум женщинам, стоявшим рядом.

– С первого взгляда Нотр-Дам де Пари меня совсем не впечатлил, – высказала мнение девушка. – После Кёльнского собора в Германии я ожидала чего-то большего. Но, взглядевшись, поняла, что ошибалась: главной идеей собора Парижской Богоматери являются не формы, не размеры, а внутренний дух.

– Да, – поддержала ее другая, – Кёльнский собор выглядит как громадная темная скала, а собор Парижской Богоматери – это изящная статуэтка, украшенная резьбой. На мой взгляд, отсутствие башен, эта их квадратность добавляют собору изюминку. Ну что Вы хотите, Париж есть Париж!

Лена и не сомневалась, что общее мнение окажется в пользу Нотр-Дама. Безусловно, она понимала, что сравнивать соборы нельзя. Это всё равно что сравнивать картины или скульптуры – каждое произведение искусства бесценно. Но как можно угледеть гармонию в отсутствии башен только потому, что это Париж, она не понимала. Тем не менее удержалась от того, чтобы высказывать свою точку зрения по этому поводу, а только поблагодарила за ответ.

Уже собираясь пройти в собор, Елена снова услышала гида. На этот раз женщина-экскурсовод договаривалась с туристами о встрече на этом же месте через два часа после обеда. Еще она рассказала, что обычно обедает в кафе на другой стороне улицы, где вкусно и недорого. Молодая женщина-гид выглядела как настоящая француженка: элегантно одетая, с короткой, но очень стильной стрижкой и приятным голосом. Она располагала к себе, не прилагая никаких усилий.

Лене захотелось поговорить с ней, и она последовала в кафе. По дороге они познакомились. Гида звали Александра. Она уже пять лет жила во Франции, была замужем за французом, но не очень удачно (Лене было абсолютно понятно, почему). Теперь развелась и работает гидом в нескольких туристических фирмах. По специальности Александра историк, и Франция всегда была ее мечтой. Поэтому она досконально знает Париж, являясь одновременно любителем и профессионалом, но, к сожалению, ее знания абсолютно не востребованы.

«Вы же сами видели, что русский человек и в недостроенном соборе находит изюминку лишь потому, что он в Париже». Оказывается, она слышала ее разговор с туристами из группы.

Исторически сложилось, что на протяжении почти двух веков Франция была ближе России, нежели другие европейские страны, и более того – в известном смысле была для дореволюционной России проводником европейской культуры. По-видимому, что-то из этих прошлых времен осталось в «генетической памяти» нашего народа, который и сегодня воспринимает Францию как некую особую державу Европы, а Париж – как всемирную столицу моды и красоты. Франция вообще ассоциируется в представлении россиян с искусством, эстетикой, утонченностью.

«Раньше я пробовала рассказывать туристам правдивую историю Франции, но она мало кого интересует, и на меня даже пожаловались: сказали, что я оскверняю их мечту», – сказала Александра.

Тем временем они подошли к итальянскому кафе, выбрали столик с видом на небольшой скверик и заказали пиццу. После нескольких минут разговора они уже перешли на ты. И совершенно не чувствовалось, что они знают друг друга не больше часа.

Елена решила поделиться с Александрой размышлениями о том, что все ее представления о Париже оказывались неверными, причем не в пользу последнего.

– Может, я что-то не так понимаю?

Александра рассмеялась.

– Хочешь, поиграем в игру. Ты будешь говорить мне, как ты представляешь что-то в Париже, а я тебе буду говорить правду. Только ты должна быть готова слушать исторические факты.

Да, она готова. Предложение было интересным.

– Так, с чего бы начать? Ну, например, вот дома старинные, каменные здания в неоклассическом стиле, выстроенные в единую линию на улицах Парижа. Серые такие, красивые, аккуратные. У нас в России всё какое-то разнокалиберное.

– Здесь всё очень просто, – начала Александра. – В 1852 году произошел переворот, который организовал Наполеон Третий, племянник Первого. Он провозгласил рождение Второй империи и возглавил ее. В Париж пришла новая жизнь. Новый император обладал достаточной властью, чтобы экспроприировать старые дома, снести их и заняться благоустройством города. Главой всех строительных работ был назначен барон Осман – человек неумной энергии и немецкого происхождения. Настоящая его фамилия была Гаусманн, так что к туркам он никакого отношения не имел, просто французы переделали на свой лад трудную фамилию. Барон был наделен неограниченными финансовыми полномочиями. Недавняя революция продемонстрировала, как легко узкие улочки старого Парижа превращаются в баррикады и как трудно транспортировать полицию и войска по его запутанным дорогам. Честолюбивый барон задумал «перекроить» Париж в архитектурном плане. По его приказу сносили целые кварталы трущоб. На их месте появлялись широкие улицы, застроенные «типовыми» серыми зданиями в шесть этажей – доходными домами. На первом этаже такого дома обычно располагался магазин или учреждение, средние этажи были отведены под жилье, а в верхний, мансардный, этаж поселялись слуги. В это время из центра на окраины переселили около трехсот с половиной тысяч бедняков. В результате возник другой Париж, с другой планировкой. Этот шедевр мы сейчас и видим. Не зря говорится: красота требует жертв.

Да, теперь, после этой исторической справки, Елена уловила это свое внутреннее ощущение. Париж был красив, но это какая-то не старинная красота, можно даже сказать, новодел, ведь домам было всего по 120—150 лет, в отличие от Праги, например, где каждый дом – старинное произведение искусства. И то, какой ценой была достигнута эта прогрессивная красота Парижа, наверное, тоже имело значение.

– Площадь Парижа равняется площади Москвы в пределах Садового кольца, – добавила Александра.

«Вот почему Париж кажется таким маленьким городом», – подумала Лена.

Она огляделась по сторонам. Взор ее упал на красивые металлические решетки на окнах-балконах. Александра проследила за ее взглядом и почти крикнула:

– Нет-нет, только не спрашивай меня про французский балкон!

«Уж теперь точно спрошу», – решила она.

– Вот французский балкон, выглядит очень изысканно и оригинально. Благодаря длинному, до пола, окну и ажурной металлической решетке, ограждающей его снизу, дом как-то преобразуется, кажется компактным, строгим и в то же время аристократичным. Что ты скажешь по этому поводу? – посмотрела она на Александру.

– Ну это длинная история, не совсем подходящая к застольной беседе. Но ведь мы с тобой уже закончили обед. Пойдем, прогуляемся, и я тебе расскажу то, что ты никогда не могла себе представить... Принято считать Париж городом тонких ароматов и дорогих духов, – начала Александра, – но в европейских городах до начала XIX века туалеты отсутствовали напрочь. Средневековый Париж был чуть ли не самым грязным и вонючим городом мира! Даже в легендарном Лувре туалеты отсутствовали. Есть документальные свидетельства того, что придворные и монархи справляли естественные потребности там, где их прижмет нужда: в парках, по углам дворцов, на балконах. Поэтому добраться от дворцового входа, скажем, до бального зала было весьма «ароматным» испытанием. Время от времени из Лувра выезжали все его знатные жильцы, дворец мылся и проветривался.

«Водные ванны утешают тело, но ослабляют организм и расширяют поры. Поэтому они могут вызвать болезни и даже смерть», – утверждал медицинский трактат XV века. В Средние века считалось, что в очищенные поры может проникнуть зараженный инфекцией воздух. Вот почему высочайшим декретом были упразднены общественные бани. И если в XV—XVI веках богатые горожане мылись хотя бы раз в полгода, то в XVII—XVIII они вообще перестали принимать ванну. Все гигиенические мероприятия сводились только к легкому ополаскиванию рук и рта, но только не лица. «Мыть лицо ни в коем случае нельзя, – писали медики в XVI веке, – поскольку может случиться катар или ухудшиться зрение».

Леонардо да Винчи был настолько напуган парижским зловонием, что спроектировал для короля Франсуа Первого туалет со смывом. В плане великого Леонардо были и подводящие воду трубы, и канализационные трубы, и вентиляционные шахты, однако... как с вертолетом и подводной лодкой, Леонардо поторопился и с созданием туалета – всего-то на каких-нибудь пару сотен лет. Туалеты в королевских покоях построены так и не были.

С тех пор как король Франции Филипп II Август в XII веке упал в обморок от невыносимой вони, поднявшейся от проезжавшей мимо дворца телеги, взрыхлившей наслоения уличных нечистот, с антисанитарией в Париже ничего не менялось вплоть до середины XIX века. В 1364 году человек по имени Томас Дюбюссон получил задание «нарисовать ярко-красные кресты в саду или коридорах Лувра, чтобы предостеречь людей там гадить – чтобы люди считали подобное в данных местах святотатством».

Конечно, присесть на широкий подоконник для дефекации не очень-то удобно. Человек перевешивался, особенно если бывал пьян. Наверняка и падали даже... Позднее стали строить продленное окно до пола, а проем с улицы закрывали решеткой. Так и появились французские балконы, которые впоследствии стали изящным украшением парижских зданий.

Кстати, замена обычных окон на окна-двери была даже необходима. Толчком к этому решению стала эпидемия холеры в 1832 году, которая унесла жизни двадцати тысяч парижан. В конце 1830-х годов префект Рамбюто осознал проблему недостающей гигиены, и было решено «заставить воздух циркулировать» внутри помещений...

Да, информация была шокирующая. Елена ожидала чего угодно, но только не такой «естественной необходимости», породившей французские балконы. Конечно, она понимала, что эти здания построены много позже того времени, и теперь они смотрятся как настоящее украшение.

– Ну почему в России нельзя сделать, чтобы дома были такими же аккуратными и красивыми? – спросила она Александру.

– Вот посмотри, – ответила та, – французский балкон не выступает из здания, как обычный кованый, а ограждение создается непосредственно в дверном проеме. Внешне такой балкон больше похож на огромное окно, занимающее всю стену и имеющее ограждение. Это одна из важных конструктивных особенностей. Достоинством классического французского балкона является отсутствие всякой возможности его захламить. Для этого просто не хватает площади. Даже несколько банок варенья на нем будут полностью разрушать иллюзию легкости и противоречить задуманному дизайнером стилю. Именно поэтому с функциональной точки зрения от балконов нет никакой пользы, но зато они обладают чудесными декоративными качествами. Со всем французским всегда так: шарм затмевает содержание. У меня был такой случай. Один мой знакомый из Норильска хотел купить квартиру в новом престижном доме и жаловался на планировку: там, говорит, такие балконы – ни тебе застеклить, ни велик поставить, ни банки с вареньем – короче, толку никакого.

– Да, конечно, – Лена вспомнила свой город. Дома на улицах выглядели настолько ужасно, но это было только оттого, что каждый застекляет лоджию на свой вкус. Если в доме двести семьдесят квартир – значит, будет двести семьдесят разных вариантов рам на лоджиях и балконах: из пластика, алюминия, дерева, разного цвета и качества. Потом на лоджиях складывается рухлядь, которая просвечивает через прозрачные стекла, и дома становятся похожими на старых бомжей. Вновь построенные здания уже через год перестают отличаться от своих старших «собратьев».

Но все мы при каждом удобном случае обсуждаем, как ужасен город Тарасов: «Идешь по улицам, и смотреть по сторонам противно, а вот в Париже!..» А если разобраться, то получается, что в нашей стране больше делается для удобства человека. Квартира без лоджии считается неполноценной, а в Париже никто не думает об удобстве людей. Чтобы не бороться с захламлением балконов, их просто не делают. И не разрешают тебе ничего на них вешать, кроме цветов. Вот такая красивая демократия.

– А лучшие в мире французские духи? – был следующий вопрос.

– Качество французских духов никто никогда не отрицал, но интересно, почему именно в этой стране они получили такую популярность, – рассказывала Александра. – Ответ на этот вопрос является продолжением предыдущей темы. В средневековых городах Европы канализации не было, зато были крепостные стены и оборонительный ров, заполненный водой. Он роль канализации и выполнял. Со стен в ров сбрасывалось дерьмо. Во Франции его кучи разрастались до такой высоты, что стены приходилось надстраивать, как случилось в том же Париже – куча разрослась настолько, что фекалии стали обратно переваливаться.

Кроме того, появилась опасность вражеского проникновения в город – противник запросто мог забраться на стену по куче экскрементов. Стену надстроили. Улицы мыл и чистил единственный существовавший в те времена дворник – дождь, который, несмотря на санитарную функцию, считался наказанием господним. Дожди вымывали из укромных мест всю грязь, и по улицам неслись бурные потоки нечистот, которые иногда образовывали настоящие реки. Так, например, во Франции возникла речушка Мердерон (merde в переводе – «дерьмо»). Результаты человеческих усилий стекали за стены города. Представьте себе запах, окружающий средневековые города!

Иногда Париж пытались чистить – главным образом от дерьма. Первый такой «коммунистический субботник» в Париже был произведен в 1662 году, и это событие так поразило современников, что по его поводу была выбита медаль.

Так что активное использование духов было связано не столько с эстетическими чувствами утонченных французов, сколько с банальным стремлением приглушить другие, далеко не столь утонченные, запахи, которыми были пропитаны в то время города. Дворец короля Людовика XV стали называть «ароматным двором», поскольку восхитительными запахами там было пропитано буквально всё – не только одежда придворных, но и мебель.

Французский королевский двор периодически переезжал из замка в замок из-за того, что в старом буквально нечем было дышать. Ночные горшки стояли под кроватями дни и ночи напролет. Большинство аристократов спасались от грязи с помощью надушенной тряпочки, которой они протирали тело.

Давно гуляет по анекдотам сохранившаяся записка, посланная королем Генрихом Наваррским, имевшим репутацию прожженного донжуана, своей возлюбленной Габриэль д'Эстре: «Не мойся, милая, я буду у тебя через три недели». Сам король, кстати, за всю жизнь мылся лишь три раза, из них два – по принуждению.

Русские послы при дворе Людовика XIV писали, что их величество «смердит аки дикий зверь». Самых же русских по всей Европе считали извращенцами за то, что те ходили в баню раз в месяц – безобразно часто.

– Ну а мода того времени – все эти шикарные платья, камзолы, панталоны, – ведь вся мода пошла из Франции? – неуверенно спросила Елена. – Или это тоже неправда?

– Правда, – ответила Александра, – но многое из того, что придумывает человечество, очень часто просто помогает ему скрыть какие-то неприятные моменты. А остальные подхватывают это и вводят в ранг модного нововведения, и так это становится эталоном моды.

«Король-солнце», как и все остальные короли, разрешал придворным использовать в качестве туалетов любые уголки Версаля и других замков. Стены оборудовались тяжелыми портьерами, в коридорах делались глухие ниши. Но не проще ли было оборудовать какие-нибудь туалеты во дворе или просто бегать в парк? Нет, такое даже в голову никому не приходило, ибо на страже традиции стояла диарея – беспощадная, неумолимая, способная застигнуть врасплох кого угодно и где угодно. При соответствующем качестве средневековой пищи понос был перманентным. Эта же причина прослеживается в моде на мужские штаны-панталоны тех лет (XII—XV века), состоящие из одних вертикальных ленточек в несколько слоев. Парижская мода на большие широкие юбки, очевидно, вызвана теми же причинами. Хотя юбки использовались и с другой целью – чтобы скрыть под ними собачку, которая была призвана защищать прекрасных дам от блох. Проблема диареи, впрочем, была более глобальна. Представь: на балу вдруг прихватило, а юбка узкая. Проблема! Или юбку испачкаешь, или задирать придется, да и не успеть можно. А с широкой юбкой – отбежала к стене, присела в реверансе на минутку и пляшешь себе дальше.

– А парики тогда были зачем – чтобы голову не мыть и не причесываться? – Лена начала разгадывать секреты самостоятельно, пользуясь той же методикой.

Александра рассмеялась:

– Да, с фантазией у тебя не очень, но уже теплее. В 1530 году итальянский врач Фракасторо порадовал любителей изящной словесности поэмой «Сифилис, или Французская болезнь». Считалось, что болезнь приняла такое повсеместное распространение благодаря легкомысленным французам. Сифилисом переболело в то время почти всё население Южной Европы – от святых отцов до уличных нищих. Генрих Гезер писал, что из-за сифилиса исчезла всяческая растительность на голове и лице.

И вот кавалеры, дабы показать дамам, что они вполне безопасны и ничем таким не страдают, стали отращивать длиннющие волосы и усы. Ну а те, у кого это по каким-либо причинам не получалось, придумали парики, которые при достаточно большом количестве сифилитиков в высших слоях общества быстро вошли в моду во всей Европе. Эта проблема коснулась не только кавалеров – лысины порой появлялись и у дам. Но и они умело прикрывались париками. От слова «парик», сходно звучащего на всех европейских языках (*peruque* – франц.), родилось и название тех, кто эти парики делал, – парикмахеров. Эта профессия стала одной из самых высокооплачиваемых в мире.

На вопрос «Что делают в парикмахерской?» любой ребенок ответит: «Стригут волосы!», удивляясь неосведомленности взрослых. Но когда сифилис вместе с сопутствующим ему облысением распространился и в Англии, цирюльника стали называть не *haircutter* – «подстригатель волос», а *hairdresser* – «одеватель волос». Так в Англии появились те самые парики, которыми как славной и древней традицией гордятся поныне судьи и лорды.

В Европе начался настоящий бум накладных волос. Парик стал символом эпохи «короля-солнца». Приличному человеку полагалось их иметь как минимум три и менять в течение дня.

В России парики появились при Петре I. Они были просто одной из новинок и не поражали особой пышностью и роскошью, как во Франции. Сам Петр мало внимания уделял условностям и носил самый дешевый парик стоимостью пять рублей. Поговаривают, что в церкви император даже снимал накладку вместе со шляпой, видимо, считая ее частью головного убора.

– Ну а шляпы мушкетеры тоже из практических соображений носили? Или все-таки хоть кто-то во Франции пытался быть изысканным джентльменом? – осторожно спросила Елена, уже предвидя очередную историческую правду.

– В Париже всегда так: когда не достигают желаемого – делают вид, что желали достигнутого. Вот что писал историк, автор исследований по очистке города.

«Начиная с древних времен, правило для парижского мусора было одно – *tout-a-la-gue* («всё на улицу»), включая домашние отбросы, мочу и фекалии. Вместо туалетов повсеместно использовались горшки. Те, кто был богаче, украшали их золотом и драгоценными камнями, остальные использовали более простую посуду. Однако горшки нужно было куда-то опорожнять. А поскольку выгребных ям в городах не было (или было, но очень мало), то горожане, ничуть не смущаясь, выливали нечистоты из окон прямо на головы прохожим. Изданный в 1270 году закон гласил, что «парижане не имеют права выливать помои и нечистоты из верхних окон домов, дабы не облить оным проходящих внизу людей». Те, кто не подчинялся, должны были платить штраф. Однако этот закон вряд ли исполнялся – хотя бы потому, что через сто лет в Париже был принят новый закон, разрешающий-таки выливать помои из окон, но прежде трижды прокричав: «Осторожно! Выливаю!»

А чтобы ты мне скорее поверила, давай прочитаем старых добрых «Трех мушкетеров». Я всегда с собой ношу этот подарочный мини-экземпляр. Это мой талисман. Итак, действие книги начинается в 1625 году при короле Луи XIII.

«Я допускаю, – сказал Атос, – что шпиона могла обмануть фигура, но лицо...» «На мне была широкополая шляпа», – объяснил Арамис. «О боже! – воскликнул Портос. – Сколько предосторожностей ради изучения богословия!...» «Месье Портос, что за высокопарные глупости – Вам, что, ни разу говно на голову не выливали за годы жизни в Париже?»

Заметное распространение шляпы получили с конца XVI века. Широкополые шляпы, которые носили роялисты в Великобритании и мушкетеры во Франции в XVII веке, могли произвести впечатление, но не были практичными. Так забывается история!

Действительно ли широкополые шляпы были непрактичны, или причины их появления просто не хочется вспоминать? Понятно, что дорогие и с трудом отстирываемые парики не были призваны служить защитой от льющихся сверху помоев и фекалий. Наоборот, нужна была защита самих париков от такой напасти. Услуги парикмахера, изготовлявшего парики,

стоили дорого. Широкополые же шляпы стали носить в Великобритании и Франции, то есть там, где дерьмо больше всего и выливали на головы.

Как бы продолжая тему шляп, развивается история происхождения реверанса. В средневековой Европе к исполнению реверансов и поклонов относились с особым вниманием. Энциклопедия определяет реверанс как почтительный поклон. Он всегда сопровождался снятием головного убора, так что характер реверанса зависел от формы и покроя одежды. Особое внимание в поклоне уделялось умению кавалера обращаться со своим головным убором – снимать шляпу перед поклоном и приветствовать даму. А изначально реверанс имел своей целью всего лишь убрать вонючую шляпу подальше от чувствительного носа дамы...

Вспомни, как тот самый первый мушкетер, который так поразил некую встретившуюся ему даму, изогнулся в танце-поклоне и ловко спрятал за спину свою шляпу, на которую только что вылил содержимое «ночной вазы» сонный бакалейщик со второго этажа! На вопрос удивленной дамы наш кавалер совершенно честно ответил: «Это я из великого уважения к Вам!» Дама была поражена и рассказала о таком рыцарском отношении подругам. Те в свою очередь стали требовать аналогичного почтения от своих ухажеров. Если же во время исполнения ритуала незадачливого кавалера совсем некстати кусали блохи, то па становились совсем замысловатыми, что и придавало реверансу черты настоящей бальной хореографии. Действие стало традицией, и теперь мы на полном серьезе читаем о том, какой «величием и строгостью отличались реверансы и поклоны XV века».

Ну вот, пожалуй, и всё. Ну что, я не совсем тебя шокировала? Кстати, теперь я тебе задам вопрос на засыпку: что такое французский поцелуй? – неожиданно закончила Александра.

Такого Елена не ожидала. Здесь опять таится какой-то исторический подвох!

– Ну, может, это единственный способ заставить француза закрыть рот и перестать болтать? – высказала она ироничную версию.

– Нужно запомнить, это может пригодиться, – рассмеялась Александра. – А ответ на мой вопрос – английский поцелуй! Потому что во Франции его называют английским, а в Англии – французским. Только не спрашивай меня почему – вот этого я не знаю. Но твоя версия мне понравилась!

Время пробежало совершенно незаметно, и они уже подходили к собору Нотр-Дам де Пари. Группа ждала Александру. Расставаться не хотелось. Они обменялись номерами телефонов и договорились встретиться в ближайший выходной день. На прощание Александра поинтересовалась дальнейшими планами Лены на сегодня. Услышав, что она собирается дойти до Латинского квартала, Александра усмехнулась и посоветовала не искать там мексиканцев. Латинским квартал называется потому, что там находится Сорбонна, в которой преподавание первоначально велось на латыни.

От собора Елена перешла через мост. Здания по левую сторону Сены были точно такими же одинаково аристократичными. Но теперь, зная всю историю происхождения этого изыска, она смотрела на них не снизу вверх, как на что-то недоступное, а на равных. Да, в Москве тоже много проблем, но каждый город хорош по-своему.

Париж – вот он такой: не идеальный, не эталон мировой культуры, но единственный в своем роде. Париж так же уникален, как Москва, Санкт-Петербург или Тарасов. Этот новый взгляд на столицу Франции очень ей понравился. Спасибо Александре. Прямо по Конфуцию получилось: «Был бы ученик, а учитель найдется».

Размышляя, она не заметила, как оказалась в конце бульвара Сен-Мишель. Невдалеке был виден красивый парк. Это Люксембургский сад – самый «французский» из всех парков города, потому что только здесь можно увидеть, как именно проводят свободное время парижане, так что становится понятным истинное предназначение зеленых местечек Парижа.

Лена села на один из железных стульев, стоящих вокруг фонтана. В центре парка возвышается Люксембургский дворец, построенный для Марии Медичи в английском стиле с большими пространствами зеленого газона. А для нее Люксембургский сад был связан с известными людьми, которые в разные годы гуляли здесь: Манделыштам, Цветаева, Ахматова, Модильяни.

В центре парка – большой пруд, окаймленный изящными цветниками и изогнутыми дорожками. Наступило обеденное время, все газоны были заполнены людьми, сидящими с ланчами в пластиковых контейнерах. Люди были разные: студенты, люди постарше. Наверное, есть обед, сидя на траве, удобно. Но Лене казалось, что люди решили устроить пикник в Люксембургском саду потому, что гораздо дешевле купить еду навынос и не платить за обслуживание в кафе. Это входило в диссонанс с окружающей гармоничной архитектурой, розовыми аллеями и аккуратно подстриженными деревьями.

Диссонанса никто, кроме нее, не замечал. Ну и ладно, подумала она. Если не смотреть на обедающих, то вид на дворец в окружении парка был именно таким, каким она и представляла.

Отдохнув, Елена решила, что посмотрит Сорбонну, а тогда уже будет пора возвращаться домой. Она опять вышла на бульвар Сен-Мишель. Именно здесь понимаешь, как хорошо быть студентом: атмосфера свободы, молодости и какой-то артистичности чувствуется во всем вокруг – многочисленных недорогих кафе, книжных магазинчиках и лавках.

Впереди нее шла иностранная супружеская пара. Они привлекли ее внимание тем, что подолгу стояли у каждой витрины, рассматривая манекены и не заходя внутрь. Это называется бесплатный шопинг – когда люди просто рассматривают витрины или вещи в магазинах, особенно в сувенирных, как в музее, ничего не покупая. Она всегда считала, что только русские люди вынуждены так делать: часто бывает, что денег можно накопить лишь на поездку в Париж, на шопинг ничего не остается. Но эта пара не выглядела бедно. Да и средняя зарплата в европейских странах – около трех тысяч евро в месяц.

На ее пути встретился магазин Calvin Klein. Объявленной там семидесятипроцентной скидки оказалось достаточно, чтобы благая цель увидеть Сорбонну была ею забыта. Неожиданно супружеская пара зашла в магазин вместе с ней. На вид им было за пятьдесят. Разговаривали они по-английски, но не так, как говорят американцы, используя сленг, а на классическом языке. Наверное, поэтому она очень хорошо понимала, о чем речь.

Надо сказать, что при этом Елена практически не считала, что подслушивает, – ведь она выполняет миссию раскрытия секретов. Можно было назвать ее исследователем, а для добросовестного исследователя все средства хороши. Сначала она услышала, как жена говорила мужу, что уже устала – целый день они ходят по магазинам. Теперь она хочет вернуться в отель; но отель далеко от центра, и нужно искать метро нужного цвета, так как ей не хочется ехать с пересадками. Не заметив ни одного пакета с покупками в их руках, Лена удивилась: что же такое они ищут в Париже и не могут найти?

Еще в США она обратила внимание, что супружеские пары практически не разговаривают между собой. Зато очень охотно общаются с продавцами, официантами и обслуживающим персоналом отелей. Причем все уже знают эту особенность клиентов, и поэтому персонал всегда пытается вступить с ними в контакт.

Лена этого ужасно не любила. Нужно было постоянно находиться «в разговоре», отвечая по сто раз в день на одни и те же вопросы: «Откуда Вы?», «Из России? Вау!», «Когда приехали?», «Когда уезжаете?» Дело было даже не в том, что она не считала их себе ровней, чтобы разговаривать с ними, напротив – она относилась с пониманием к их нелегкому труду. Она понимала, что они задают эти вопросы не потому, что искренне интересуются ее жизнью, а потому, что их учат привлекать потребителя и повышать уровень лояльности клиентов.

Поэтому Елена вежливо давала понять, что она не расположена вести беседу, потому что очень занята. Этим она помогала им тратить больше времени на тех, кто любит такое общение «ни о чем», и заодно спасала себя от пустой болтовни. Она считала, что время на отдыхе нужно тратить только на приятные вещи. И если нечего сказать существенного, лучше помолчать.

Эта пара была, можно сказать, типичным носителем иностранного менталитета. Только они зашли в магазин, как к ним сразу же подошел менеджер, поздоровался и спросил, откуда они. Они очень обрадовались вопросу и наперебой стали рассказывать, что они из Австралии. Супруге исполнилось пятьдесят, и муж подарил ей подарок – путешествие в Европу, это было так замечательно! А путешествуют они на поездах, от города к городу с рюкзаками.

Ее всегда удивляла эта черта иностранцев – выкладывать о себе столько информации, когда их никто об этом не спрашивает. Ей всё время казалось, что они только и спрашивают друг у друга «Как дела?» и отвечают «О'кей». И всё. Всё остальное – прайвит лайф, частная жизнь. Чем больше она изучала язык и чем чаще слушала эти разговоры, тем больше понимала, что каждый иностранец – просто находка для шпиона. Только задай вопрос, и на тебя посыплются мегабайты информации – абсолютно ненужной, неинтересной и поверхностной. Может быть, она когда-нибудь поймет, для чего им это нужно.

Дальше супруги разбрелись в разные стороны. К жене подошла девушка-продавец, и они вместе пошли в отдел женской одежды, а супруг направился в мужской отдел. Лене очень хотелось подслушать что-нибудь еще, и она решила пойти за мужчиной. В углу зала мужской одежды стоял стеллаж с сумками, и она спряталась за ним, делая вид, что выбирает сумку для себя. Она не ошиблась: разговор продолжался. Менеджер делал очень заинтересованное лицо и всей мимикой и жестами показывал, что искренне интересуется судьбой этой семьи.

Всего за несколько минут Елена узнала, что посетитель – крупный бизнесмен, владеет контрольным пакетом одной из крупнейших интернет-компаний в Австралии. Повествуя об этом, он ходил вдоль вешалок с одеждой и очень тщательно рассматривал одну вещь за другой. Его внимание привлекла белая ветровка из очень тонкого парусного шелка. Старая цена – 170 евро – была зачеркнута, поверх написана новая – 55 евро. Мужчина примерил ветровку и посмотрелся в зеркало. Взгляд стал растерянный: видно было, что он не понимает, нравится ему вещь или нет. Он оглянулся, видимо, в поисках жены, но ее не было поблизости. Ветровка ему действительно к лицу, но несколько маловата. Лена решила ему помочь – подошла поближе и показала на следующий размер. Он очень обрадовался и надел другую куртку. Да. Она была права: эта куртка сидела на нем как влитая. Ветровка была легкой, практичной и необходимой в Париже в эти дни, когда несколько раз в день погода менялась с солнечной на ветреную и принимался идти дождь. А цена была вообще смешная для такой марки – практически даром!

Гордая собой – еще бы, так помогла незнакомому человеку, – она пошла к кассе, намереваясь купить сумку за 70 евро. Скидки почему-то не было, но она именно такая, какую давно хотелось: из белой жатой ткани, с длинной ручкой и многочисленными молниями. Сумка выглядела стильно и была очень практичной. На выходе из магазина Елена столкнулась с той же парой. В руках мужчины пакета с покупкой не было. «А Вы разве не купили ту куртку? Она так хорошо Вам подходила», – удивилась она. Он опять очень обрадовался и начал рассказывать жене, что познакомился с этой очаровательной женщиной из России, когда примерял белую ветровку. Но ветровка стоит дороговато – 55 евро, а у него же теперь есть вот это! Только сейчас она увидела, что он держит джинсовую куртку.

– Представляете, мы с женой катались на кораблике по Сене и, когда причалили, выходили последними. Смотрим: кто-то забыл куртку. Мы вышли и стали спрашивать у всех, кто ее забыл, но так и не смогли найти хозяина. Поэтому мы оставили куртку себе. Вот посмотрите, – протянул ей он куртку: – Она очень хорошего качества. Совсем еще новая.

Боясь выглядеть невежливой, Лена взяла куртку в руки, чтобы потрогать ее и потом высказать восхищение. Увидела надпись – «Глория Джинс». Придумывать ничего и не надо, как оказалось:

– О, вам так повезло! Эта куртка из России.

– Правда? Вау! Мы счастливички, – вскрикнули они одновременно и обменялись поцелуями. «Никогда не догадаешься, что делает людей счастливыми», – подумала Елена.

Как-то совсем не так она представляла жизнь супербогатых людей, тем более в Австралии... Путешествовать с рюкзаком, жить на окраине Парижа, считать дорогой фирменную куртку за 55 евро и радоваться редкой удаче в виде забытой джинсовой куртки. Что же это? Когда уже она приобщится к этому тайному знанию? Хотя, с другой стороны, если она и поймет, почему они живут именно так, последовать их примеру она никогда не захочет. У нас же другой менталитет. «Я устала, поеду домой на такси, – решила Лена, – а они пусть с пересадками добираются до своего дешевого отеля и экономят денежки для чего-то другого, если это другое вообще существует...»

Попрощавшись с ними, она направилась в метро. Переходя перекресток, посмотрела направо и увидела вдали величественное здание с круглым куполом. Это, должно быть, Сорбонна! Елена помахала рукой известному университету, в котором учились Гумилев, Цветаева, Мандельштам, супруги Кюри и папа римский.

Утром раздался звонок. Это был Филиппе. «Что ему еще от меня надо?» – недовольно подумала она. И вдруг вспомнила, что именно на сегодня был назначен, причем по ее же просьбе, осмотр отелей Парижа. Как быстро бежит время! Осталась всего одна, последняя, неделя, и нужно возвращаться домой...

Она уже поняла, как устроен Париж. Город разделен на двадцать округов, которые начинаются в центре и как бы спирально закручиваются к окраинам, как раковина улитки. Каждый район имеет свой шарм, свою «изюминку», поэтому отдать предпочтение какому-то одному сложно. Размещаться стоит в отелях, находящихся с третьего по десятый район Парижа. Первый и второй – это самый настоящий туристический центр, здесь меньше предложений и заоблачные цены.

При выборе отеля не стоит ставить цель поселиться в непосредственной близости от всего сразу: пешком до всего дойти не получится. Всё равно нужно будет пользоваться транспортом, поэтому лучше ориентироваться на наличие рядом станции метро. Город небольшой, все достопримечательности «распределены» довольно равномерно, поэтому можно жить в любом районе. Если будешь ближе к Эйфелевой башне, то окажешься дальше от Нотр-Дам де Пари. В любом случае, чтобы посмотреть все интересные места, нужно ездить на метро или ходить целый день пешком.

Елене было очень интересно посмотреть отели, потому что за все годы работы в туризме, как она заметила, из раза в раз повторяется одна и та же история. Все клиенты, которые приходили покупать туры в Париж, говорили: «Нам не нужен дорогой отель, нам бы только переночевать. Это же Европа, там сервис не какой-нибудь турецкий! В Париже три звезды такие же, как пять в Турции». Определенная логика в этих рассуждениях прослеживалась. Она бы, наверное, с ними согласилась, если бы не одно но: Париж одним нравился, другим – нет, но довольных отелей тут не было никого!

Первое удивление может вызвать тот факт, что во Франции относительно немного пятизвездочных отелей. Причина не в том, что гостиниц должного уровня здесь нет, а в том, что до 2008 года во Франции существовала своя, отличная от других стран, система их классификации. Согласно этой системе, максимальное количество звезд равнялось четырем, а самым роскошным отелям присваивалась категория 4* Luxe & Palaces. Даже известный во всём мире

«Риц» относился к категории 4* Grand Deluxe. Многие же отели до сих пор утаивают свою «звездность» с целью избежать дополнительных налогов. Теперь французская национальная система классификации приведена в соответствие с международными стандартами.

Так вот, клиенты у Елены были разные, но недовольными оказывались даже те, которые в Турции и Египте жили в трехзвездочных отелях. Пожив в Париже в гостинице той же категории, они по возвращении не сразу могли сформулировать претензии, кроме одной – ужасно всё. Клиенты, имеющие возможность путешествовать с большим бюджетом, были недовольны проживанием в той же степени. Нет, Париж нравился всем или почти всем, негативные впечатления были вызваны именно ночевками в гостиницах. Причем некоторым это портило весь отдых. Общее мнение, независимо от уровня клиентов, звучало примерно так: «Ваше агентство отправило меня в дыру! Да, я был согласен жить в скромном отеле, но не на помойке, в клоповнике, тараканнике, бомжатнике и клоаке!» – тут возможны варианты, зависящие от словарного запаса отдыхающего. Даже клиенты очень дорогих отелей жаловались: на старость – не на старину, а именно на обшарпанность, затхлый запах, устаревшую сантехнику.

Она, конечно, знала, что отельный фонд Парижа не нов. Но в воображении ей рисовались маленькие уютные отельчики, аккуратные чистые номера, вкусные завтраки с теплыми свежими круассанами. Вероятно, так представляли отели и ее клиенты. Елена не первый раз сталкивалась с наблюдением, что все русские думают одинаково. Видимо, это какое-то коллективное бессознательное, чаще всего, к сожалению, далекое от реальности.

Именно поэтому она попросила устроить ей осмотр отелей. Посещение двух двухзвездочных, двух трехзвездочных и двух четырехзвездочных отелей позволило бы ей понять эту проблему в прямом смысле изнутри. Четырехзвездочные интересовали ее меньше всего, потому что цена за ночь в них была не просто больше, а невообразимо больше. Например, стоимость номера в сутки в одно- или двухзвездочном отеле составляет от 80 до 100 евро, в трехзвездочном – 150—200, в четырехзвездочном – 180—250, а в «четыре звезды де-люкс» – от 200 до 800. После того как она своими глазами увидит типичные отели в каждой категории, она уже сможет что-то предпринять для того, чтобы ее клиенты были довольны!

Филиппе в этот раз был пунктуален. После того как он подробно рассказал Лене всё, что он делал за последнюю неделю, они смогли поехать по намеченному маршруту. Филиппе был за рулем небольшого «Ситроена», принадлежащего фирме, в которой работал. Отели располагались недалеко от места, где она жила, и она планировала уже через два часа быть свободной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.